

А.В.ТИВАНЕНКО

ДРЕВНИЕ СВАТИЛИЩА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

в эпоху камня и бронзы

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

А. В. ТИВАНЕНКО

ДРЕВНИЕ СВАТИЛИЩА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В ЭПОХУ КАМНЯ И БРОНЗЫ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Р. С. Васильевский*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ББК 63.4(2)
Т39

Р е ц е н з е н т ы

кандидаты исторических наук
Е. В. Ковычев, И. Б. Коновалов

Утверждено к печати

Бурятским институтом общественных наук СО АН СССР

Тиваненко А. В.

Т39 Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — 202 с.
ISBN 5—02—029155—2.

Монография посвящена малоизученной проблеме сибирской археологии — древним культовым комплексам охотничье-рыболовных и скотоводческих племен Восточной Сибири. На основе обширного материала и новых данных археологии и этнографии рассматриваются культовые места (на поселениях, могильниках, у петроглифов) различных эпох — от палеолита до железного века. Большое внимание уделяется изучению архитектурно-планировочной структуры, форм обрядовых действий, иконографии, типологии святилищ, прослеживается их генезис и хронология, а также роль в жизни древнего населения. Дается важный материал для познания духовной и материальной культуры былых этнических групп изучаемого региона.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, религиоведов.

Т 0504000000—828
042(02)—89 189—89, кн. 1

ББК 63.4(2)

ISBN 5—02—029155—2

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Изучение традиционных верований коренных народов Сибири ведется очень давно, однако эта проблема исследована все еще недостаточно полно. Знакомство с накопленным фактическим материалом по духовной и материальной культуре сибирских этносов обнаруживает значительные пробелы в рассмотрении отдельных сторон и в целом религиозного сознания аборигенных народов. Бытование, живучесть некоторых древних верований и в настоящее время заставляет ученых внимательнее присмотреться к этому явлению, понять его сущность, исторические корни, особенности проявления его у каждого народа. Сегодня становится достаточно очевидной необходимость комплексного решения этой проблемы.

Крупнейший религиовед Бурятия Т. М. Михайлов отмечал, что именно «интеграция наук позволяет разворачивать комплексные исследования с помощью методов различных научных дисциплин (социологии, истории, археологии, этнографии, фольклористики, искусствоведения и т. д.), способствует их взаимному проникновению и обогащению». Так, в частности, «прекрасную возможность для реконструкции древних форм религии дает археология, проделавшая в последние десятилетия громадные шаги»¹. Вслед за Н. Н. Агапитовым и М. Н. Хангаловым он попытался показать, как этнографический материал помогает объяснить археологические данные, и наоборот.

Первые комплексные исследования в этом направлении, сделанные чуть ранее А. Н. Окладниковым и А. И. Мазиным в Сибири, В. Д. Кубаревым на Алтае, Л. Р. и Н. Л. Кызласовыми в Хакасии, Н. П. Диковым на северо-востоке Азии, а также А. Я. Брюсовым, В. И. Равдоникасом, Ю. А. Савватеевым, А. М. Линевским, К. Д. Лаушкиным в Карелии, В. Ф. Геннингсом, О. Н. Бадером, В. И. Чернецовым, В. Т. Петриным на Урале и другими исследователями в различных регионах СССР, убедительно показали, какой богатый, интересный и ценный материал можно получить, если привлекать древние святилища (культовые места) в качестве дополнительного источника для реконструкции духовной культуры былых этнических групп. До сих пор этот материал использовался лишь в порядке констатации факта возможного существования древних культовых комплексов. Между тем новые работы в регионе Восточной Сибири позволяют выделить объекты культового характера в новый тип археологических источников, которые показывают сложную

картину происхождения святилищ, их развития, структуры и назначения. Становится ясным, что такие традиционные археологические памятники, как могильники, стоянки, городища, петроглифы, жилища, отдельные скопления специфических находок (так называемые клады) и т. д., необходимо рассматривать в тесной связи с культовыми местами (святилищами), многие из которых являются традиционными на протяжении ряда веков и тысячелетий сибирской истории². Продолжение работы в этом направлении открывает большие перспективы перед исследователями ранних форм религии вообще и аборигенных народов Восточной Сибири в частности.

Изучение древних культовых святилищ представляет большой интерес для науки. Но, к сожалению, некоторые исследователи ранних форм религии больше внимания уделяют рассмотрению комплекса религиозно-мифологических представлений, пантеона духов, обрядности, функции шамана, нежели типологии и внешней атрибутике тех мест, на которых проводились былые ритуальные действия. До сих пор нет специальной работы, в которой бы детально исследовались конструкция и генезис, обрядовая атрибутика святилищ, показано значение культовых мест в жизни древних обществ. Мы неплохо знаем «надстройку» дошаманистических или шаманистических верований, но не имеем четкого представления о «базисе», на котором держалась вся эта обрядово-мифологическая система.

Еще мало изучены наукой такие интересные практические вопросы: какие существовали критерии для выбора того или иного священного места; чем руководствовались верующие, создавая определенные типы культовых мест; в чем их конструктивное единство и различия; существовали ли какие-то определенные проектные нормы при их строительстве; как общественное бытие, исторические эпохи и адаптация религии в новых условиях влияли на генезис культовых мест.

С сожалением нужно отметить, что, упустив возможность тщательного изучения святилищ практически отмершего в наши дни шаманизма, мы тем самым потеряли яркие этнографические аналогии для объяснения археологического материала. О том, что этнография и археология могут дополнять друг друга, свидетельствуют многие факты. Например, при изучении петроглифов Забайкалья, рассматриваемых в качестве одного из существовавших типов древних священных мест, была установлена интересная закономерность, что древние святилища зачастую совпадают с современными шаманскими местами. Отсюда следует, что зафиксированные этнографами эти места помогают найти новые памятники древнего наскального искусства Забайкалья. В другом случае петроглифы могут помочь отыскать такие культовые места этнографической современности, которые в силу различных причин оказались забытыми современниками. Пока приходится сожалеть, что этнографы до сих пор не создали научный атлас или каталог шаманских святилищ Восточной Сибири и всей Северной Азии. В религиозно-этнографической литературе, включительно до БСЭ, нет полного и всестороннего научного опре-

деления категорий культовых комплексов. Поэтому для удобства изложения настоящей темы мы предлагаем следующую терминологию, которая, естественно, в процессе дальнейшей работы может быть уточнена и конкретизирована.

Священное место — конкретный географический объект (гора, роща, озеро, река, урочище, перевал и др.) как местообитание духов общеплеменного (общеродового) значения. Во многих случаях имеет святилище (см. ниже) для совершения на нем различных ритуальных действий. Примеры: священная гора и скала (петроглиф) при ней как материальное воплощение почитаемого духа родоплеменной территории; общинный могильник с давней традицией захоронения умерших соплеменников и культовое место при нем для совершения ежегодных поминальных триз (причем могильник также имеет подчиненное значение к обожествленной географической территории).

Вполне вероятно, что понятие о священных местах возникло значительно позже того, как на данной территории впервые начало функционировать культовое место (святилище). Особую роль священные места стали приобретать к позднему средневековью, поскольку на одной компактной территории оказались памятники различных исторических эпох (см. гл. V). В этом случае наличие священного места определяется тем, насколько современный комплекс религиозно-мифологических представлений и ритуальных действий связан с древними памятниками. Нужно признать, что проблема священных мест еще не получила должного научного разрешения. В классических мировых религиях существует почти адекватное понятие «святые места».

Святилище (культовое место) — комплекс почитаемых объектов (см. жертвенник) с едиными территориальными границами, на которых совершались ритуальные действия в честь духов местности (у петроглифов), умерших предков (на могильнике), покровителей семейно-родовой общины (в жилище и на поселении). Состоит из иконографического объекта (например, петроглифа, изваяния на могильнике, оигона (фетинна) в жилище) и жертвенника (или серии жертвенников) с набором жертвенных приношений.

Материалы наших исследований показывают, что следует различать понятия «святилище» и «культовое место». Под святилищем мы подразумеваем долговременный комплекс, вобравший объекты культового характера различных эпох и в силу своей древности получивший общеплеменное (или общеродовое) значение. Культовое место состоит из комплекса недолговременных ритуальных объектов, чаще всего связанных с жизнью одного или нескольких поколений людей. К святилищам можно отнести петроглифы, в древности имевшие приоритетное значение в силу своей связи с культом духов — хозяев родоплеменной территории. Святилищами можно называть и культовые места на общинных могильниках, если практика почитания духов умерших предков имела на нем глубокие традиции. Семейно-родовые культы, напротив, чаще всего ограничивались жизнью одного или нескольких поколений людей. Как правило, такие культы прекращались, как только семейная община не-

реставала функционировать в роли единого жизнедеятельного организма.

В течение долгого исторического развития, от палеолита до этнографической современности, древние святилища (культовые места) претерпели эволюцию в сторону усложнения и разнообразия их архитектурных конструкций, культовой атрибутики, пантеона духов и совершавшихся ритуальных действий, причем наиболее значительные изменения коснулись культовых комплексов лесостепной полосы в период первого общественного разделения труда (с появлением кочевого скотоводства).

На святилище (культовом месте) сосредоточивались все атрибуты (очаги, кострища, священные деревья, оленные камни, балбалы, рисунки на скалах — иконография, шкуры жертвенных животных, жертвенные приношения, специальные наземные сооружения из камня и дерева и многое другое) для совершения культовых действий (камлание шамана, приношение жертвенных даров, поедание жертвенного животного, сжигание его костей на очагах, вывешивание шкуры, лечение больного, гадания и пр.).

Жертвенник — место для совершения жертвенных приношений на святилище (культовом месте). В некоторой степени соответствует термину «алтарь». В шаманской этнографии бурят, к примеру, жертвенник (*ишрээ*) представлял собою: 1) ритуальный очаг (кострище); 2) жертвенный холмик, образовавшийся за много лет из сожженных костей жертвенных животных; 3) алтарь (букв.: «трон»). По материалам археологии Восточной Сибири наиболее часто встречаются кострища и очаги. Не менее часто обнаруживаются и жертвенные ямы, связанные преимущественно с поселениями, жилищами и отчасти с могильниками. Ямы служили для хранения жертвенных даров духам поселения (жилища) и умерших предков, имели дополнительные наземные сооружения (навесы, крышки, обкладку стен и дна берестой или камнями, кострища и др.), находились как на территории поселения, в жилище, могиле, так и в отдалении от них. Ямы помимо разнообразного жертвенного материала имели на дне: 1) кости умерщвленных, затем погребенных собак и других животных (по 1 экз. на каждую яму); 2) черепа косули (по 1—2 экз. на каждую яму); 3) предметы культа; 4) каменные и костяные орудия труда, пищу, различные украшения и т. д.

Жертвоприношение — основной археологический материал, встречающийся на древних культовых местах Восточной Сибири, во многом единственное свидетельство наличия святилища и проводившихся на нем ритуальных действий. Жертвоприношения представляли собой пищу, орудия труда, кости животных, гальки необычных форм и расцветок, остатки деревянных и металлических предметов и т. д., расположенных на жертвенном месте как бессистемно, так и отдельными специфическими скоплениями.

Жертвоприношения, подразделяющиеся на поминальные, умиловительные, благодарственные и другие виды, предназначались в качестве даров духам обожествленных священных мест. Хотя состав приношений менялся в зависимости от исторической и куль-

турной формации, в сущности своей он оставался традиционным. Некоторыми учеными происхождение жертвоприношений связывается с обычаем кормления умерших, традициями задабривания и умиловивления духов, совместными родовыми трапезами, верой в колдовскую силу жертвенного животного. В истории всех религий известны случаи самых разнообразных жертвоприношений: от простейших (брызганье или возлияние) до кровавых и жестоких человеческих.

В настоящей книге мы попытались исследовать проблему культовых комплексов, тесно связанных с различными типами археологических памятников Восточной Сибири (поселениями, могильниками и петроглифами). Предшествующие ученые (А. П. Окладников, А. И. Мазин и другие) сделали первые попытки обобщить материал, накопленный за три столетия, наибольшие успехи были получены ими в отношении петроглифов. Что касается поселений и могильников, то их исследование ограничилось лишь констатацией отдельных фактов культового значения.

Вторая важная задача нашей книги заключается в том, чтобы помимо реконструкции типов древних святилищ проследить, насколько возможно, генезис их развития в широком хронологическом диапазоне — от эпохи палеолита до бронзы и раннего железа, выявить пантеон почитаемых духов (иконографику) и дать первое общее представление о существовавшей обрядности. Все это при наличии относительно хорошо изученных этнографических аналогий даст специалистам возможность выявить корни отмирающих сегодня дошаманистических и шаманистических верований аборигенных народов Сибири, лучше понять сущность зарождения, расцвета и упадка традиционных религиозных представлений охотников, рыболовов и скотоводов.

Третья задача — показать, насколько интересный и богатый материал могут дать древние святилища, если считать их источником для изучения материальной и духовной культуры коренного населения Сибири. Как культовые центры эти памятники концентрировали вокруг себя определенные родоплеменные группы; как алтари, на которых тысячелетиями накапливался многочисленный жертвенный материал, данные святилища хранят богатейшие коллекции орудий труда, украшений, вооружения, фауны и другое, чего не всегда можно обнаружить при раскопках традиционных археологических памятников. А такие святилища, как петроглифы, вообще являются уникальными объектами, ибо только они донесли до наших дней образцы древней наскальной живописи, иконографии, никтографической письменности.

Если изложенный в книге материал найдет подтверждение в трудах последующих исследователей, даст основание для расширения поисковых работ за пределами Восточной Сибири и глубокого изучения корней духовной культуры современных народов региона Северной Азии, автор будет считать поставленную цель достигнутой.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Древние культовые места Восточной Сибири — одна из интереснейших проблем сибирской археологии, которая привлекает внимание исследователей с конца XVII столетия. Историю ее изучения можно разделить на три основных этапа.

Дооктябрьский период. Он характеризуется первыми наблюдениями и сбором сведений о памятниках культового характера. Еще в конце XVII в. русский путешественник П. Идес описал жрецов (шаманов); клятвы, произносимые на берегах Байкала; суеверия, связанные с этим великим озером; священные горы, где устраивались кровавые жертвоприношения¹. Это вызвало большой интерес ученых и путешественников к берегам Байкала, главным образом к Приольхонскому краю, которые оставили ряд ценных любопытных свидетельств о древних культах бурят и эвенков².

В первой половине XVIII столетия руководитель Сибирской экспедиции академик Г. Ф. Миллер составил первую сводку археологических памятников Северной Азии, в которую включил ряд сведений о Восточной Сибири. В частности, он упомянул писаницу «на Лене между Верхолениском и Тутурской слободкой»³, причем особо указал на культовое почитание петроглифа близ д. Шишкино современными бурятами с верховьев р. Лены⁴. Г. Ф. Миллер видел древние памятники наскального искусства в Западной Сибири и на р. Лене, но не имел возможности их осмотреть. Сведения о забайкальских писаницах ему сообщил «заслуживающий доверия человек», сказавший, что в гористых местностях рек Джиды и Темника «на обрывистых скалах часто видны изображения животных и иные фигуры, хорошо известные в других местах по писаным скалам»⁵. В этнографических сравнениях академик находит доказательство шаманского происхождения писаниц Сибири и высказывает мнение о том, что языческая религия некогда по всей Сибири была одна и та же⁶.

В 1735 г. Г. Ф. Миллер первым произвел раскопки плиточных могил в Забайкалье. По дороге из Еравнинского острога в Удниск по р. Уде он вскрыл два погребения, причем в засыпке над плитами могильного перекрытия обнаружил «некоторые части лошадиного остова». Студент Горланов по поручению и инструкциям Г. Ф. Миллера и И. Г. Гумелина раскопал 15 плиточных могил близ д. Городище на р. Шилке, «но не нашел в них ничего, кроме поломанной

кости» (часть черепа человека, по определению Н. Г. Гмелина). Анализируя результаты раскопок в Забайкалье, Г. Ф. Миллер высказал предположение, что кости лошади над человеческим захоронением следует рассматривать как остатки древнего обычая, когда лошадь убивали на могиле покойного для того, чтобы ее душа воссоединилась с душой хозяина в загробной жизни. Г. Ф. Миллер заметил необычность конского захоронения в виде одной головы, что было подтверждено результатами последующих исследований плиточных могил Забайкалья⁷.

Член экспедиции Г. Ф. Миллера С. П. Крашенинников также интересовался археологическими памятниками и изучал поклонение аборигенными народами Сибири древним святыням. Описав знаменитую Томскую писаницу, он делает в дневнике следующее примечание: «... оттого что сей камень в тех местах, где личины вырезаны, стесан и весь черною краскою вымазан, можно признать древних язычников, которые в тех местах прежде жили, и было мольбище»⁸.

С. П. Крашенинников описал кроме того петроглиф и пещеру на берегу Енисея близ Красноярска, причем особо подчеркнул, что наряду с древними рисунками зверей и людей, выполненных красной охрой, имелись и свежие изображения мелом, частично разрушенные под действием дождей и ветров: «... весь камень в помянутой 3-саженной вышине такими фигурами прежде раскрашен был, потому что еще и поныне белая краска, по которой фигуры красным, может быть, написаны были, не вся слиняла, и тож и оттого, что нынешние фигуры не в долгом времени все сойдут»⁹. Интересно, что впервые об этой писанице сказал в 1675 г. русский посланник в Китай Н. Спафарий: «А до большого порогу, не доезжая есть место, утес каменный, по Енисею. На том месте есть вырезано на камени неведомо какое письмо и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны и в руках у них булавы и иные многие такие дела, как сказывают, что в том каменю вырезаны на пустом месте; никто не ведает, что писано и от кого»¹⁰.

В двух последних случаях речь идет о самых известных памятниках Западной и Восточной Сибири, которые изучались не только Н. Г. Гmeliным, Г. Ф. Миллером¹¹, но и другими исследователями.

В дневниках С. П. Крашенинникова имеется интересное упоминание о попытке изучения членом экспедиции геодезистом А. Ивановым в 1736 г. священной шаманской скалы в долине Иркутка, о которой «кочующие около Тункинского острогу соеты и братские мужики... суеверие имеют». Камень этот, в частности, служил одним из немногих мест у бурят для решения спорных вопросов, где подозреваемые клялись в своей невиновности. Когда геодезист отломил кусок священного камня и принес в юрту, буряты-шаманы в страхе разбежались, прося не заносить святыню в жилище¹².

С. П. Крашенинниковым сделано и интересное описание культового шаманского места у термального источника в устье р. Ыды, впадающей в Онон (Восточное Забайкалье). Оно представляло со-

бою типичное обо (кучу вкопанных на горе лиственничных прутьев, увешанных лоскутками шелковой ткани с изображением змей). Любопытно, что среди комплекса жертвенных приношений имелось несколько старинных наконечников стрел¹³.

Сведения, собранные участниками первых академических экспедиций, безусловно, отражают религиозно-мифологические представления о памятниках археологии коренного населения Сибири ко времени освоения русскими территории Восточной Сибири. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные легенды о кладах и древних вещах, вымерших мифических народах и всемогущих духах, которые были записаны учеными и местными краеведами в XIX — первой половине XX в.

Говоря о первых исследованиях археологических памятников Восточной Сибири, нельзя не отметить и «деятельность» так называемых бугровщиков, грабительские раскопки которых волей или неволей пополняли Сибирскую коллекцию Кунсткамеры. На древнем кладбище в урочище Копен-Карагас на Енисее участники экспедиции Г. Ф. Миллера нашли подземную лачугу старика по прозвищу Селенга. В течение 30 лет отшельник копал без разбора памятники разных эпох с целью наживы. Селенга сообщил ученым много неизвестного, подробно рассказал об устройстве древних некрополей, могил, о характере и расположении погребального инвентаря¹⁴.

Во второй половине XVIII в. профессор Н. С. Паллас узнал от «бугровщика» долины Енисея Д. Васильева древнее предание о монгольском Алтын-хане, зарывшем якобы перед бегством в Монголию у подножия скалы Анло свою сокровища. И действительно, перед почитаемой скалой лежала груда костей животных, которые представляли собой остатки жертв духам — хранителям клада, приносимых местными жителями. Раскопки под утесом не дали желаемых результатов¹⁵.

В конце 90-х гг. XVIII в. древностями Восточной Сибири заинтересовался горный инженер Н. К. Фролов. Находясь на службе в Забайкалье, он не только собирал произведения искусства этнографической современности, но и сделал ряд чертежей и рисунков с остатков древних сооружений. Возвращаясь из Нерчинска в Барнаул, он «зарисовал писаницы, каменную бабу, древние письмены и знаки, вычертил план развалин и проч.»¹⁶

Летом 1809 г. советник Иркутского губернского правления Берг и ассessor Цитович во время лечения на Тункинских минеральных водах обнаружили «остатки какого-то древнего здания». Составив описание «наружного состояния развалин», они по возвращении в Иркутск подали бумагу гражданскому губернатору Трескину. По его поручению инженер-поручик Чертов в 1809—1810 гг. исследовал находку и после безуспешных археологических раскопок объявил, что развалины представляют собой «амфитеатр, воздвигнутый в честь протекающего здесь минерального источника».

Отчет Чертова пролежал в Иркутском губернском архиве в течение почти полувека. В 1852 г. его нашел член Сибирского отдела РГО А. Мордвинов и сделал на заседании отдела доклад «О древних

развалинах, найденных около крепости Тунки в 1809 году». Однако профессор И. Д. Черский развеял миф о древних развалинах. В статье «Что такое развалины, найденные около крепости Тунки в 1809 году» он убедительно доказал, что обнаруженный Бергом и Цитовичем «памятник» не имеет ничего общего с археологией и является естественным туфовым образованием¹⁷.

В начале XIX столетия верхнеудинский исправник М. М. Геденштром впервые обратил внимание на один «достопримечательный столп» близ Гусиного озера¹⁸. Это был так называемый олений камень. В то же время о селенгинском оленном камне написал и иркутский чиновник П. Т. Калашников в своем романе «Дочь купца Жолобова». Он указывает еще на одну особенность — близ древнего камня в начале XIX в. действовал шаманистский храм под открытым небом¹⁹. Второй олений камень находился во дворе Тамчинского дацана и служил ритуальной коновязью для «священной» лошади. Как рассказывали ламы, этот камень был найден в горах близ Гусиного озера²⁰.

В 1848 г. М. А. Кастрен раскопал несколько плиточных могил близ петроглифа Хотогой-Хабсагай по р. Уде. Сравнив их устройство с погребениями бурятских шаманов, он высказал предположение о принадлежности некрополей бурятам «шаманского толку». Он же записал легенды, бытовавшие среди местного населения в отношении скалы Хотогой-Хабсагай²¹.

Спустя десять лет еще большего успеха в исследовании могильников добился смотритель училищ Верхнеудинского округа Д. П. Давыдов. Он первым научно доказал, что древние жертвенные комплексы существовали уже в эпоху бронзы — раннего железа. Исследователь обнаружил и привез в Иркутск знаменитый Иволгинский камень с изображениями оленей, у подножия которого раскопал «остов лошади». «Можно думать, — писал Д. П. Давыдов, — что остов лошади был основанием предполагавшегося к постройке маяка (т. е. оленного камня и плиточной могилы. — А. Т.)». Краевед обнаружил также Тапхарский (Удинский) камень, но у его основания в раскопе встретились лишь фрагменты глиняной керамики, два обломка лошадиных зубов и черепа, древесный уголь кострища.

Интересными оказались высказывания Д. П. Давыдова и о самих плиточных могилах. Изучая их в долинах Чикоя, Джиды, Иволги и Уды, исследователь пришел к выводу, что часть из них представляет собой не могилы, а некие ритуальные комплексы, особенно те из них, близ которых стояли оленные и сторожевые камни. Поэтому, подчеркивал Д. П. Давыдов, «позволительно думать, что маяки были нечто в роде нынешних обопов с человеческими жертвами и без них»²². Он посетил петроглиф Хотогой-Хабсагай и записал аналогичные с данными М. А. Кастрена легенды о почитании скалы. Обнаруженные им «старые железные наконечники от стрел» — это первый фактический материал, свидетельствующий о наличии древних жертвенных приношений у подножия писаных скал.

Существенный вклад в дело изучения древних культовых мест Восточной Сибири внесли Н. И. Витковский и А. К. Кузнецов. В 1880 г. Н. И. Витковский, проводя раскопки крупнейшего могильника в устье р. Китой, отметил следы кольев, некогда вбитых около ряда костяков. Используя прогрессивный для своего времени метод траншейного раскопа, Н. И. Витковский помимо захоронений нашел в стороне от могильных бугров особые кучки вещей, а также очаги до 2 м в диаметре ²³.

В 1895 г. А. К. Кузнецов продолжил раскопки плиточных могил и исследовал несколько оленных камней и писаниц ²⁴. Одновременно с ним Н. В. Кирилов и В. А. Обручев открыли несколько писаниц, исполненных красной охрой с изображениями птиц, людей, пятаев, загонов-оград и др. Однако Н. В. Кирилов склонен был относить эти изображения к сравнительно недавнему времени, полагая, что их «делали шаманы не более двух веков назад» ²⁵. Были продолжены исследования ленских священных скал в Предбайкалье. А. Щекатов указал на факт устойчивого культового почитания петроглифа у с. Шинкино. Это подтвердили в своих работах и Семивский, Щукни, Спасский, Иркутский архиепископ Нил. В то же время Д. Н. Клеменц и Н. А. Лопатин открыли писаницу в устье р. Каменки и следы древних жертвоприношений у ее подножия ²⁶.

Н. Д. Черский, Н. И. Агапитов и М. И. Хангалов были первыми исследователями, обратившими внимание на традиционность почитания современными бурятами петроглифа Саган-Заба, Ая, Куртун и др. М. И. Хангалов первым подметил сходство наскальных рисунков Байкала с онгонами балаганских бурят. Считая петроглифы Байкала «религиозными центрами», где первобытные охотники устраивали свои магические обряды, он осуществил также первую попытку классифицировать наскальные изображения через поиски аналогий им в шаманской иконографии бурят. Кроме того, исследователь попытался дать и хронологию этих писаных скал ²⁷. Сведения М. И. Хангалова о почитании местными бурятами петроглифов Байкала были высоко оценены научной общественностью Сибири, которая серьезно интересовалась этнической историей бурят. Н. И. Агапитов, посетивший вместе с М. И. Хангаловым петроглифы Байкала, написал статью, в которой предложил рассматривать загадочные наскальные рисунки в качестве прототипов бурятских онгонов — *зурактапов* ²⁸. Весьма ценными оказались его описания легенд и ритуальных обрядов, связанных с древними наскальными изображениями.

В первые годы XX в. вопросы, поднятые Н. И. Агапитовым и М. И. Хангаловым, нашли отражение в деятельности сибирского научного общества. Т. И. Савенков продолжил собирание новых легенд о почитаемых скалах и поиски аналогий древних изображений онгонам бурят ²⁹. Б. Э. Петри, собирая фольклорный материал, нашел еще два новых местонахождения петроглифов (Сахюртэ и Орсо), также почитавшихся ольхонскими бурятами ³⁰. Материалы изучения новых петроглифов и данные раскопок многослойной стоянки Улан-Хада на берегу Малого моря в Приольхонье позволили

Б. Э. Петри высказать теоретическое положение о характере религиозных представлений неолитических жителей Байкала³¹.

Большой интерес представляют фольклорные записи Г. Л. Ленхобоева³². Они показывают, что вокруг древних памятников наскального искусства в среде забайкальского населения издавна сложился особый, «вполне законченный и оригинальный цикл преданий и легенд». Бурятские старики видели в наскальных рисунках пиктографические летописи, рассказывающие о жизни (точнее, о перекочевке в Приангарье) древних обитателей долины р. Селенги и ее притоков. Они даже пытались по-своему «прочитать» эти летописи предков, запечатленные на камне. «Предки наши, — пишет Г. Л. Ленхобоев, — эти скалы считали священными и, проезжая мимо, оставляли деньги и водку, чтобы задобрить злых духов; такой обычай сохранился у старых людей и доныне»³³.

Накопленный материал имел большую ценность, он позволил позже связать неолитические могильники, очаги-жертвенники, кострища, остатки деревянных наземных сооружений, отдельные скопления орудий труда и т. д. в единые ритуальные комплексы. Вопросы, поднятые учеными первого этапа истории изучения древних культовых мест Восточной Сибири, нашли отражение в дальнейших исследованиях.

Период с 1917 по 1960 г. Второй этап характеризуется активизацией исследований древних святилищ Восточной Сибири. Археология Прибайкалья в этот период дает едва ли не самые яркие материалы, связанные с древнейшими культовыми местами на поселениях. Впервые этот материал был получен М. М. Герасимовым при изучении Мальтинской палеолитической стоянки, когда он применил метод широкого раскопа площади памятника. Здесь были обнаружены два типа культовых объектов — на поселениях и в жилище. Они представляли собой множество ритуальных ям с характерным набором жертвенного материала, что не согласовывалось с общепринятым мнением о их «хозяйственном», «бытовом» назначении. Ямы эти всегда присутствовали к северу от каждого жилища, причем на дне обязательно лежали кости песка (в одном случае — детеныша мамонта) в анатомическом порядке, а затем уже ямы заполнялись каменными орудиями труда и отщепами. То, что мы называем местами отбросов, «помойками», находилось за пределами поселения и не было связано с ямами³⁴. На наличие жертвенных мест в жилище Мальтинского поселения указывало и захоронение мальчика-урода в полу жилища, «духом-покровителем которого он должен был стать после смерти»³⁵, а также многочисленные поделки и скульптура «культового назначения»³⁶.

Последующая история изучения культовых мест на поселениях Прибайкалья также связана с находками жертвенных ям и костей животных при них. А. П. Окладников неоднократно писал в своих работах, что такие ритуальные жертвоприношения ему не раз встречались на неолитических поселениях верхней Лены. В одном из них, на Яру близ с. Бирюльского, в специально вырытом углублении плотно помещались обломки только черепов косули с основаниями

рогов. В других аналогичных ритуальных скоплениях костей на верхней Лене встречались как бы отсортированные обломки длинных конечностей косули³⁷.

В Прибайкалье же А. П. Окладников начал исследования древних некрополей эпохи неолита — бронзы. Вскрытые им десятки погребений на верхней Лене и Ангаре дали богатейший материал по духовной и материальной культуре древнего населения Восточной Сибири. Частично он использовал их при написании трех частей «Неолита и бронзового века Прибайкалья» (1950—1955 гг.).

Итогом проведенных работ явилось установление специфической топографии древних некрополей, представляющих собой общеродовые священные места для вечного упокоения душ умерших предков. Кроме того, А. П. Окладникову удалось зафиксировать (после Н. И. Витковского) следы деревянных надмогильных сооружений, ритуальные очаги и комплексы жертвенных приношений.

Широко изучались А. П. Окладниковым и петроглифы Прибайкалья. Помимо обнаружения жертвенных приношений у подножий писаных скал А. П. Окладникову удалось внимательно рассмотреть представленные на них образы и связать их с религиозно-мифологическими представлениями аборигенных народов Восточной Сибири и Северной Азии.

На оз. Байкал А. П. Окладников изучал знаменитый петроглиф Саган-Забу. Здесь он вскрыл следы древних жертвенных приношений с богатым набором инвентаря и произведений искусства, раскопал остатки некоей полуземлянки у подножия писаной скалы.

Все эти факты позволили ученому начать выработку моделирующих признаков древних культовых мест на могильниках и петроглифах.

В Забайкалье работы велись лишь в плане поисков новых памятников древнего наскального искусства и сборов преданий, связанных с ними. Тем не менее обнаружение Г. П. Сергеевым кусочка охры может относительно считаться вторым после находки Д. П. Давыдова фактическим свидетельством возможных ритуальных действий в честь духов писаных скал³⁸.

Серьезная попытка комплексного изучения древних святилищ Забайкалья была сделана в 1947—1958 гг. участниками Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК АН СССР (ныне ЛОИА АН СССР) и НИИК БМАССР, работавшей под руководством А. П. Окладникова. Исследованиями были охвачены долины рек Селенги, Джиды, Уды, Онона, Ингоды и Шилки. Результатом работ (с уточнением в 1968 г.) явилась, в частности, двухтомная сводка по петроглифам Забайкалья³⁹.

В процессе поисков новых наскальных изображений члены экспедиции провели широкие разведочные работы по изучению характера древних жертвоприношений путем как раскопок, так и сборов подъемного материала. Однако полученные данные оказались малообнадеживающими. Только в одном случае (захоронение лошади у петроглифа Нарин-Хундуй) был отмечен факт бесспорного жертвоприношения. Тем не менее эта находка, по словам А. П. Ок-

ладникова, явилась «еще одним указанием на связь между культом конного скота древних скотоводов Сибири и Центральной Азии». Поясняя свою мысль, исследователь писал: «Как мы уже видели, кости эти принадлежат к тем частям скелета лошади, которые остаются в шкуре коня, принесенного в жертву на шаманском торжестве — тайлгане у бурят и тайэлгэ — у алтайцев: это череп и кости конечностей. В таком виде, с черепом и костями ног, вывешивалась на высоком помосте священная жертвенная шкура коня после кровавого шаманского жертвоприношения»⁴⁰.

На основании этого яркого археологического факта, нашедшего подтверждение в этнографии бурят, А. П. Окладников предположил, что все петроглифы и оленные камни Забайкалья были связаны со священными местами древних племен этого края. «И нужно думать, — писал он, — когда рисовались на скалах писаницы или выбивались священные изображения лошадей на гранитных стелах посреди широких степей, все это сопровождалось обрядами, аналогичными якутскому ысыаху, и происходило при стечении народа в дни праздника плодородия конного скота, изобилия молочной пищи — кумыса»⁴¹. Эту же мысль А. П. Окладников развил и в своей научно-популярной книге «Олень Золотые Рогов»⁴².

Подводя итог второму этапу истории изучения древних культовых мест Восточной Сибири, можно отметить, что археологические исследования были успешными: открыто два новых типа древних святилищ (культовых мест), связанных с поселениями и жилищами; много нового было внесено для понимания древних культовых мест на могильниках; в Прибайкалье выявлена большая серия материалов культового характера, на основании которых показана культовая топография древних неолитических кладбищ; значительно активизировалось изучение следов культового характера у подножий петроглифов, это позволило выдвинуть и обосновать положение — скалы с рисунками нужно рассматривать в качестве древних святилищ эпохи неолита — бронзы. Научные достижения этого периода способствовали дальнейшему более глубокому изучению данной проблемы.

Период с 1960 по 1980 г. В этот период ученые занимались более углубленным изучением известных археологических памятников. Так, на Шинкинском петроглифе А. П. Окладникова привлек выступ красного песчаника, издали напоминавший шаманские жертвенники-*шэрэ* бурят, на которых «сжигались кости жертвенных животных во время тайлганов». Действительно здесь было обнаружено скопление осколков костей животных, возможно косули. Среди них лежал «превосходно отшлифованный» нефритовый топор. При внимательном осмотре А. П. Окладников установил, что кости и их обломки залегают плотным скоплением $0,80 \times 0,50$ м мощностью до 10 см. Среди жертвенных приношений находились и фрагменты одного глиняного сосуда глазковского типа, на стенках которого было изображено пять условных антропоморфных фигур с ромбическими головками, прямыми плечиками, напоминавшими глазковские ритуальные идолы из кости. Полученный мате-

риал имел большую ценность для решения проблемы изучения древних святилищ Восточной Сибири, связанных с поселением. По словам исследователя, такие ритуальные жертвоприношения ему не раз встречались на неолитических стоянках верхней Лены⁴³.

Одновременно с исследованием Шишкинского святилища А. П. Окладников предпринял попытки поисков аналогичных мест в бассейне р. Ангары. Обнаружив здесь десятки новых петроглифов, он нашел у их подножий грубые отщепы, расколотые и оббитые гальки, керамику и каменные орудия труда (Большекадинские пороги, о. Марактуй, Каменка). Последнее место, по его словам, по праву может считаться после Шишкинских скал вторым значительным культовым святилищем древних племен региона. А. П. Окладников пишет о нем: «В Восточной Сибири образцом такого жертвенного места, почитающегося в каменном и бронзовом веках, может служить левый мыс речки Каменки при впадении ее в Ангару, в низовьях последней. Скалистые обрывы мыса покрыты писаницами, а на вершине его в изобилии рассеяны каменные, бронзовые и костяные наконечники стрел. Здесь же было случайно найдено бронзовое зеркало тагарского времени»⁴⁴. В более раннем издании, посвященном петроглифам Ангары, также акцентировалось внимание на преобладании среди жертвенного материала наконечников стрел⁴⁵.

В 1950—1955 гг. А. П. Окладников выдвинул интересную гипотезу: все «священные скалы лесных племен Сибири... были центром общественной жизни, общественных культов первобытных племен, в особенности самого главного из них — производственного культа, они считались местопребыванием самого божества — тотема лесных охотников»⁴⁶. Отправной точкой этой гипотезы стало высказывание А. Ф. Анисимова о том, что важную роль в древней религии эвенков играл культ «бугады», т. е. почитаемой священной скалы, которая мыслилась местом жительства или окаменевшим образцом родового божества.

Позже к аналогичному выводу пришел и А. И. Мартынов: «Скалы с петроглифами были культовыми центрами неолитических племен. Рисунки наносились, вероятно, во время родовых праздников, происходивших весной. У подножия скал во время этих праздников, должно быть, совершались магические обряды, связанные с культом лося, культом солнца, под лучами которого оживает вся природа, и культом предков. Во время праздников совершались магические обряды, складывались сказания. Составной частью таких праздников было создание рисунков, в которых неолитические охотники запечатлели свое понимание окружающего мира»⁴⁷.

На оз. Байкал Л. П. Хлобыстинным широко применялись раскопочные работы, принесшие целый ряд интересных данных по рассматриваемой проблеме. В частности, автор впервые открыл и внимательно изучил бесспорное жертвенное место, датированное широким историческим диапазоном — от неолита до этнографической современности. Еще более любопытным оказалось то, что оно было обнаружено в том месте, где и сегодня находится одно из са-

мых главнейших культовых святилищ бурят — на мысе Бурхан («Шаманка»). Раскопки Л. П. Хлобыстина и И. Б. Брагинского вскрыли там обильные углистые скопления, жженные кости, а также обломки разновременной керамики, отщепы и каменные пожевидные пластинки. При дальнейших раскопках Н. К. Качалова обнаружила в том же месте золотую серьгу с раструбом на конце, эллипсоидно-изогнутой формы⁴⁸.

Разновременный материал, а также отдельные крупные кострища со множеством костей при мощности культурного слоя до 0,5 м ясно показывали долговременность традиции почитания культового места на вершине мыса Бурхан — «по крайней мере с конца серовского этапа» неолита до наших дней. Более того, раскопки позволили Л. П. Хлобыстину теоретически высказать предположение, что у «байкальских племен» существовали «особо почитаемые места, связанные с религиозными культами, являвшиеся традиционными»⁴⁹.

Как уже говорилось, петроглифы Байкала давно привлекли внимание А. П. Окладникова. Свои первые раскопки жертвенных мест у подножия Саган-Забы он провел в 50-х гг. В 60-х гг. А. П. Окладников продолжил комплексное изучение петроглифа в бухте Саган-Забя. Им была обнаружена, в частности, серия ритуальных очагов-жертвенников, расположенных рядами-«цепочками» вдоль берега озера по линии восток — запад, причем они не только походили на современные шаманские шэрээ бурят, но и имели много общего с ранее раскопанным здесь же глазковским очагом и такими же ритуальными кладками неолитического времени Ангара и Лены. «На них, судя по уцелевшим между камнями мелким косточкам, жгли кости принесенных в жертву хозяину скалы Саган-Забя жертвенных животных». «Степень выветренности камней свидетельствует о том, — писал А. П. Окладников, — что шаманские жертвенники относятся к далеким временам и насчитывают, вероятно, не одну сотню лет»⁵⁰. Собранные им шаманские легенды и предания бурят о петроглифах Байкала, в которых по-новому освещалась интересная проблема глубокого почитания древних наскальных рисунков края, явились существенным вкладом в бурятский фольклор вообще и культовую мифологию в частности. Теперь не оставалось сомнения в том, что Саган-Забя представляет собой крупнейшее культовое святилище на берегах Байкала.

В эти же годы А. П. Окладников завершает работы по древним культовым местам у подножий петроглифов Забайкалья. В 1969—1970 гг. издается его двухтомная монография по памятникам древнего наскального искусства Забайкалья, которая до сих пор является фундаментальным исследованием данного типа памятников. Однако проблема древних святилищ решена в ней недостаточно полно, отмечены лишь находки жертвенного приношения лошади в Нарин-Хундуе⁵¹.

В 1970—1986 гг. по рекомендации А. П. Окладникова автор настоящей книги приступил к изучению следов культового характера у подножий петроглифов. Были тщательно обследованы все ранее

известные писаницы (70 местонахождений) региона и обнаружено около 100 новых. Такой успех объяснялся тем, что нами была установлена закономерность совпадения древних и современных культовых мест региона. Проведенные исследования позволили значительно расширить географию распространения петроглифов Забайкалья вплоть до р. Витим, северного побережья Байкала, Ольхона и Восточных Саян. Особый интерес представляет открытие сразу 12 петроглифов типично «селенгинского» стиля в северной части Байкала и трех — на Ольхоне, причем все они выполнены красной охрой, до этого неизвестной на писаницах побережий озера. Более того, открыты нижние слои красочных изображений на рельефных петроглифах Саган-Забы и бухты Ая. Впервые наскальные рисунки найдены на малых островах Байкала (о. Богучанский)⁵².

В целях проверки выводов и положений, выдвинутых предшествовавшими исследователями и прежде всего А. П. Окладниковым, нами проведены разведочные раскопки и шурфовки у подножий 22 петроглифов Забайкалья, пяти — на побережье Байкала, осуществлены сборы подъемного материала у четырех скал в Читинской области и у трех — в Иркутской.

Проведенные работы не только подтвердили, но и углубили теоретические предположения А. П. Окладникова. Так, например, раскопки близ петроглифа Лысая Гора на Байкале дали жертвенный материал из 3066 предметов, причем подавляющее число относится к обломкам костей диких животных. В бухте Лударь вскрыто восемь слоев жертвоприношений, датированных широким историческим диапазоном — от эпохи позднего неолита (ранней бронзы?) до наших дней включительно. В Забайкалье работы проводились на целом ряде пунктов — это долина р. Уды (Ангир, Варварина Гора, Старая Брянь, Додогол, Санный Мыс, Шубугуй), долина р. Итанцы (Турунтаево), долина р. Селенги (Большой Тологой, Тапхар I, Янгажинский Тапхар, Янгажинский дацан, Бэшэгтуу, Омудевка, Наденно, Айрак, Гора Суслова), долина р. Хилок (Сухой Ручей, Бичура), долина р. Чикой (Каменушка, Поворот), долина р. Темник (Нухэту-Хайсаган или Темниковская пещера) и др.

Проведенные работы установили факт многослойности жертвенных приношений, традиционности инвентаря и архитектурных конструкций святилищ⁵³. В 1985 г. эти исследования проводились совместно с А. П. Мазиным, который внес существенный вклад в изучение древних культовых мест у петроглифов Олекмы и Верхнего Приамурья⁵⁴.

Хотя большее внимание было сосредоточено на исследование святилищ у петроглифов, но были достигнуты заметные успехи и в изучении могильников эпохи неолита — бронзы. В 1974—1976 гг. издается трехтомная монография А. П. Окладникова «Неолитические памятники Ангара» — итог его исследований в предыдущие годы. Изучение могильников Прибайкалья продолжили иркутские археологи, однако только В. С. Зубков обратил внимание на древние культовые места. Применяв метод широкого раскопа площади

Усть-Ямного могильника на верхней Лене, он обнаружил к северу или северо-западу от голов погребенных серии очагов с раздробленными костями косули в них⁵⁵. Выявленная им картина древнего культового места на могильнике полностью согласуется с той, что отметили ранее Н. И. Витковский и А. П. Окладников.

Подобные результаты в изучении данной проблемы были получены на оз. Байкал. В 1968, 1974, и 1985 гг. автор настоящей книги изучал поздненеолитический могильник на южном берегу озера (Шаманский Мыс), где хорошо была прослежена «речная» (озерная) ориентация погребенных⁵⁶ и выявлено культовое место. Одновременный могильник изучался А. П. Окладниковым и А. К. Конопацким на о. Ольхон (мыс Бурхан). Над неолитической могилой № 3 встречены были остатки деревянной конструкции типа берестяного шатра, внутри которого помещались два скелета собак, расколотая кость животного и берестяной туес. Близ погребения № 1 встречено несколько так называемых хозяйственных ям, также содержащих на дне скелеты собак и перп вместе с остатками жертвенных приношений⁵⁷. Такая относительно полная картина древнего обряда захоронения людей и устройства жертвенников на могильниках Байкала была получена впервые.

В Забайкалье с 1960 г. работы по изучению могильников эпохи неолита — энеолита проводила Л. Г. Ивашина⁵⁸, могильника в местности Ацай на Гусином озере — Н. Б. Коновалов и В. В. Сви́нин⁵⁹, в разных местах Бурятии раскопками плиточных могил и поисками оленных камней в Восточном Забайкалье занимался автор⁶⁰. В результате исследований получена более полная графическая документация погребений, выявлены дополнительные подробности устройства этих сооружений. На Танхаре (Удинском) вблизи плиточных могил в местности Санный Мыс автор обнаружил жертвенный очаг $0,60 \times 1,0$ м квадратной формы, дно и стенки которого оказались выстланными тонкими плитками камня. Внутри очага лежали кость животного и древесные угольки кострища. В Читинской области интересные данные по изучаемой проблеме были получены Н. И. Кирилловым. Они касаются могильников эпохи неолита — бронзы Амоголон II, Анхабай, Мысовая, оз. Пожкий, в комплексах которых обнаружены ритуальные очаги с остатками жертвенных приношений в виде мелких отщепов и ножевидных пластинок, скребков, фрагментов тонкостенной керамики, галек и нуклеусов из халцедона, яшмы, агата. Внутри очагов выявлены мощные кострища, причем в ряде из них имелись костяки людей без погребального инвентаря. Сложная конструкция очагов и своеобразных площадок из камня выявлена среди могильников у оз. Пожкий⁶¹.

Полученный в Забайкалье материал хотя и не был многочисленным, тем не менее оказался важным в том отношении, что впервые пролил свет на характер древних святилищ, связанных с могильниками эпохи неолита, энеолита, бронзы и раннего железа. Ценность полученных сведений заключалась также и в том, что

многие изучаемые памятники относились к культурам степняков-скотоводов: в них нашла отражение иная, чем у таежных охотников и рыболовов, религиозно-мифологическая система развивающегося шаманизма.

Однако в этот период недостаточно изучались древние культовые комплексы, связанные с поселениями. Так, в Забайкалье на палеолитической стоянке Варварина Гора А. П. Окладников обнаружил «яму-кладовку» с костями лошади и хищника; такие же ритуальные ямы найдены им и на о. Ольхон. О первом случае А. П. Окладников писал: «По аналогии с находками в Костенках это было, очевидно, культовое захоронение головы хищника, сопровождаемое жертвенным приношением частей лошади»⁶². Ранненеолитическая «яма-кладовка» в местности Тудугу близ Онгури содержала кости крупного оленя⁶³. На неолитическом поселении вблизи мыса Бурхан, а также в других местах встречены жертвенные ямы с ритуальными захоронениями в них собак и нерпы. «Положение... костяков собак на правом боку, общая ориентация, наличие сопровождающих предметов,— пишет по этому поводу А. К. Конопацкий,— наталкивают на мысль о том, что эти погребения, как и упомянутые выше захоронения нерпы и лося, имели культовое назначение... Скорее всего мы имеем дело с устойчивым ритуалом, распространенным в Прибайкалье и на соседних территориях»⁶⁴.

На третьем этапе изучения древних святилищ Восточной Сибири завершаются в основном исследования академика А. П. Окладникова. Вышедшие из печати его монографии подвели итог многолетних работ в решении проблемы, дали немало интересных идей, впоследствии успешно разрабатываемых его учениками и последователями. Поиск новых памятников позволил вплотную подойти к созданию моделирующих признаков древних святилищ (культовых мест) Восточной Сибири.

В целом более чем 300-летняя история изучения данной проблемы показала стойкий интерес специалистов к древним памятникам культового характера. С помощью развитой культовой системы шаманизма, бытовавшей у аборигенных народов Сибири до начала XX в., краеведы и ученые пытались объяснить (и во многом успешно) археологический материал, получаемый при раскопках древних поселений и могильников, при изучении петроглифов. Наша книга вбирает в себя достижения предыдущих исследователей, вводит в научный оборот вновь полученные данные и на этой основе впервые дает по возможности целостную картину генезиса древних святилищ Восточной Сибири от эпохи палеолита до рубежа новой эры.

ГЛАВА II

КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Духовная и материальная культура палеолитического населения обширных таежно-степных территорий Северной Азии даже с учетом существующих объективных трудностей изучения памятников (глубокое залегание культурных слоев, нередко оторванность от современной гидросистемы, скудость получаемого материала) всегда интересовала исследователей. Только за последние годы наука накопила немало сведений, которые позволили решить многие вопросы. Одни из них — значительное удревление времени первоначального появления человека на холодных необжитых просторах Сибири. Обнаружен ряд интересных и важных стратотипов, позволивших проследить генезис культур в различных географических регионах. Получен материал о конструкциях, общих чертах и локальных различиях жилищ и поселений, материальной культуре, искусстве, мировоззрении.

Тем не менее проблема древних культовых мест и культовой атрибутики все еще остается слабо разрешенной, хотя теоретически возможность существования таких комплексов, предполагаемых иконографических образов и совершаемых культовых действий давно поставлена на повестку дня и не вызывает особых споров среди специалистов.

Из культовых комплексов эпохи палеолита Сибири предметом нашего рассмотрения пока являются жертвенные (культовые) места на поселениях и в жилищах, поскольку некрополи того времени еще не известны, а о петроглифах накоплен очень незначительный материал, да и тот в большей части оспаривается многими учеными.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ОПИСАНИЕ ОПОРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТОВОГО ХАРАКТЕРА

Говоря о древних поселениях эпохи палеолита Сибири, нужно прежде всего иметь в виду то обстоятельство, что это были, как правило, долговременные стоянки из крытых икурами жилищ на деревянном или костяном каркасе, по берегам рек или озер. Как мы теперь знаем, одни жилища глубоко врезались в землю и были похожи на позднейшие «земляные дома» аборигенов Сибири; другие строились на поверхности почвы, но были хорошо утеплены; третьи, преимущественно в Забайкалье и на Дальнем Востоке, имели вид легких переносных шалашей типа эвенкийских чумов этнографической современности.

Рассмотрим предполагаемые культовые комплексы на следующих опорных памятниках.

Мальта и Буреть. Это соседствующие друг с другом палеолитические поселения Предбайкалья. Жилища были размещены вдоль берега реки, имели вид куполообразных шатров из шкур и каркасов из костей животных (типа эскимосско-чукотских «валькаров»). Отмечены также жилища легкого наземного типа в виде чумов, от которых сохранились каменные обкладки.

Как отмечал М. М. Герасимов, «конструктивная особенность жилищ и распределение инвентаря указывают на существование в жилищах мужской и женской половин»¹. В. Е. Ларичев дополняет: охотничья снасть и каменные орудия труда находились в левой от входа в дом и очага секции жилого помещения, в то время как инструменты, традиционно связанные с чисто женской работой по домашнему хозяйству, — в правой. «Жилище человека древнекаменного века делилось на две строго определенные половины — мужскую и женскую»².

Такое устойчивое деление интерьера по материалам этнографии предполагает наличие специального жертвенного места как у очага, так и близ стен жилища. И действительно, близ мальтинско-буретьских очагов «вместе с изображениями женщины и животных... обнаружены многочисленные скульптурные поделки, форма которых, тщательность обработки, наличие орнамента и отсутствие следов работы свидетельствуют о специфическом, скорее всего, культовом назначении»³, а под очагом в неглубокой ямке, обставленной плитками, лежал почти полный скелет молодого мамонтенка в анатомиче-

Рис. 1. Культовая символика эпохи палеолита.

1 — женская статуэтка из Бурети (а — фас; б — профиль; в — тыльная сторона);
2 — женские статуэтки из Мальты.

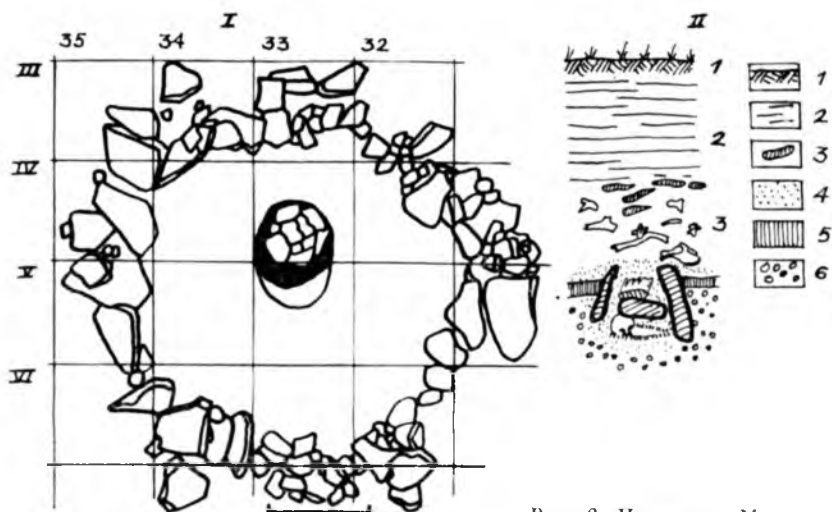

Рис. 2. Поселение Мальта.

I — контур основания жилища; II — стратиграфия захоронения ребенка.
1 — дерн; 2 — лессовидная глина; 3 — слой лесса с культурными остатками; 4 — лессовидная супесь; 5 — красноватая глина; 6 — грубая речная супесь, постепенно переходящая в слой галечника,

ческом порядке ⁴. Особые скопления наиболее ценных вещей найдены у стен тщательно запрятанными в специально вырытых тайниках-ямах или под известняковыми плитами и громадными костями ⁵. Одна фигура женщины стояла в глазнице черепа носорога в северо-западной стороне жилища ⁶. Другая статуэтка женщины в позвоночнике оленя стояла на большой лопатке быка, когда-то прикрепленного в виде полочки на стене жилища ⁷ (рис. 1).

Другой интересной деталью внутренней части одного из мальтинских жилищ оказалось богатое захоронение ребенка непосредственно в полу, с перекрывающим его толстым слоем культурных отложений, причем набор орудий труда и сам скелет, ориентированный головой на северо-восток, оказались густо присыпанными красной охрой ⁸ (рис. 2).

Любопытным фактом на мальтинском палеолитическом поселении оказалось то, что к северу от каждого из жилищ найдено 14 небольших углублений-лунок вблизи очагов, перекрытых культурным слоем стоянки. В них встречены кости песка в анатомическом порядке, иногда целые скелеты, причем без лапок ⁹. Между костями лежали каменные пластины, а в одной из ямок оказался целый набор вещей: несколько кремневых орудий труда, коленная чашка мамонта, ребро носорога, три крупных позвонка и часть передней ноги молодого северного оленя в анатомическом порядке. Олень, вероятно, был захоронен одновременно с песком. Но эти ямки нельзя связывать с бытовыми отбросами, так как следы свалки зафиксированы на вполне определенном месте — на краю берегового обрыва ¹⁰.

Красный Яр. Особым элементом культурного слоя являются 23 ямки, расположенные преимущественно вблизи очагов жилищ. Это небольшие западины, чаще всего параболовидной формы, диаметром 0,10—0,35, глубиной до 0,26 м. Заполнение ямок, обычное для культурного слоя, заметно выделяется своим темным цветом, густо насыщено кусочками горючего сланца, иногда встречаются обожженные камни, мелкие осколки костей животных и кремневые отщепы.

Рассмотрим несколько характерных примеров.

Яма № 1. Диаметр 11—12, глубина 12 см, округлых очертаний. В заполнении встречено много углей и обломков красного песчаника, два фрагмента костей животных, пять отщепов и две ножевидные пластинки из кремня. На дне лежал обломок бусинки из эмали зуба крупного животного.

Яма № 2. Диаметр 10—13, глубина 26 см, вытянутой овальной формы. Внутри обнаружены обломки угля, осколки костей животных, фрагменты плиток красного песчаника, костяная игла, восемь крупных кремневых пластин, два кремневых отщепа, три микропластинки и 14 чешуек-сколов.

Яма № 3. Диаметр 11, глубина 27 см, округлой формы. В заполнении имелись крупные угольки, обломки костей и пластины, две микропластины, отщеп.

Яма № 4. Диаметр 13, глубина 15 см, округлой формы. Внутри найдены крупные угольки, обломки плиток красного песчаника, две кремневые чешуйки и осколок кварцита.

Яма № 5. Диаметр 9, глубина 12 см, округлой формы. В заполнении встречены масса мелких угольков, четыре осколка костей (среди них фрагмент ребра).

Исследователь стоянки З. А. Абрамова отмечает, что «малая толщина культурного слоя, отсутствие больших западин и конструктивных деталей (скопление крупных камней, костей), распространение культурного слоя с относительной равномерностью по всей площади раскопа свидетельствуют об отсутствии здесь жилых сооружений. Беспорядочное расположение ямок, их различная величина и формы не позволяют видеть в них ямки от столбов жилищ»¹¹.

Усть-Белая. Находки на стоянке приурочены, как правило, к кострищам. В мезолитическом слое эти кострища удалены от поселения на большое расстояние, наблюдаются в виде значительных скоплений остатков очагов. Одно из таких кострищ «трехэтажное», т. е. с паростом по мере образования золы, как и на позднейших шаманских жертвенниках-шэрээ бурят Предбайкалья в эпоху этнографической современности. Это, по мнению авторов раскопок, дает «представление об относительной продолжительности обитания устьбельцев на одном месте»¹². О том же свидетельствуют и такие интересные комплексы, как хозяйственные ямы, которых на Усть-Белой вскрыто пять. Все они оказались заполненными кремешками, пластинами, обломками изделий, перемешанными на дне ямы в черной массе перегнивших органических остатков с битыми костями млеко-

питающих, рыб и птиц, множеством копролитов собаки. Любопытно, что в этих скоплениях обязательно находилось один-два (иногда больше) черепа косули с большим круглым отверстием сбоку. Остальное содержание ям различно. Так, в яме № 2 в зольной массе был обнаружен скелет щенка лайки, лежавший в углу ямы в анатомическом порядке, но со свернутым шейным позвонком.

Имениная вертикальные стенки яма № 3 была вырыта после сильного паводка, решительным образом изменившего ландшафт местности и погубившего поселение. Яма оказалась сплошь заполненной культурными остатками, в том числе мелкой галечкой различных размеров. Предметы очень долго находились под открытым небом. Яма долго не использовалась, пока не была перекрыта отложениями нового паводка. Однако любопытно, по мнению авторов раскопок, что через много лет яма была заново расчищена и углублена, буквально завалена осколками битого кварцита, отцепами кремня и аргиллита. Исследователи считают, что зафиксированы следы функционирования ямы в течение долгого времени — от эпохи мезолита до раннего железа.

Характер выемки и размеры ямы № 5 аналогичны предыдущей. Глубина ее 1,35—1,40 м. Яма содержала на дне скелет взрослой лайки со свернутой шеей, лежащей на передних лапах. На шее животного обнаружено восемь подвесок из клыков марала, расположенных по четыре справа и слева. В свое время подвески были нашиты на ошейник собаки и находились на нем очень долго, отчего обозначилась заплотированность желобков для подвешивания или привязки. С западной стороны собака была обложена обломками крупных костей и рогами быка и косули. После присыпки трупа грунтом эта обкладка долго оставалась на поверхности как «памятник». Яму неоднократно подчищали и вновь заполняли материалом в течение очень долгого времени. Авторы пишут, что небольшая выемка от ямы сохранилась и в неолитическое время, и даже, судя по обломкам керамики, в эпоху железа¹³.

Забайкалье

Говоря о палеолите Забайкалья, следует отметить, что жилища обнаружены на стоянках Санний Мыс, Толбага, Варварина Гора, Студеное, Усть-Менза-3, Амогolon, Сохатино-4. На некоторых поселениях известно по несколько жилищ в одном культурном слое (Толбага, Студеное, Сохатино-4). Уникально в этом отношении Студеное-1, где в семи палеолитических слоях обнаружено 15 жилищ. Эти жилища представляют собой наземные площадки с достаточно четко определенными внешними границами и внутренней планировкой с одним или несколькими очагами: Студеное-1 — 1 очаг, Усть-Менза-3 — 3, Санний Мыс — 3, Толбага — от 4 до 12 очагов. По форме жилища напоминают круглые чумы или овальные шалаши¹⁴ (рис. 3). Важнейшей частью древнего интерьера являлись некие ямы-кладовки или ритуальные захоронения костей животных. Отметим три случая с такими находками.

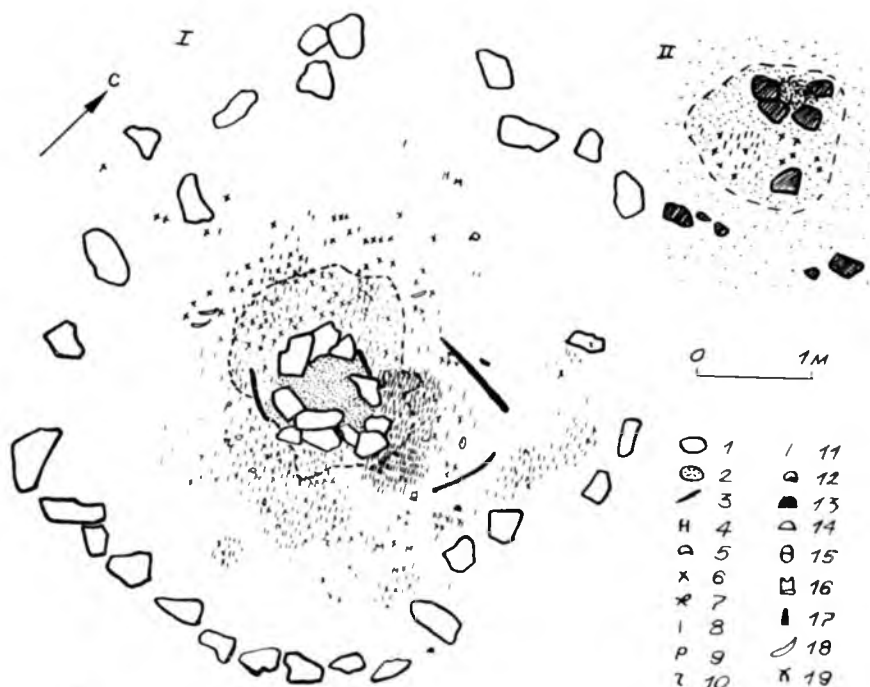

Рис. 3. Планы двух жилищ на палеолитическом поселении Студеное в Забайкалье (по М. В. Константинову, А. В. Константинову, Л. В. Семиной).

I — горизонт 17; II — горизонт 18-1.
 1 — камень; 2 — углистое пятно; 3 — след сгнившего деревянного изделия; 4 — нуклеус;
 5 — обитая галька; 6 — пластинка или микропластинка; 7 — микропластинка с ретушью;
 8 — отщеп; 9 — отщеп с ретушью; 10 — чоппер; 11 — резец; 12 — долотовидное орудие;
 13 — скребло; 14 — скребок; 15 — отбойник; 16 — костяная поделка; 17 — костяное шило;
 18 — ребро; 19 — обломок кости.

Варварина Гора. Раскопками вскрыта характерная картина палеолитического жилища. Кости животных и обработанный камень (нуклеусы, пластинки, отщепы, скребловидные инструменты) располагались в пределах четко ограниченной площадки, окаймленной выкладкой из камней, и вырытых ям. Часть ям служила, вероятно, хранилищами-кладовками, но среди них одна имела выстланные камнями стенки и дно, а в заполнении оказался череп хищника и целые, нерасщепленные трубчатые кости лошади¹⁵.

Санный Мыс. В седьмом слое обнаружено жилище размерами 8,20 × 5,30 × 3,30 м, ограниченное глыбами камня. Внутри него три очага, средний из которых был выложен камнями, а остальные два представляли простые кострища. У западной стенки жилища обнаружена яма, заполненная нижней челюстью носорога, верхней частью черепов горного козла и бизона¹⁶.

Амогolon. В нижнем культурном горизонте в центральной части раскопа 1 выявлена овальная в плане и диаметром 1,10 м яма. Стен-

ки ее отвесные, дно чашевидное. Мощность заполнения до 0,30 м; найдены отщепы и мелкие косточки животных. В раскопе 2 обнаружены остатки жилища и «хозяйственные» ямы¹⁷.

Сопредельные регионы — Западная Сибирь и Дальний Восток

Могочино I (долина р. Оби в Томской области). Раскоп 1 имеет две ямы. Яма № 1 неправильно подтреугольной формы, диаметр около 1,0 м, глубина 0,59 м. В ней найдены несколько каменных предметов и обломок бивня. Яма № 2 глубиной 0,49 м, находок не встречено. Раскоп 3 обнаружил яму глубиной 0,26 м, в ней наклонно лежала кость мамонта, рядом — обломок дерева¹⁸.

Венгерово-5 (долина р. Тартас в Барабинской лесостепи). Раскопками вскрыта площадь около 200 м², на которой имелось несколько «хозяйственных» ям. Среди них обратила на себя внимание яма глубиной 2,50, диаметром 1,50 м. Самое интересное заключалось в том, что находки в этой яме увязывались в четыре культурных горизонта:

1) горизонт на уровне 0,90—1,0 м. Найдены крупный обломок верхней челюсти бизона, два отщепа из белого кварцита и ножевидная пластинка из того же материала;

2) горизонт на уровне 1,80—1,90 м. В нем имелось шесть обломков ребер и рог бизона, обломок неопределенной кости и остистый отросток позвонка шерстистого носорога (?). На этом же уровне найдено скопление чешуи и костей рыб, небольшое кострище диаметром около 0,20 и мощностью 0,05 м, а также три отщепа и ножевидная пластинка из молочно-белого кварцита;

3) горизонт на уровне 2,26—2,36 м. Обнаружены череп с рогами и пять обломков берцовой кости бизона, два отщепа из кварца;

4) горизонт на уровне 2,45—2,50 м. Найдены шесть обломков костей бизона, три позвонка, много костей и чешуи рыб, в том числе челюсти щуки и жаберные крышки осетровых пород, прекрасный скребок округлой формы из темно-розового кварцита¹⁹.

Ушковское озеро (Камчатка). В полу одного из жилищ близ очага обнаружено погребение домашней собаки, в полу соседнего — погребение с неопределимыми костями²⁰.

Сибердиковская стоянка (верховья р. Колымы). В центре раскопа вокруг большого очага вместе с обильными остатками артефактов найдены зубы дикой лошади и другие неопределимые кости в скоплении красной охры²¹.

Любопытной чертой быта позднелолитического человека являются своеобразные клады-хранилища ценных вещей, обнаруживаемые без определенной связи с поселениями или жилищами. Отметим два таких хранилища.

Кондом (Горная Шория). На террасовидном склоне горы встречено компактное скопление каменных изделий позднелолитического облика: в большинстве случаев только полуфабрикаты из булыжников плотной кремнистой породы; два прекрасно обработан-

ных предмета, не использованных в работе (остроконечник «мустьерского» типа и скребло).

Харлоне-Кель (долина р. Абакан). Кладка из каменных плит, под которой оказалось темное пятно заполнения древней ямы. В ней лежали три целых орудия из оленьего рога и пять частично поврежденных, а также заготовки для орудий из метакарпальных костей лошади. На самом дне ямы находилось десять скребловидных инструментов, типичных для позднего палеолита. Роговые орудия представляют собой характерные для палеолита наконечники веретенообразной формы²².

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ «ХОЗЯЙСТВЕННЫХ» ЯМ

Несмотря на то что памятники эпохи палеолита Сибири изучены далеко не достаточно, тем не менее четко отработанные стратотипы свидетельствуют о наличии на древних поселениях таких интересных комплексов, как ямы. Отмечено, что в жилищах (Красный Яр, Варварина Гора, Санный Мыс, Амогolon) такие ямы локализуются в тесном соседстве с очагами, но иногда располагаются и в отдалении от них, но не выходя за территорию жилого поселения. В Мальте, например, выявлена закономерность локализации подобных ям в нескольких метрах к северу от каждого жилища.

Размеры ям в целом одинаковы и едины в конструкциях. Как правило, они имеют овальную форму при диаметре от 0,12 до 0,27 м (Красный Яр). Однако есть ямы и покрупнее: диаметр 1,10, глубина 0,30 м (Амогolon); диаметр 1,50, глубина 2,50 м (Венгерово-5); в мезолитическом слое стоянки Усть-Белой отмечена яма глубиной 1,35—1,40 м. Только в одном случае, на Варваринной Горе, дно и стенки ямы оказались тщательно облицованными камнями.

Для «хозяйственных» ям характерен состав внутреннего заполнения. Все без исключения они содержат кости животных, каменные орудия труда и ошцы. В ямах Красного Яра, кроме этого, найдены украшения (обломок бусинки из эмали зуба хищника), костяные изделия (игла), обломки плиток красного песчаника, обожженные камни и угли кострищ, а в Венгерово-5 — еще чешуя и кости рыб. В мезолитическом слое Усть-Белой ямы содержали кости рыб, птиц и множество копrolитов собаки.

Отличительная особенность этих «хозяйственных» ям в том, что в них имелись кости пса или мамонтенка в анатомическом порядке (Мальта); череп хищника и целые кости лошади (Варварина Гора); череп и отдельные части скелета носорога, бизона и горного козла (Санный Мыс); череп бизона с рогами (Венгерово-5); в мезолитическом слое Усть-Белой в ямах встречены черепа косули и, что особенно интересно, захоронения собак с погребальным инвентарем. Ритуальное захоронение собаки обнаружено и в полу палеолитического жилища близ Ушковского озера на Камчатке. Более того, в Усть-Белой зафиксировано длительное функциониро-

вание ям от эпохи мезолита до раннего железа, причем по мере заполнения их подчищали и углубляли, не тревожа, однако, черепа косуль и скелеты собак на дне. На палеолитической стоянке Венгерово-5 в Барабинской степи четко зафиксирована четырехслойность культурных остатков, разделенных небольшими кострищами.

Столь специфическое заполнение ям, однако, не все ученые признали хозяйственными отбросами. Например, говоря о заполнении ямы на стоянке Венгерово-5, авторы раскопок А. И. Окладников и В. И. Молодин писали: «...это местонахождение пока сложно отнести к какому-либо типу археологических объектов. Это объясняется прежде всего необычностью залегания костей бизона, костей и чешуи рыб вместе с каменными орудиями в неглубокой и небольшой по площади яме. Сам же набор костей и находки в яме черепа и рога бизона дают основание предполагать здесь наличие своеобразного культового места»²³.

В отношении «хранилища-кладовки» на Варвариной Горе А. И. Окладников и И. И. Кириллов писали, что по аналогиям в Костенках она была скорее всего для культового захоронения головы хищника при сопровождении жертвенного приношения частями лошади²⁴.

Что же касается погребения собаки в яме № 5 на мезолитическом поселении Усть-Белая, то авторы раскопок считают его ритуальным, поскольку животное похоронено в богато украшенном ошейнике и в сопровождении обломков костей и рогов быков и косуль, а выше погребения имелись жертвоприношения в виде осколков битого кварцита, отщепов кремня, аргиллита и др.²⁵.

Остатки зубов лошади в густом скоплении охры на Сибирдиковской палеолитической стоянке в верховьях Колымы привели А. Ю. Володатского и А. А. Орехова к мысли, что они, «возможно, указывают на существование культа этого животного на основе значимости как объекта охоты»²⁶.

Вероятно, подобное же сомнение мы можем выразить относительно термина «клад мастера», применяемого к специфическим находкам каменных орудий труда и полуфабрикатов, еще не бывших в работе (Кондом в Горной Шории), и костяных изделий (Харлоне-Кель в долине Абакана). То, что археологи еще не предприняли поиски древних поселений близ этих «кладов», еще не означает отсутствия здесь мест обитания палеолитического человека. И о каком потайном «кладе» может идти речь, когда последнее местонахождение четко обозначено на поверхности почвы наземным каменным сооружением при сопровождении двух кострищ²⁷.

Чтобы лучше понять специфику выделенных на палеолитических стоянках Сибири так называемых «хозяйственных» ям, обратимся к археологическим аналогиям хорошо изученных одновременных поселений в центральных и южных районах России. Выдающееся место среди них, конечно, занимает группа поселений Костенки, где почти все жилища, глубоко врытые в землю, имели внутри и снаружи многочисленные ямки-кладовки или так называемые «земляные печи».

На *стоянке Костенки-1*, например, рядом с линией очагов внутри жилищ находилось множество неглубоких западин, заполненных очень часто сплошь окрашенным красной охрой суглинком, массой осколков костей животных, костных углей, расщепленных кремней и других культурных остатков. Среди последних особый интерес представляют такие ценные предметы, как кремневые и костяные изделия, предметы украшения и произведения искусства в виде многочисленных фигурок и головок животных, а также куски мергеля со следами обработки. В заполнении этих ямок, а иногда прямо на их дне находятся преднамеренно уложенные предметы, как, например, группы пластинок или отдельные фигурки, вырезанные из кости, в том числе женские статуэтки. Обнаруженное здесь же крупное жилище с восьмью очагами было окружено 12 большими ямами, среди которых только в одной найдена очажная кладка, а в других имелись временные кострища, а чаще всего костные угли и зола, принесенные из очагов главного жилища ²⁸.

На *стоянке Костенки-4* помимо очажных углублений в полу жилища было вырыто 53 маленьких неглубоких ямки, заполненные не только обычным культурным слоем, но и скоплениями охры на их дне и еще реже — целыми кремневыми и костяными орудиями труда. Второе жилище этой стоянки также у очага имело 25 небольших ямок, большей частью заполненных красной охрой и содержавших еще по одной черной кремнистой гальке и изредка пизки бус из клыков песца ²⁹.

На *стоянке Костенки-11* обнаружено два жилища, окруженных ямами-кладовками. Вокруг жилища № 1 за пределами кольцевого нагромождения костей мамонта отмечены остатки пяти крупных ям диаметром около 2,0 и глубиной до 0,80 м. Четыре ямы были сплошь заполнены крупными костями мамонта, самые верхние из которых представляли собой костную труху. В заполнении пятой ямы имелись лишь отдельные крупные кости мамонта ³⁰.

На *Тельманской стоянке* вскрыта колоколообразная яма диаметром в верхней части 0,50, в нижней — 1,15 м. Она оказалась заполненной многослойными артефактами, чередовавшимися с чистыми стерильными прослойками. Среди находок встречено восемь обломков кремневых листовидных ножей, три резца, 15 отщепов и пластин с ретушью, ядрище, около 450 мелких отщепов, 12 обломков лопат из ребер крупных животных, 32 осколка трубчатых костей мамонта, более 100 мелких неопределимых костей и др. Важно то, что все эти находки были засыпаны землей пола жилища, а позже над ямой был разожжен очаг жилища. В яме меньших размеров, находящейся с другого края очага и, очевидно, с ним одновременно, оказался крупный осколок трубчатой кости лошади ³¹. Две ямы под зольниками кострищ в жилищах найдены на *стоянке Костенки-4* ³².

На *стоянке Гагарино* у стен жилищ в ямах-хранилищах или рядом с ними располагались наиболее ценные находки, в том числе женские статуэтки ³³.

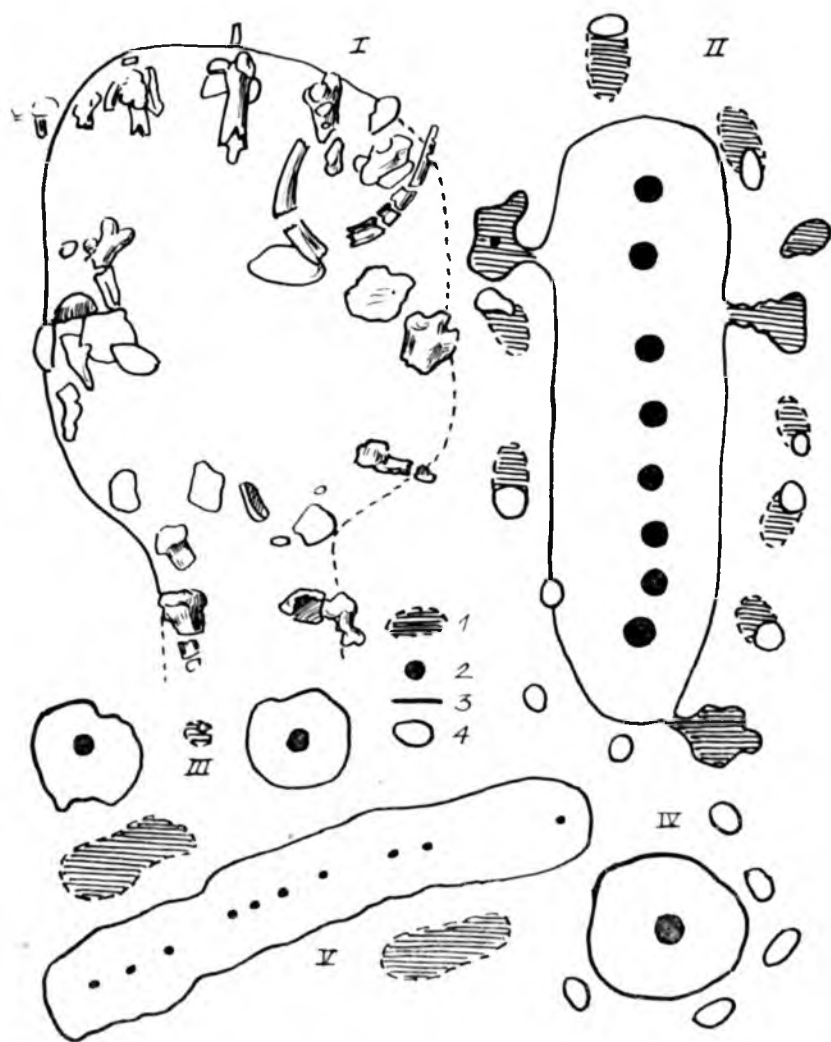

Рис. 4. Планы палеолитических жилищ.

I — Буреть; II—V — Русская равнина.

1 — интенсивный культурный слой; 2 — очаги; 3 — границы наземных жилищ;
4 — сопутствующие землянки.

На *стоянке Мезин* обнаружено жилище и четыре ямы-кладовые, заполненные большим числом костей мамонта и костных углей ³⁴.

На *стоянке Доброницево* вокруг жилища также оказалось по четыре ямы-кладовые ³⁵. Аналогичная ситуация на *стоянках Межричское, Гонцово, Костенки-8* и в других местах ³⁶.

Итак, внимательное изучение палеолитических стоянок Русской равнины позволило не только дать аналогии хозяйственным ямам Сибири, но и подметить ряд интересных деталей.

Как и в жилищах Сибири, на палеолитических поселениях «хозяйственные» ямы почти всегда группируются вокруг очагов. Специфическое заполнение костями животных, костными углями, кострищами, пятнами охры, гальками, каменными и костяными орудиями труда, скульптурами животных и человека (женщин), другими вещами не свидетельствует о том, что они являются «земляными печами» для приготовления пищи. Тем более важно, что такие «пекарные печи» вырывались не только у очагов, но и далеко от них как в полу жилища, так и за его пределами, но на территории жилого поселения. Некоторые «печи» имеют нисходящее распределение артефактов. Отмечены случаи рытья новых ям, зафиксированы факты устройства «печей» как на дневной поверхности, так и в полу жилища, уже имеющем значительную толщу культурных остатков (рис. 4).

Отмечено еще и то, что ямы, устроенные за пределами жилищ, имели над собою кровлю на деревянном каркасе или из бивней мамонта при высоте помещений около 1,0 м. Передко такие ямы имели своеобразные крышки из крупных плоских костей животных³⁷.

Столь странный набор содержимого внутри «земляных (пекарных) печей» или ям-кладовок позволил некоторым авторам справедливо усомниться в их действительном назначении. А. Н. Рогачев и М. В. Анискович, например, писали по этому поводу: «Наличие на полу хозяйственных и очажных ям, очажных пятен, рогов северного оленя, бивней и ребер мамонта со следами обработки свидетельствует, что эти сооружения нельзя рассматривать только как место свалки строительного и поделочного материала»³⁸.

Важно подчеркнуть, что мысль о культовом назначении «хозяйственных» ям на поселениях и в жилищах была высказана исследователями, работающими хотя и в отдаленных друг от друга географических регионах СССР, но на практически близких по сущности и хронологии археологических памятниках.

СТРУКТУРА КУЛЬТОВЫХ МЕСТ И ПОМЕНКЛАТУРА РИТУАЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Для того чтобы показать культовое значение «хозяйственных» ям на палеолитических поселениях и в жилищах Сибири, проведем номенклатурное членение выявленных объектов и попытаемся найти примеры в материалах сибирской этнографии.

Т. М. Михайлов, внимательно рассмотревший вопрос о религии прибайкальских племен эпохи палеолита, прекрасно зная шаманизм бурят, полагает, что в системе древних священных мест и культовой обрядности на них уже «существовал какой-то набор культовых предметов: необычные камни, части тела животных или зверей (череп с рогами, зубы, лапы), одеяния из шкур зверей, изображения из камня, кости и бивня мамонта»³⁹.

Те немногочисленные археологические факты, которыми оперировал Т. М. Михайлов, позволили ему с позиций этнографии правильно обосновать следующие культы, которые уже существовали в палеолите Восточной Сибири: 1) тотемизм (образы мамонта, дикой лошади, бизона, медведя, собаки, птиц, змей, рыб и др.); 2) культ женщины-прародительницы (чадородия и материнского начала); 3) культ огня; 4) культ мертвых⁴⁰.

Однако этот же материал не позволил автору сколько-нибудь определенно высказаться о характере древних культовых мест, имевших одно из основных значений при выделении существовавших в палеолите культов.

Данные археологических остатков поселений и жилищ Сибири и их аналогий в Восточной Европе, даже при малочисленности материала, позволяют высказать некоторые мысли о сущности бытовавших в эпоху палеолита культовых комплексов и их следах, имеющих бесспорно культурный характер.

Захоронения тотемных животных. Как рассмотрено выше, в «хозяйственных» ямах внутри жилищ и на территории поселений в целом находится один и тот же набор животных: чаще всего это головы и части скелетов мамонтов, носорогов, бизонов, ископаемых лошадей, горного козла, собак, песцов; в мезолитическом слое Усть-Белой — косули. Все это сопровождается в ряде случаев присыпкой охрой, каменными и костяными орудиями труда, угольками или даже кострищами. Известны случаи многослойности заполнения ям.

Столь специфический набор голов и частей животных, как правило по одному экземпляру на каждую яму, не является для палеолита Сибири неожиданностью. Такие концентрации черепов хищников фиксируются уже в эпоху среднего палеолита на Кавказе и в Западной Европе. Кости медведя, в том числе только черепа, аккуратно сложены в специальные ящики из грубых плит камня в глубинах пещер Петерсхёле (ФРГ) и Драхенлох (Швейцария). Во время раскопок в пещере Регурду в юго-западной части Франции в мустьерском культурном слое было вскрыто несколько сооружений из камня, в которых были погребены кости бурого медведя. В одном случае кости пяти-шести медведей были покрыты как бы облицовкой, опалубкой из камней; в другом — кости медведя лежали в четырехугольной яме и были покрыты плиткой камня около 2,0 м в поперечнике и весом более 850 кг; в третьем — череп медведя покрыт как бы грубой облицовкой из голийшей камня⁴¹.

В последнее время в литературе стали накапливаться сведения, связанные с идеологическими представлениями древнейших обитателей Кавказа. Свидетельством возникновения в мустьерскую эпоху примитивных религиозных верований принято считать находку идентичных медвежьих черепов, непременно установленных у стен пещеры в особом «тайнике»⁴². Есть также сообщение об открытии целой культовой пещеры, связанной с ритуальным поеданием этого животного⁴³.

Археологи рассматривают эти остатки по-разному: как следы культа медведя, свидетельство охотничьей магии, либо как следы

тотемизма. П. И. Борисковский, например, пишет по этому поводу следующее: «В свете материалов Регурду находки в Драхенлохе и Петерсхёле, а также в Тешик-Таше могут уверенно рассматриваться как свидетельства зарождения религиозных верований и обрядов охотничьей магии и тотемизма у неандертальцев»⁴⁴.

Если это так, то обнаружение в верхнем палеолите Сибири преднамеренных захоронений животных не должно вызывать удивления. Наоборот, сибирские материалы все больше находят логическое объяснение в материалах этнографии сибирских же народов. Наиболее ярко это проявилось при изучении костей песцов в 14 ямках к северу от мальтинских жилищ. Здесь оказалось четыре полных скелета в анатомическом порядке, но без лапок. Вполне очевидно, что мальтинский человек снимал с песцов шкурки, а затем хоронил их тушки в специально вырытых ямках, иногда вместе с костями других животных, кремневыми пластинками и орудиями труда⁴⁵. Как справедливо заметил автор раскопок М. М. Герасимов, этот обряд древних мальтинцев напоминает о широко распространенном у охотничьих племен Сибири обычай хоронить кости добытых животных, чтобы они затем «воскресли» и снова стали добычей охотников⁴⁶.

Вероятно, подобные представления существовали и у других палеолитических охотников Сибири, которые захороняли в ямах на поселениях и в жилищах головы носорогов, дикого быка-бизона, горного козла, косули и других животных (Варварина Гора, Санный Мыс, Красный Яр, Венгерово-5, Усть-Белая). По крайней мере, ни у кого нет сомнения, что захоронение головы хищника при сопровождении частей лошади на Варвариной Горе является жертвенным приношением.

Однако почитание священных животных в палеолите Сибири не только было выражено разовыми или постоянными жертвоприношениями, захоронениями голов и частей животных, но и достигло высшей формы — иконографии. Археология Европы дает на сей счет много интересного конкретного материала. Что же касается Восточной Сибири, то здесь можно отметить скульптурную голову медведя из Забайкалья, рельефное изображение мамонта из Мальты и, вероятно, фигурки водоплавающих птиц. Особо следует сказать о бычьих черепах: когда-то они, несомненно, украшали кровлю не только мальтинских, но и других жилищ. «Бык, по всей вероятности, ассоциировался здесь как с родовым жилищем, так и с его хранительницей-женщиной»⁴⁷.

Иконографический характер, безусловно, несут и наскальные рисунки на петроглифах Сибири (Шипкино, Долгий порог, Токко), а также Центральной Азии (Хойт-Ценкер-Агуй) мамонтов, носорогов, диких быков, лошадей и др. Однако мы пока не можем рассматривать эти памятники, потому что против их палеолитического возраста имеются возражения⁴⁸.

Захоронения собак. Фаунистические остатки собак, а точнее, одомашненного волка встречены на таких палеолитических стоянках, как Мезин, Авдеево, Афонтова Гора-3⁴⁹. Ритуальные захоронения собак зафиксированы в полу палеолитического жилища близ

Ушковского озера на Камчатке⁵⁰ и в мезолитическом слое стоянки Усть-Белая на Ангаре⁵¹. Еще чаще захоронения домашних собак встречаются на поселениях и в могильниках Восточной Сибири эпохи неолита и ранней бронзы. Поэтому объяснение этому факту будет дано при рассмотрении неолитических культовых мест. Отметим только, что культ собаки как охранителя территории жилища и поселения, незаменимого помощника при охоте и как, вероятно, тяглового животного возник не ранее конца позднего палеолита. Тем не менее потребовалось относительно немного времени, чтобы в эпоху мезолита этот культ приобрел свое законченное выражение, о чем свидетельствует развитый обряд захоронения животного на дне специальных ям, доверху заполненных последующим жертвенным материалом: костями косули и других животных, чешуей рыб, множеством речной гальки разных размеров.

Захоронение человека. В Мальте оказалось пока единственное в Сибири палеолитическое захоронение ребенка. Оно находилось в могильной яме овальных очертаний в каменном ящике под петронутым культурным слоем жилища. Создается впечатление, что ребенка похоронили в момент сооружения жилища. Тело младенца засыпано красной охрой, сопровождалось богатым набором погребального инвентаря.

Интересно, что ребенок из Мальты отличался резко выраженной патологической особенностью — у него, кроме обычного, был еще второй ряд зубов. В этой связи небезынтересно вспомнить, что у остальных народов уроды пользовались особым почитанием. Их появление на свет связывалось с деятельностью духов, и в них самих видели носителей таинственной «неземной» силы. Мальтинское погребение рисует картину уже вполне определенно сложившихся анимистических представлений и культа мертвых⁵².

Разрозненные кости человека найдены в последнее время на Афонтовой Горе и стоянке Новоселово-6⁵³. В более отдаленных регионах погребение кроманьонца обнаружено в специально сооруженной из костей камере у одного из жилищ на стоянке Костенки-2 (Замяткина)⁵⁴. Известны парные погребения подростков на стоянках Сунгирь⁵⁵, Маркина Гора⁵⁶, Городцовское поселение⁵⁷ также непосредственно у жилищ.

Культовые предметы. Большое значение для понимания характера древних святилищ в жилищах и на поселениях имеют многочисленные находки предметов культового значения. Утверждение М. М. Герасимова, что интерьер мальтинских (и буретьских) жилищ имел деление на мужскую и женскую половину, наводит на мысль о поисках аналогий в интерьере позднейших жилищ аборигенов Сибири этнографической современности, в которых, как известно, предметы культового назначения и даже жертвенные места имели большое значение в повседневной жизни охотников и рыболовов. Тем не менее на многих палеолитических стоянках Сибири и Русской равнины выявляется закономерность в размещении культовых предметов.

Ф и г у р к и ж е н щ и н. Примечательно, что одна из мальтинских фигур женщины стояла в глазнице черепа носорога в северо-

восточной части жилища ⁵⁸, где у бурят всегда располагались онгоны и другая культовая атрибутика. Статуэтка женщины в другом жилище лежала под компактным скоплением женских украшений ⁵⁹. В других жилищах Мальты и Бурети женские статуэтки найдены у очагов, но в сочетании с фигурками водоплавающих птиц в полете ⁶⁰.

Обнаружены женские статуэтки и на других палеолитических стоянках Евразии. В 5-м слое Майнинской стоянки в верховьях Елисея имелась антропоморфная фигурка из обожженной глины ⁶¹. На стоянке Гагарино и Костенки-1 женские статуэтки находились также у очагов, но на дне специальных ям, заполненных кремневыми и каменными орудиями труда, предметами украшения и произведениями искусства. Как правило, эти наиболее ценные предметы поселений и жилищ были присыпаны красной охрой, имеющей ритуальное значение ⁶².

Фигурки животных. К числу культовых предметов, несомненно, относятся и скульптурные изображения животных, которые находили рядом с женскими статуэтками. Трактовка птиц в полете, например, может выражать идею, уже не связанную с древней охотничьей магией. Корни их понимания следует искать в религиозно-мифологических представлениях о трех мирах Вселенной. Согласно идеологии шаманизма всех без исключения сибирских народов, птицы и другие животные являются могучими сверхъестественными существами — помощниками шаманов и посредниками человека с другими мирами. «Так было, нужно думать, и в далеком палеолитическом прошлом, когда складывались истоки тех верований, из которых выросло затем сибирское шаманство и шаманистическая идеология — шаманские мифы и культ» ⁶³.

«Луно-солнечный календарь». Среди комплекса художественных изделий из кости в Мальте привлекают внимание две бляшки из бивня мамонта с выгравированными изображениями спирали. Лкбопытно, что эта спираль имеет 243 ямки, что соответствует двум третям солнечного года и циклу беременности самок северного оленя. Поэтому все больше сторонников приобретает идея о том, что бляха со спиралями использовалась палеолитическими обитателями Мальты как календарь. Особая частота группировок по семь, постоянное присутствие таких группировок на женских статуэтках Мальты и орнаментированных фигурках «Венер» на других стоянках Евразии заставляют вспомнить, что именно женщины были хранительницами лунного календаря у сибирских народов, что это связано, в частности, и с их материнскими обязанностями ⁶⁴.

Второй тип «лунного календаря» открыт на Ачинском палеолитическом поселении. Он имеет вид фаллоса из бивня мамонта и сплошь гравирован «лунным» орнаментом — двумя спиралями в виде точек. «Предварительный анализ показал, что в лунках орнамента, возможно, отражена комплексная календарная система... солнца и луны» ⁶⁵, причем она способна предсказывать лунные и солнечные затмения в течение трех лет ⁶⁶ (рис. 5).

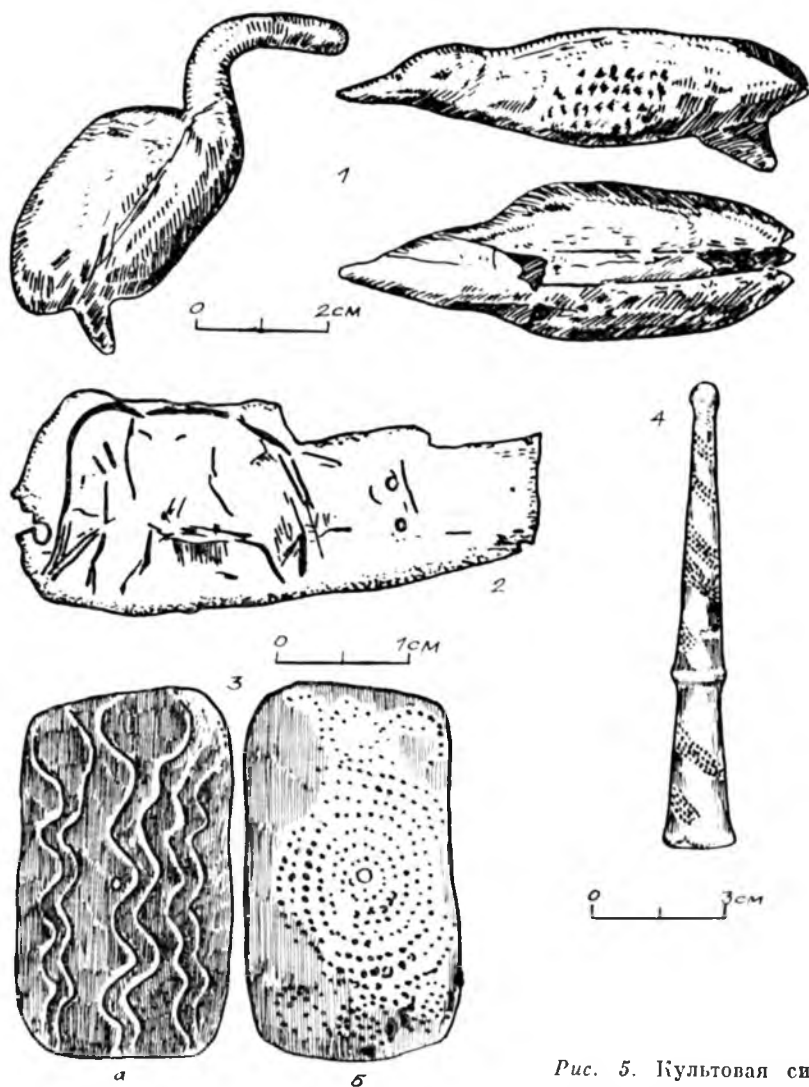

Рис. 5. Культурная символика эпохи палеолита.

1 — фигурки птиц из Мальты; 2 — рисунок мамонта на костяной пластинке; 3 — костяная бляха со змеями (а) и «лунным календарем» (б); 4 — Ачинский календарный нож из бивня мамонта.

Пластинки с изображениями мамонта. Если мамонты служили тотемами некоторых групп палеолитического населения Сибири, то не вызывают удивления их рельефные изображения на предметах косторезного искусства. Одна такая пластинка на амулете-обереге найдена в Мальте⁶⁷. Любопытен рисунок двух мамонтов с непомерно растянутыми конечностями, выполненный на бивне

этого животного, найденного на берегу р. Берелех Индигирского Заполярья. О. П. Бадер считает, что это изображение указывает на образ мамонта, наделенного уже какими-то фантастическими, мифологическими чертами⁶⁸.

На территории СССР скульптурки мамонтов известны со стоянок Костенки-1, Авдеево⁶⁹, Каповой пещеры⁷⁰, поселения Межиричи⁷¹. Следует также отметить еще одну интересную находку изображения мамонта на кости со стоянки Сохатино-4 в Забайкалье. Это несколько обломков ребер животного со штриховым орнаментом и сложными гравировками, воспроизводящими, по мнению А. П. Окладникова и И. И. Кириллова, возможно, культовые сцены с участием животных. «Обе найденные на поселении гравюры имеют определенный магический смысл. На одной из них изображена, видимо, ритуальная сцена, смысл которой заключается в стремлении сделать охоту более удачной. Для достижения этой мечты художник показывает разыгравшуюся мистерию с головой животного как желаемый финал охоты. А затем тонким резцом умело высвечивает неоднократно видимые им сцены из охотничьей жизни. На второй гравюре — продолжение той же темы в новом ракурсе. Центральными фигурами в ней являются мамонты, оказавшиеся в ловушках. В данном случае сцены охоты, очевидно, показаны на фоне жилого поселка. Это также мечта „о вечной сытости“. Этим объясняется, на наш взгляд, необычное сочетание различных видов животных: наряду с мамонтами изображены птицы»⁷².

ТИПЫ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ И ПРОБЛЕМА ЖРЕЧЕСТВА В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА]

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет гипотетически выделить несколько типов культовых мест на палеолитических поселениях Сибири, преимущественно с каждым отдельным жилищем.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что произведения мелкой пластики, как правило, найдены сериями: в Костенках-1 — более 100 фигурок, Гагарино — 10, Мезино — 17, Авдеево — 9, Мальте — около 50, Бурети — 7. Аналогичная картина и в отношении памятников Западной и Центральной Европы. Нечто подобное отмечено для поселений неолита и даже селищ железного века в Прикамье, Молдавии и Средней Азии.

«Эти наблюдения, — пишет А. А. Формозов, — возможно, свидетельствуют о том, что существовали не только идолы, стоявшие в каждом доме, но и определенные наборы статуэток, использовавшиеся при культовых церемониях»⁷³. В пользу этого предположения говорят многочисленные археологические и этнографические примеры широкого круга народов Евразии и Америки. Однако для нас важны, конечно, материалы шаманизма сибирских аборигенов, поскольку ритуальные предметы и онгоны (антропоморфные скульптурные изображения духов-хранителей конкретной семьи, человека) всегда занимали в их жилищах определенное и почетное место.

Мы пока не знаем, где именно в интерьере жилища палеолитического человека Сибири помещались культовые предметы. В Мальте, как в Гагарино и Костенках, фигурки женщины были найдены внутри жилищ, в специальных ямках-хранилищах неподалеку от очагов. Так, три статуэтки оказались сложенными одна над другой в небольшой ямке, наполненной костяными стружками, где лежали также два резца, прокола, длинные узкие пластинки, болваночка из бивня мамонта⁷⁴.

Некоторые ученые указывают, что широко распространенное представление об особых связях женских статуэток только с очагами не может считаться бесспорным. На плане, приведенном З. А. Абрамовой⁷⁵, видно, что ямки, в которых находились целые статуэтки, среди прочих ям-хранилищ отнюдь не самые близкие к очагам. Вряд ли правы А. Н. Рогачев и М. В. Аникович, считающие, что «женские статуэтки планиграфически связаны с очагами ничуть не больше, чем любой предмет, найденный на территории длинного жилища»⁷⁶.

Речь идет о двух разных типах фигур женщины. Наиболее ценные скульптурки, выполненные из бивня мамонта, действительно чаще всего встречаются в специальных ямках у очагов. В Мальте, между прочим, одна фигурка обнаружена стоящей в глазнице черепа носорога у стенки северо-западной части жилища. Зато все другие, менее ценные изображения, выполненные из хрупкого мергеля, на палеолитических стоянках Русской равнины найдены разбитыми по всей площади жилищ. Вероятно, изготовлявшиеся в большом количестве женские статуэтки из мергеля не представляли для людей того времени большой ценности и предназначались для недолговременного использования во время различных обрядов, после чего теряли значение, могли быть выброшены и разбиты. Как считают А. Н. Рогачев и М. В. Аникович, «это может свидетельствовать о неразвитости религиозных представлений. Такие статуэтки воспринимались скорее всего не как „вместилище души“ и тому подобное, но как своеобразные средства, предназначенные для овладения вполне реальными, естественными вещами (будь то охотничья добыча, увеличение потомства, борьба с болезнями и др.)»⁷⁷.

Говоря о фигурках женщины в ямах пола жилищ, нельзя не отметить еще две специфические детали, которые сами по себе указывают не на «хозяйственный», а на ритуальный характер подобных хранилищ. В Мальте, к примеру, одна из скульптурок найдена под большой костью мамонта в ямке с зольной массой, где также лежали кремневые отщепы и комочки охры⁷⁸. Аналогичная картина на стоянках Костенки-1, 4 и др.

Вторая особенность ям — это тесная связь фигурок женщины с костями быка. Этот факт уже давно отмечен в Костенках, Мезине, Авдеево и Мальте, как известно, особенно богатыми женскими статуэтками. Мы уже говорили, что в черепе быка на стоянке Мезин лежали две женские фигуры. В Мальте одна статуэтка найдена в позвонке быка-бизона. В Вурети обнаруженная скульптурка сверху была защищена массивными позвонками бычьего хвоста в анатомическом порядке, а рядом с ним лежали два лошадиных черепа.

Отметим, что подобная связь фигурок женщины с охрой и дикими быками известна и в палеолите Европы. Например, охрой были натерты статуэтки «Венер». На барельефе из грота Лоссель в Дордоне красной охрой раскрашен живот женщины, которая, кстати, изображена с бычьим рогом в поднятой правой руке. На другом барельефе из грота Лоссель женщина, держащая в правой руке менее ясно выраженный предмет — либо это рог, либо желудок быка.

Отсюда следует, что в эпоху палеолита дикий бык почитался по всей территории Евразии. Тесная связь с быком как тотемом подчеркнута и в конструкции жертвенного места жилища, и в мифологических представлениях о женщине-прародительнице⁷⁹.

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным выделить следующие типы палеолитических жертвенных (культовых) мест.

Первый тип — набор ритуальных предметов в ямках близ очагов или вне их.

Второй тип — захоронения голов тотемных животных или иных промысловых животных в полу жилища или в непосредственной связи с ними. В первом случае такие захоронения должны были служить иллюзорной защитой живущих людей от злых духов; во втором — обеспечивать «воспроизводство» промыслового зверя как источника жизни первобытных коллективов. Причем отмечено, что такие жертвенные места были как долговременными (с периодическим подношением жертвенных приношений), так и разовыми, что обусловило организацию на одной небольшой площади жилища или стоянки множества «хозяйственных» ям. С заботой «кормить», задабривать тотемное животное — защитника семьи, рода, жилища — связаны многочисленные находки мелких расщепленных и обожженных костей животных, рыб и птиц, отщепов, каменных орудий труда и других артефактов.

Третий тип — очаг, священное отношение к которому сохранилось у сибирских народов до сих пор. Как в недавнем этнографическом прошлом члены семьи были обязаны охранять родовой очаг и «кормить» его, так и в эпоху палеолита древние обитатели приносили огню всевозможные жертвы. Только этим, в частности, можно объяснить факты густого скопления в золе кострищ каменных и костяных орудий труда, целых и обожженных костей животных и т. д. Этнография свидетельствует, что одним из самых тяжких грехов перед родовым огнем как вместилищем семейных духов-охранителей считалось осквернение его сором жилища или ненужными вещами.

Четвертый тип — захоронения людей. Как отмечено выше, мальтинский ребенок обладал ярко выраженной патологической особенностью, поэтому считался носителем воли духа. «Может быть, именно поэтому, — пишут авторы „Истории Сибири“, — мальтинский необыкновенный младенец был погребен так роскошно и вдобавок в самом жилище, духом-покровителем которого он должен был стать после смерти»⁸⁰.

Подобная связь погребений людей с жилищами наблюдается на многих палеолитических стоянках Европейской России. Но вряд

ли тут дело только в «примитивных, доанимистических представлениях людей о загробной жизни», определяющихся неразвитостью погребального обряда⁸¹. Разве случайно, к примеру, то, что последующий культурный слой жизни родового коллектива перекрывал и заполнение могильной ямы в мальтинском жилище. Если данный факт рассматривать свидетельством ритуального захоронения людей накануне установки жилища, то, видимо, речь здесь действительно идет о человеческой жертве: дух принесенного в жертву сородича должен был оказывать защитное воздействие на жизнь родового коллектива в жилище и на поселении.

Говоря о наличии палеолитических культовых мест в жилищах и на поселениях, нельзя не затронуть интересную проблему жречества в эту эпоху. Здесь мы вновь обратимся к скульптурным изображениям женских фигур.

П. П. Ефименко и А. Н. Рогачев считают мальтинские статуэтки образом женщины-прародительницы. С. А. Токарев видел в них образы хозяйки очага. Однако большинство ученых рассматривает их материальным свидетельством культа плодородия, культа огня и его хозяйки, фигурками жриц и прародительниц. Т. М. Михайлов, к примеру, считает, что в эпоху материнского рода организаторами и исполнителями обрядов, блюстителями родовых порядков, обычаев и традиций могли выступать наиболее опытные и деятельные женщины. Об этом же пишут К. М. Рычков, Н. Н. Дыренкова, А. М. Золотарева, А. Ф. Анисимов, С. Нурэвжав и др. Г. Ц. Цыбиков в одной из своих работ выдвинул интересную гипотезу, что первыми жрицами были женщины, обязанные следить за огнем и делать ему приношения. Об этом, в частности, свидетельствуют данные лингвистического анализа термина «*утган*» (утаган, одёгон) — «шаманка»: от «*ут*» (от) — «огонь»; *ган* — суффикс, употребляемый в бурятском языке для образования имени женского рода⁸². Следовательно, «утган» — это жрица огня, первая служительница культа. Т. М. Михайлов пишет: «Закрепление женщины в роли хранительницы домашнего очага и домашних святынь было явлением уникальным. Об этом говорят археологические источники — изображения женщины на скалах, женских фигур из камня, кости, бивня мамонта и т. д.»⁸³

По мнению М. Н. Хангалова и Н. Н. Агапитова, в грубых первобытных фетишах — различных женских фигурах — надо видеть родоначальницу, шаманку; эти фетиши являются предшественниками позднейших бурятских онгонов, изготовленных женщинами. У чукчей еще в пору этнографической современности, например, женщина была хранительницей семейного очага и домашних святынь, в частности бубна⁸⁴.

Надо отметить, что идея о зарождении жречества в эпоху палеолита имеет и сейчас как сторонников, так и противников. Среди последних можно назвать П. И. Борисковского. Он указывает, что только начиная с позднего палеолита можно говорить о сложившейся первобытной религии, о появлении одной из важнейших и характерных ее форм — анимизма, с которым были тесно связаны и переплетались тотемизм, магия и др. П. И. Борисковский рисует живописную

картину почитания тотемного животного. В честь его устраивались празднества, сопровождающиеся магическими колдовскими действиями, которые будто бы должны были способствовать процветанию тотема, его быстрейшему размножению. На празднестве люди маскировались в шкуру своего тотема, инсценировали охоту на него, иногда выполняли обряды церемониального его поедания⁸⁵.

Трудно полностью согласиться с Н. Н. Борисовским за неимением веских доказательств, однако мысль о связи культа тотемного животного с культом плодородия и охраны жилища на палеолитических поселениях Сибири несомненна. То же можно сказать о ритуальных захоронениях собак и человека, души которых, очевидно, также представлялись духами-хранителями отдельной семьи, рода. Многослойные следы жертвенных приношений убедительно свидетельствуют о существовании сложных, специфических форм культовых действий. Несомненно, что и в этом случае, и в картине общеродового празднества, нарисованной Н. Н. Борисовским, обрядовые действия не могли происходить без опытного руководителя. Организатором, принявшим на себя жреческие обязанности в совершении различных культов, скорее всего была женщина, глава рода, хранительница семейного очага, тогда как главнейшей обязанностью мужчины, судя по этнографическим данным, была охота, рыбная ловля и лесное собирательство.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Палеолитический человек в Сибири имел уже развитый комплекс религиозно-мифологических представлений, унаследованный и далее развитый от предшествующих эпох. В этом комплексе уже существовали культы тотемных животных, женщины-прародительницы, домашнего очага и духов мертвых.

2. Тотемными животными почитались мамонт, носорог, дикий бык-бизон, лошадь, медведь, песец; видимо, птицы, змеи, рыбы; на рубеже палеолита и мезолита все большее значение стал приобретать только что одомашненный волк (собака). Наибольшее значение из тотемных животных в палеолите Мальты, возможно, имел дикий бык, черепа которого увенчивали жилища, а кости его являлись органической частью в конструкции домашних жертвенных мест.

3. Культ женщины-прародительницы зафиксирован в виде многочисленных статуэток в полу жилища, но преимущественно в специальных ямах-хранилищах вблизи очагов; имеются они и у стен, защищенные костями дикого быка. Наблюдается тесное сосуществование понятий «бык + женщина» и «бык + жилище».

4. Культ домашнего очага унаследован с глубоких времен. Деление палеолитического жилища на женскую и мужскую половину по этнографическим аналогиям предполагает особое почитание огня, в котором обитает дух жилища. Находки в зольной массе жженных костей животных, отщепов и орудий труда могут рассматриваться и в качестве жертвенных приношений.

5. Культ мертвых зафиксирован ритуальным захоронением ребенка в полу жилища Мальты и других палеолитических стоянок

Евразии. На основании этнографических аналогий можно говорить о них как о жертвах духам местности перед становлением жилища или поселения в целом. С конца палеолита — начала мезолита такими духами-защитниками становятся собаки, специально погребаемые в ямах внутри жилых комплексов.

6. На основании археологического материала эпохи палеолита Сибири и сопредельных территорий можно выделить пока четыре типа жертвенных мест или объектов, имеющих ритуальное значение: а) набор ритуальных предметов в ямках близ очагов или вне их; б) захоронения голов тотемных или иных промысловых животных в полу жилища или в непосредственной близости с ним; в) родовой очаг; г) захоронения людей или иных животных в полу жилищ накануне образования поселения. Существовали, вероятно, и другие типы древних культовых мест, связанные с кладбищами или промысловыми местами, но они еще не зафиксированы в палеолите Сибири. К ним, может быть, следует относить и так называемые клады орудий труда, обнаруживаемые вне связи с жилыми поселениями. Подобные места отмечены в палеолите северо-востока Азии.

7. Характерной формой палеолитических жертвенных мест на жилых поселениях являются так называемые «хозяйственные» ямы. Они, как правило, имеют правильные геометрические формы, в ряде случаев отмечены факты внутренней каменной обкладки и внешнего оформления крышкой из лопаток крупных животных. Помимо захоронений голов тотемных животных или их частей, специально положенных на хранение скульптурных изображений женщин, фигурок птиц и порою наиболее ценных предметов, в них присутствуют такие специфические детали, как кострища, кусочки охры, отщепы, каменные и костяные орудия труда. Встречены факты многослойности жертвенных приношений. Связывать такие ямы с местами хозяйственных отбросов следует не всегда, так как древнейшие помойки обнаруживаются на поселениях во вполне определенных местах (в Мальте — на обрыве береговой террасы, тогда как жертвенные места — в полу жилищ или к северу от них). Встречены также культовые предметы у стен жилищ, где они либо спрятаны в ямах и костях животных, либо когда-то стояли на специальных полочках.

8. В эпоху палеолита среди населения Восточной Сибири, видимо, получил распространение институт жречества из наиболее уважаемых женщин рода для руководства культовыми действиями на поселениях и в жилищах. В их распоряжении был уже целый комплекс ритуальных предметов и иконографии — скульптурные изображения женщин, медведей, водоплавающих птиц, гравированные рисунки мамонтов, змей, сцен охоты или ритуальных действий перед ней. Был создан «луно-солнечный календарь», по которому сверяли времена года и цикличность жизни промысловых животных. Существовали как одноразовые, так и постоянные формы культовых действий с обязательными жертвенными приношениями.

9. Многие элементы религиозно-мифологических представлений и культовых действий эпохи палеолита находят аналогии в шаманском комплексе аборигенных народов Восточной Сибири. Это говорит

о том, что корни традиционного шаманизма уходят в глубь тысячелетий: о былых представлениях об окружающем мире, о пантеоне почитаемых духов, о характере проводившихся обрядовых действий можно лишь догадываться по обрывкам, дошедших до наших дней в наиболее древних элементах шаманской религиозной системы, особенно эвенкийской этнической группы.

ГЛАВА III

СВЯТИЛИЩА НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

---

1. КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА НА ПОСЕЛЕНИЯХ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В отличие от палеолита места поселений охотников и рыболовов новокаменного века Сибири изучены в целом удовлетворительно. Прежде всего найдены сотни памятников в самых различных регионах, собран значительный вещественный материал, позволивший ясно представить материальную и духовную культуру, специфические стороны быта, искусство, социальные отношения и т. д.

Тем не менее вопрос о сущности поселений и жилищ все еще остается открытым, особенно для региона Восточной Сибири, где в отличие от Западной Сибири и Приморья древние обитатели практически не строили жилищ-полуземлянок, а маломощные культурные слои поселений свидетельствуют о более подвижном, чем в палеолите, сезонном образе жизни. Впрочем, даже по памятникам Восточной Сибири хорошо заметно, что кочевая жизнь древних охотников и рыболовов начинается уже с эпохи мезолита в связи с переходом на новые формы добычи прожиточных средств. Чаще всего на неолитических поселениях находят обломки битой посуды, каменные и костяные орудия труда, отщепы. Из бытовых комплексов постоянно встречаются очаги и кострища, слабые намеки на легкие переносные жилища типа чумов, «хозяйственные» ямы практически той же конструкции и содержания, что в палеолите и мезолите.

Прибайкалье по праву считается одним из наиболее хорошо изученных регионов Восточной Сибири по древним культурам эпохи неолита. С 1957 г. на Ангаре по инициативе А. П. Окладникова начались широкие по масштабам и территориальному охвату раскопки поселений с тем расчетом, чтобы вскрыть по возможности всю обжитую в древности площадь.

В результате этого было установлено, что неолитические поселения располагаются обычно на второй или третьей террасах Ангары, в устьях больших падей. Среди раскопанных стоянок особое место по богатству и разнообразию материалов занимает группа

поселений около Бурети (падь Ленковка и Частые) и Свирска (Семеновка, Собачий Лог). Стало очевидным, что для этих стоянок характерна прежде всего незначительная продолжительность периода обитания довольно большого числа людей.

Культурные горизонты, порою занимающие сотни квадратных метров территории, насыщены большим количеством керамики, каменных орудий, отщепов, костей животных и рыб. К ним относятся такие многочисленные и разнообразные культурные комплексы, как рабочие площадки, очаги, «хозяйственные» ямы, скопления костей и т. д.¹

На оз. Байкал неолитические поселения располагаются не равномерно, а отдельными густыми скоплениями — в дельте р. Селенги, районе оз. Котокель, Горячинске, Баргузинском и Чивыркуйском заливах, Северо-Байкальском и Ольхонском районах², где они связаны с основными рыбопромышленными зонами. Особенно густо расположены эти памятники в районе Малого моря и в проливе Ольхонские Ворота. В последнем пункте, например, из 57 местонахождений внимания заслуживают 14 памятников с четкой стратиграфией и обильным фактическим материалом: Сарма, Кулара III, Саган-Нугэ, Улан-Хада, Хоторук, Кулинга на материковой части побережья Малого моря и др. Основная их часть фиксируется в районах с наиболее удобными условиями обитания человека: бухточками или распадками побережья Байкала. В глубине территории Приольхонья неолитических памятников пока не обнаружено³.

Среди неолитических провинций Восточной Сибири меньше всего сведений о Забайкалье. С глубокой древности значительные пространства Бурятии заняты степными и лесостепными массивами. Ввиду особых природно-климатических условий края древние стоянки оказались здесь преимущественно развеянными ветрами. И хотя общее их число велико, материал «дюнных» поселений нельзя полностью принимать на вооружение из-за переотложения артефактов.

Тем не менее вся обстановка находок свидетельствует о том, что перед нами стоянки типичных байкальских и в большей степени якутских охотников и рыболовов⁴. Поселения расположены на низких песчаных террасах за береговым валом озера и тесно связаны с ним. Культурные остатки разбросаны на довольно обширной территории отдельными пятнами, каждое из которых является, по-видимому, местом временных остановок кочующих от озера к озеру рыбаков⁵. Исследователь неолита Забайкалья Л. Г. Иваншина делает вывод о наличии двух основных типов озерных поселений на севере Бурятии: поселения у истока реки или ручья, берущих начало из озера, и поселения на протоке, соединяющей два озера⁶.

Подобная картина наблюдается и в степных засушливых районах Южного Забайкалья, Северной и Северо-Восточной Монголии, где памятники эпохи неолита встречаются на местах высохших рек и озер⁷. Подтверждается это и исследованиями в Восточном Забайкалье, в Агинской степи, где неолитические стоянки больше всего известны на берегах высохших и пересыхающих соленых озер⁸.

В Якутии видим во многом сходную культуру озерных рыболовов и охотников. Древние поселения располагались как в устьях таежных рек, так и на межозерных буграх. Жилища представляли собою либо кратковременные шалаши-чумы (Туой-Хая, Мунку, Куллаты, Белькачи-1, Ымыяхтах и др.), либо овальные полуземлянки (Чолбишский Кырдал и др.)⁹.

В качестве примера скажем, что неолитические поселения Верхнего Приамурья и Приморья состояли из целой группы полуземлянок овальной формы, расположенных без соблюдения определенного порядка. Вдоль внешнего периметра котлованов жилищ прослеживались небольшие ямы от столбов, окаймлявших их когда-то снаружи и разделенных интервалами в 1,0—1,50 м. Внутренние же столбы скорее всего свидетельствуют о наличии в прошлом спальных нар. Очаги таких жилищ помещались внутри прочных деревянных рам 1,50 на 1,50 м. Хозяйственно-бытовые ямы имели различные размеры и глубину и располагались либо у стен внутри жилища, либо на улице между полуземлянками. Подобные жилые дома дошли у народов Амура, Приморья, северо-востока Азии и островов восточной части Азии вплоть до этнографической современности¹⁰.

Однако мы вряд ли будем правы, если представим неолитические поселения Восточной Сибири только как временные стоянки охотников и рыболовов, живших в легких переносных чумах. На Санном Мысу в Забайкалье, например, обнаружена пока первая полуземлянка. При раскопках здесь удалось зафиксировать западание культурного слоя на глубину до 0,35 при ширине около 5,0 м¹¹.

В бухте Саган-Заба на Байкале А. П. Окладниковым была раскопана выкладка из валунов, похожая на искусственно сложенную стену жилища, датированного предположительно глазковским временем¹². На южной оконечности Байкала в местности Тарбаганучка под Култуком нами с П. П. Хороших вскрыто поздненеолитическое жилище в виде землянки с каменным укреплением концов крыши. Внутри нее встречено несколько культурных горизонтов с кострищами и очагами. Создается впечатление, что неолитический охотник и рыболов периодически посещал и обживал землянку в течение ряда лет¹³. Б. Э. Петри также упоминает о раскопанных им остатках землянок на стоянке Ерши близ истока Ангары¹⁴.

Важно отметить в этой связи, что на территории Северо-Восточной Монголии на поселениях эпохи неолита в районе Тамцаг-Булака также раскопаны жилища в виде полуземлянок с хозяйственными очагами и ямами¹⁵.

ВОПРОС О ТРАДИЦИОННОСТИ ВЫБОРА МЕСТ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Исключительно важно подчеркнуть, что основная масса древних поселений Восточной Сибири, как и всей Северной Азии, имеет принцип преемственности от эпохи неолита (есть также примеры с эпохи мезолита и палеолита) до этнографической современности. Еще предстоит изучить вопрос о причинах непрерывности селитбы

человека на протяжении тысячелетий на одном и том же месте. По тот факт, что требования древних охотников и рыболовов к выбору наиболее удобного места под жилье совпадали во все исторические эпохи, бесспорен.

Известно, к примеру, что в Прибайкалье удобных участков для выбора места под жительство очень мало. «Поэтому излюбленные места для поселений в устье падей заселялись человеком непрерывно, начиная с неолита (в некоторых местах с палеолита) и кончая железным веком (вплоть до курыканского времени)»¹⁶. Непрерывность обитания, а также сравнительно однородная окраска культурного слоя поселений затрудняют послойное выделение материалов и культурных комплексов, если их не разделяют стерильные прослойки. Из-за продолжительности обитания людей на одном месте в разные эпохи эти остатки нередко перемешаны, что требует от исследователя предельной осторожности при раскопках древних поселений.

Если говорить конкретно об эпохе неолита, то почти повсеместно можно наблюдать факт долговременного существования поселений от псаковского до глазковского этапов включительно.

Рассмотрим несколько примеров многослойности поселений в Предбайкалье.

Стрижова Гора (долина р. Кан). Следы деятельности древних обитателей зафиксированы в восьми геологических слоях, различных по цвету, структуре и составу. В общей сложности выявлено 18 культурных горизонтов, содержащих остатки эпохи палеолита — раннего мезолита — финального мезолита — неолита — эпохи бронзы¹⁷.

Поселение Казачка (долина р. Кан). Здесь зафиксировано 20 гумусированных слоев с культурными остатками от мезолита до эпохи железа. Слои отделены друг от друга четкими стерильными прослойками речного песка. Датировка от 10 до 3 тыс. лет до н. э.¹⁸

Стоянка у с. Шелёхова (на р. Бирюса). Несколько культурных горизонтов от финального мезолита до эпохи бронзы¹⁹.

Поселение в устье р. Шаманки (при впадении в Ангару). Пять культурных горизонтов от неолита до позднего железа²⁰.

На оз. Байкал также известно несколько многослойных поселений, из которых отметим некоторые.

Итырхей (Приольхонье). Девять культурных горизонтов, связанных к темным гумусированным слоям, отделенным друг от друга тонкими (иногда линзовидными) прослойками песка. Датировка I—VI горизонтов — неолит, VII—IX — мезолит²¹.

Берлога (в Куркутском заливе). Восемь культурных горизонтов. Эпоха неолита²².

Курла I (северное побережье Байкала). Три культурных слоя: мезолит — неолит — поздняя бронза²³.

Из памятников сопредельных регионов отметим только несколько пунктов.

Таланда II (устье р. Мархи, левого притока Виллюя). Девять культурных горизонтов²⁴.

Т а б л и ц а 1²⁷

Датировка культурных слоев неолитических поселений Западного Забайкалья

Сапный Мыс	Ошурково	Нижняя Березовка	Посольская	Дата по С-14
—	—	Слой 1	Слой 1	3100±100
Слой 1	—	Слой 2	Слой 2	5000±100
—	Слой 1	—	—	6000±100
Слой 2	Слой 2	—	—	10800±200
Слой 3—7	Слой 3—4	—	—	

Устье реч. Хатынгаах (притока р. Вилуй). Слой 1 (снизу вверх) — неолит, принадлежность к конкретной культуре неолита не установлена; слой 2 — ымыяхтахская культура; слой 3 — белькачинская культура; слой 4 — сыгалахская культура²⁵.

Тоора-Даш (близ устья р. Хемчик при впадении ее в Енисей). 12 культурных горизонтов: неолит — афанасьевский период — окупневское время — тагарская эпоха — средневековые²⁶.

Подобная картина и в Забайкалье. Здесь практически нет ни одной дюнной стоянки, где в котловинах выдувания не оказывались бы предметы всех вышележащих культурных слоев, разрушенных ветровой эрозией. Именно это обстоятельство до сих пор не позволяет найти приемлемых критериев для расчленения и датировки открытого подъемного материала, который бывает перемешан с эпохи палеолита до этнографической современности.

Тем не менее изучение немногих неразрушенных поселений позволило выявить четко стратифицированные горизонты и выделить в них неолитические слои (табл. 1).

Из памятников Восточного Забайкалья также следует отметить некоторые поселения.

Студеное (на р. Чикой). Здесь выявлено более 20 горизонтов с остатками материальной культуры от палеолита до неолита, отделенных друг от друга стерильными прослойками²⁸.

Усть-Каренга (на р. Витим). Семь культурных горизонтов эпохи неолита²⁹.

Джиланда I (на р. Витим). Шесть горизонтов: три нижних слоя — неолит, второй — бронза, первый — раннее железо³⁰.

ОПОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Из памятников Предбайкалья мы отмечаем некоторые поселения.

Шелот (у пос. Казачье на Ангаре). Остатки жилищ представляют собою скопление артефактов вокруг постоянных очагов, сменявших друг друга на протяжении длительного времени существования поселения. На разных участках раскопанной площади обна-

ружены небольшие ямки. Так, у восточного края под скоплением камней в кв. 0 — 4,0 — 5 имелись западины подпрямоугольных очертаний размерами $2,0 \times 1,10 \times 0,30$ м с вертикальной профилировкой стенок. Ориентированы по оси север — юг. Вторая, еще более глубокая, западина находилась в кв. К-7, К-8. В ней те же находки, что и в культурном слое: кремневые отщепы, пластинки, обломки керамики, наконечники стрел, а также единственное во всей коллекции грузило к рыболовному крючку. Подобные западины выявлены также на среднем участке поселения — кв. 3, И-5 и у южного края — кв. 3, И-2. Менее значительные понижения и небольшие ямки-западины встречались на многих местах вскрытой части стоянки. Многие западины, прежде имевшие правильную планировку и соответствующую профилировку стенок, несомненно, связаны с деятельностью человека ³¹.

Устье р. Белой (при впадении в Ангару). Из ритуальных комплексов особенно характерны очаги с выкладками специально отобранных и отсортированных костей косули, которые тщательно уложены на очажных камнях. Пайдены также очаги с рогами косули на камнях и целыми скелетами рыб. Однако наибольший интерес представляют ритуальные захоронения целых животных. Больше всего среди них найдено собак. Как правило, полностью сохранившиеся в анатомическом порядке скелеты собак находились на дне так называемых «хозяйственных» ям.

В устье р. Белой один из участков поселения обратил на себя внимание резким преобладанием в кремневом инвентаре нуклеусов и ножевидных пластин при малом количестве керамики. Очевидно, на этом участке происходили процессы изготовления кремневых орудий. При раскопках здесь обнаружены три «печи», в которых, по мнению Л. Я. Крижевской, производилось раскалывание кварцитового сырья. Две из них представляли собой глубокие ямы округлых очертаний при невысокой перемычке, доверху наполненные крупными кварцитовыми гальками. В нижних слоях ямы гальки, лежавшие в слое золы и угля, были расколоты. Здесь также найдены ножевидные пластины, нуклеусы и кости животных. Под очажным слоем на самом дне ямы лежал скелет собаки в анатомическом порядке и без признаков воздействия огнем.

Заполнение третьей очажной ямы, имеющей иную форму, состояло из плотного углистого слоя, в котором вместе с кремневыми орудиями и костями животных находились расколотые гальки кварцита. Еще ниже, под углистым слоем, лежал скелет собаки в анатомическом порядке. Неподалеку от «печей» — запас сырья в виде кучи кварцитовых галек (свыше 200 шт.) и готовая продукция — масса расколотого кварцита (рис. 6).

Размеры первых двух ям составляли $2,30 \times 1,50$ при глубине 0,70 м; глубина третьей ямы — 1,40 м ³².

На других стоянках Предбайкалья культовые комплексы были представлены по-разному.

Верхняя Лена. Отсортированные обломки длинных конечностей косули в специальных ямках.

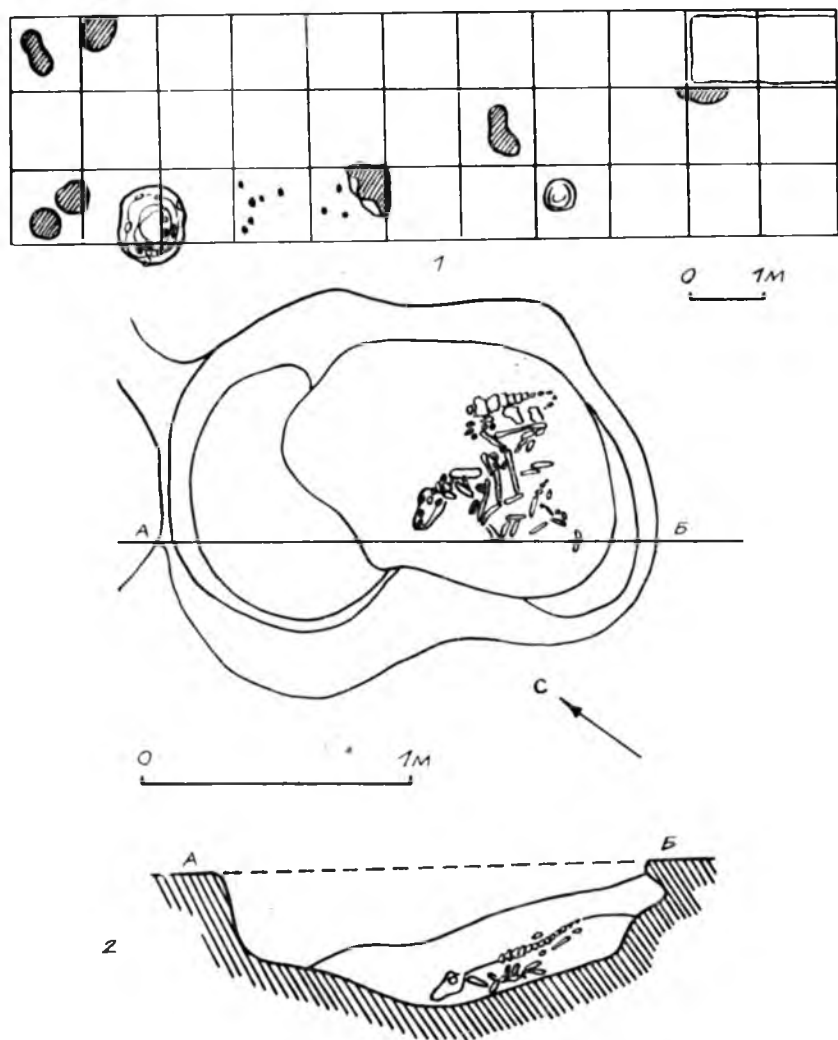

Рис. 6. [Поселение Усть-Белая (неолитический слой) (по Л. Я. Крижевской). 1 — план раскопа с культовым комплексом; 2 — план и разрез одного из ритуальных погребений собак.

Бирюльское, Яр. Обломки черепов косули с основаниями рогов в углублениях на территории поселений.

Свирск. Ямы у поселений, в которых оказались ритуальные захоронения собак с длинными ножевидными пластинками.

На побережье оз. Байкал имеется ряд интересных ритуальных комплексов на неолитических поселениях.

Тудугу (у с. Онгурены на побережье Малого моря). По А. П. Окладникову и А. К. Конопацкому, считается наиболее ран-

ним памятником эпохи неолита вплоть до мезолита на Байкале. Здесь обнаружена яма-кладовка, в которой были захоронены кости крупного оленя, за исключением позвоночника и ребер. Возраст описанной находки определяется стратиграфией: кости находились под гумусированным слоем, в бурой супеси, под желтым суглинком, что относится к «раннему для этих мест голоцену, ориентировочно — около 10 тыс. лет тому назад»³³.

Посольская стоянка (устье Бол. Речки). В раскопе 1 обнаружена яма с большим скоплением крупных фрагментов круглодонной керамики. В раскопе 2 в специально вырытой яме найдено погребение собаки в анатомическом порядке, лежащей на правом боку, головой на юг. Сверху скелет ее засыпан густым слоем чешуи и рыбных костей. В раскопе 3 выявлены две ямы со скоплением значительного количества грузил сетей из галек. В одной из ям вместе с заготовками найдено 18 шт., другой — 21. Там же имелись каменные стерженьки рыболовных крючков и кости рыб, а также каменные наконечники стрел разной величины и формы, скребки и несколько пуклеусов³⁴.

Лысая Гора (устье р. Сырой Молокон на северном побережье Байкала). В. В. Свиным здесь отмечено два неолитических поселения, первое из которых занимает террасы устья реки, а второе располагается здесь же, но на вершине прибрежной горы, на площади всего 7×15 м. Имеются стоянки и в других близлежащих местах³⁵.

Раскопки, проведенные В. В. Свиным на Лысой Горе, вскрыли два слоя культурных остатков. Нижний из них, на глубине 0,30—0,45 м, содержал отдельные скопления находок, представленных большим количеством мелкодробленых неопределимых костей, сильно пережженных, кварцитовыми отщепами, фрагментами керамики с оттисками сетки-плетенки. Верхний слой оказался более многочисленным. В нем найдены фрагменты круглодонных сосудов с типично неолитическим орнаментом. Кроме осколков пережженных костей, которые преобладали и в этом слое, отщепов и керамики, найден интересный набор орудий труда, аналоги которым имеются в памятниках развитого неолита Прибайкалья, Байкала и сопредельных регионов: ножевидные пластинки, заготовки и обломки рыболовных крючков, кусочки из серого сланца, прекрасно отшлифованный ножичек из сланца, обломок нефритового топора.

Нам представляется спорным вопрос о наличии здесь неолитического поселения по причине очень неудобного места для жилья: прежде всего, очень мала площадь (7×15 м): крутые склоны (до 45—55°), обрывающиеся в ряде мест отвесными скалами; большая высота от уровня воды. Кроме того, явно несчастливый преобладание в слоях пережженных и сильно расщепленных костей, специфические скопления находок. Также следует указать, что «стоянка» находится на вершине скалы с петроглифами, а у подножия холма, в щели одного из самых крупных валунов склоновой россыпи, обнаружено скопление расщепленных, обожженных, но больше всего целых костей лося и косули — обломки черепов, челюстей, фаланги, копыта,

позвонки, ребра, трубчатые кости и др. — общим числом до 3 тыс. шт. Раскопки, проведенные в этом месте, вскрыли остатки кострища (0,70×0,70 м), у края которого найдены тонкая ножевидная пластинка и два крупных отщепа³⁶.

Отметим ряд характерных памятников из Забайкалья.

Нижнеберезовская стоянка. На песчаной дневной поверхности поселения вскрыто темное овальное пятно, ориентированное по оси восток — северо-восток — запад — юго-запад. Оно оказалось небольшой ямой, в верхней части которой находился череп человека, лежавший на левой височно-скуловой кости (правая височная область его сильно разрушена). Вокруг черепа и под ним имелись скопления расколотых костей животных и отдельные черепки посуды, черепная крышка и несколько лопаток косули. Под костями и черепом на дне ямы обнаружены угольки и следы золы от кострища. Еще ниже лежали рог оленя, головка человеческого бедра, каменный скребок, обломки глиняной посуды. Здесь же и еще ниже отмечались пятна золы³⁷. В других ямах поселения найдены ритуальные захоронения собак, «свидетельствующие о почитании их древними рыбаками и охотниками Забайкалья»³⁸.

Усть-Каренгская стоянка (долина р. Витим). Находится на 20—25-метровой террасе устья р. Каренги, притока Витима. При детальном обследовании памятника одним из шурфов были выявлены две ямы, объединенные в один ритуальный комплекс. Они прослежены из-под почвенного слоя и содержат материал позднего неолита — бронзы. Засыпка ям отличалась от окружающих отложений более темным цветом, вкраплениями и прослойками древесного угля.

Яма № 1. Глубина 0,96 м от дневной поверхности. Дно овальной формы размерами 1,25×0,75 м, равномерно покрыто на 2—3 см прослойками окрашенного охрой песка и порошком из мелкозернистого кварцита. В яме обнаружено 75 предметов (16 в засыпке и 59 на дне). В верхней части засыпки найдено две гальки, непосредственно под охристой прослойкой — 14 призматических пластинок и их сегментов, а также остатки вкладышевого одностороннего ножа. В ряде случаев зафиксированы остатки сильно разложившегося плотного костного материала.

Яма № 2. Глубина 0,98 м. Находится в 2 м западнее ямы № 1. Имеет овальную форму (0,70×0,47 м). На фоне аллювиальных песков четко выделяется охристой прослойкой. В засыпке на глубине 0,5 м найдены призматическая пластинка и халцедоновая галька. Остальной инвентарь связан с охристой прослойкой и составляет 1200 предметов (из которых 1000 приходится на чешуйчатые сколы). 204 предмета и все чешуйчатые сколы были сконцентрированы в западной части на дне ямы. Это 35 нуклеусов, 124 призматических пластинок и их сегменты, 40 отщепов, один скол со следами детализации, один кусок мелкозернистого кварцита, один обломок орудия, один ретушер-отбойник. Интересно отметить, что 87,3 % нуклеусов, пластинок и отщепов получены из яшмовидного кремня, который в культурных слоях усть-каренгских стоянок исключительно редок.

Кроме всего прочего, во всех ямах прослежены следы кострищ, присыпки охрой, а также разложившиеся кости животных³⁹.

Харга (на Еравнинских озерах). На поселении, располагавшемся на песчаном перешейке между озерами Бол. и Мал. Харга, в жилом комплексе обнаружены очаги и ямы, заполненные костями рыб и водоплавающих птиц⁴⁰.

Кибалино (на р. Селенге). На поселении отмечены очажные пятна и «хозяйственные» ямы со скоплениями костей рыб и животных⁴¹.

Черемушки (на р. Хилек). На стоянке у самого крупного и тщательно выложенного камнями очага найдена «хозяйственная» яма овальной формы, размерами 0,95×0,95 при глубине до 0,40 м. Яма заполнена дроблеными трубчатыми костями копытных животных и зубами⁴².

Будулан (долина р. Онон). На высоком берегу реки у подножия горы Бол. Батор раскопано неолитическое поселение. На нем выявлено особое скопление костей животных, два черепа джигетая, или дикой лошади, которые имели характер ритуального захоронения⁴³.

Чиндант (долина р. Онон). На поселении найдена одна «хозяйственная» яма овальной формы, 1,70 м в диаметре. Заполнение ее представляло собой черную жирноватую супесь мощностью 0,40—0,45 м, в ней находились кости животных, отщепы и ножевидные пластины, часть которых обработана ретушью по краям⁴⁴.

Арын-Жалга (Восточное Забайкалье). К бытовым комплексам поселения относятся три так называемые «хозяйственные» ямы округлой формы, от 0,80 до 2,50 м в диаметре. Края ям сильно оплыли, а подчас трудно проследить их границы. Мощность заполнения их невелика (0,25—0,50 м). Здесь в большом количестве встречаются кости животных и рыб, каменные изделия, но преимущественно сломанные, фрагменты керамики.

Вызывает интерес наличие на поселении ритуального захоронения животных, обнаруженного в пределах границ стоянки. Оно найдено рядом с каменными выкладками в слое опесчаненного суглинки. Это две трубчатые кости лошади, лежащие под углом одна к другой. Рядом найдена часть нижней челюсти травоядного животного (дзерена?) и верхняя часть черепа быка с зубами вниз. К западу от скопления — еще два фрагмента челюсти лошади. Здесь же встретились небольшие плитки сланца, отщепы и два каменных стерженька-цилиндрика. «Все это, — по мнению А. П. Окладникова и Н. П. Кириллова, — создает впечатление преднамеренности данного захоронения»⁴⁵. Мощность культурного слоя, наличие 22 очагов, круглые ямы говорят о том, что обитатели стоянки Арин-Жалга не покидали это место на протяжении длительного времени⁴⁶.

ТИПЫ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ НА НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Приведенный выше материал хотя и недостаточен, тем не менее позволяет сделать первые выводы о существовавших в эпоху неолита типах культовых мест на поселениях и в жилищах. Бесспорно,

что в ходе дальнейших планомерных раскопок поселений широкими площадями какие-то моменты будут уточняться, дополняться, но они вряд ли будут отличаться от выявленной закономерности.

Эти признаки древних святилищ столь заметны, что позволяют провести предварительную их классификацию. Не зря же первый анализ хозяйственных и ритуальных комплексов на неолитических поселениях Прибайкалья, сделанный в конце 50-х гг. В. Е. Ларичевым, не потерял своего значения и по сей день.

Тогда было установлено, в частности, что очаги нижнего неолитического комплекса на поселениях располагаются большими группами без особого порядка. Правда, в Семеновке и Заярске имелись очаги, которые разместились как бы по кругу. Однако в большинстве случаев, по-видимому, над каждым очагом и реже над двумя или тремя сооружался отдельный чум или легкий шалаш.

Обнаруженные на поселениях огромные и глубокие «хозяйственные» ямы были, несомненно, самого различного назначения. Располагались они обычно в центре или на окраине поселений группами, вытянутыми в цепочку или гнездом, но рядом друг с другом. Автор считает, что некоторые ямы служили погребам, другие предназначались для квашения рыбы, в третьих запекали большие части туши животных. в четвертых коптили мясо, в пятых высушивали крапиву и т. д.

Однако во многих случаях привлекают внимание сложные конструкции ям, явно не предназначенных для хранения запасов. На краю их или по склону одной стенки чаще всего находится очаг, тщательно сложенный из камней или плит известняка. На поселении около Калашниковой пади небольшие очаги из плит располагались прямо на дне ямы около южной стенки. В других ямах обнаружено большое количество заготовок нуклеусов и шиферные плиты для распиливания нефрита.

Автор признает, что соблазнительная возможность интерпретации ряда таких ям в качестве части жилого комплекса с обширными наземными сооружениями над ними нуждается в дополнительном исследовании и сборе бесспорных фактических данных.

Тем не менее В. Е. Ларичев нашел возможность выделить на ранних неолитических поселениях Предбайкалья бесспорные культовые комплексы. Среди них особенно интересны своеобразные очаги с выкладками костей животных поверх камней. Такие очаги были открыты у Семеновки. В большинстве случаев это специально отобранные и отсортированные кости козули. Все они расколоты и уложены в ряд плотно друг к другу и не имеют, как правило, следов обжига или обожжены незначительно. Большой неожиданностью явилось открытие в «хозяйственных» ямах захоронений собак, которых особенно много было найдено в той же Семеновке. Две собаки в одной из ям поселения оказались в плотной углистой массе. В Калашниковской пади около черепа одной из собак были положены большие пластины, сколотые с плитчатого нуклеуса.

В верхнем неолитическом комплексе поселений Предбайкалья также встречены ямы, но их суммарное число оказалось меньше. За-

то найдены скопления костей уже не на очажных камнях, а просто на земле. Особенно интересно такое скопление в Семеновке, где вместе с костями лежали и ножевидные пластинки.

Завершая свой обзор, В. Е. Ларичев писал: «Изобилие очагов, сложные по устройству и трудоемкие при сооружении хозяйственные ямы, изобилие культурных остатков свидетельствуют о том, что это не кратковременные стоянки небольшой группы охотников, а сравнительно долговременные поселения со значительным количеством населения. О том же свидетельствует определенный порядок в расположении очагов и хозяйственных ям. Отдельные хозяйственные комплексы располагались, по-видимому, по заранее продуманному плану. Хозяйственная жизнь на поселениях оказывается весьма сложной»⁴⁷.

Сейчас, когда проведены исследования ряда неолитических поселений побережий Байкала и Забайкалья, мы видим и здесь знакомую картину. Преимущественно это те же ритуальные захоронения собак в ямах (Посольск, Нижняя Березовка), кости животных (Тудугу, Лысая Гора, Усть-Каренга, Кибалино), рыб и птиц (Посольск, Харга, Кибалино, Арын-Жалга). Эти ямы, как и подобные в Предбайкалье, имели признаки, не позволяющие говорить о них как о «хозяйственных». Речь идет о наличии на дне ям кострищ, обожженных мелкодробленых костей животных, следов присыпки охрой и т. д.

Материалы заполнения «хозяйственных» ям показывают явно неслучайный характер приношения жертвенных животных. В районах с охотничьим ведением хозяйства видим ритуальные захоронения костей лося и оленя в анатомическом порядке (Тудугу, Лысая Гора, Усть-Каренга); там, где ведущую роль играло рыболовство, в жертву приносилась рыба (Посольск на Байкале, Харга, Кибалино, Арын-Жалга); в степных районах со складывавшимся домашним скотоводством рыб, птиц и диких зверей заменили лошадь и другие копытные одомашненные животные (Черемушки, Будулан, Чиндант, Арын-Жалга). Говоря о последнем примере, мы особо выделяем не только ямы, но и особые скопления костей животных на территории неолитических поселений. В Будулане это два черепа джигетая, или дикой лошади; в Арын-Жалге трубчатые кости, челюсти лошади, череп быка в окружении каменных орудий труда. Остатки жертвоприношений находились рядом с каменными выкладками, оконтуривавшими древнее святилище.

Учитывая незначительность раскопанных поселений в Восточной Сибири, приведем данные сопредельных регионов, где зафиксированы аналогичные результаты. Отметим некоторые поселения в МНР.

Дунгульджин. Ритуальное захоронение черепа быка на краю поселения, глазами к реке (к северу). Он находился в специально вырытой яме на краю речной террасы. Более темный цвет заполнения сильно отличался от светло-желтой супеси, в которую эта яма была впущена. Форма ямы в виде чаши или котла с крутыми стенками, диаметр 1,0, глубина 0,40 м.

Хутак (в 5 км ниже стоянки Дунгульджин). Здесь найден один костяной стержень бычьего рога и каменная плита в специально вырытой яме, похожей на могильную. Размеры: ширина 0,50—0,20, длина около 2,0, глубина 0,25 м. Ориентирована по оси восток — запад.

Тамцаг-Булак. Обширное и богатое находками поселение. Поблизости от жилища найдена круглая яма глубиной 0,30 м. Заполнена двумя костяными стержнями бычьих рогов с остатками черепа. Вторая яма в 10—15 м от первой. В ней найдены плотно уложенные кости быка и дикой лошади⁴⁸.

В Якутии также имеется несколько памятников культового значения.

Сергеляхская терраса (на р. Лене). В неолитическом слое поселения, помимо прочих ям с артефактами и очагами, в двух случаях встречены небольшие ямки диаметром не более 0,25 м, на дне которых в вертикальном положении лежали кости косули. В первой яме такая кость находилась, например, в естественном сочетании с костями пястья (в анатомическом порядке)⁴⁹.

Стоянка в устье рчк. Куллата-Юрэх (при впадении в Лену). Здесь рядом с очагом найдены три ямы.

Яма № 1 при глубине 0,65 и диаметре 1,55—1,80 м оказалась четырехслойной. В первом слое найдены лопатка, бедренная кость и обломки черепных костей лося; половина нижней челюсти медведя; рыбные кости. Во втором слое было зольное скопление очажного типа мощностью 0,15 м. В нем и под ним оказались отдельные кости животных; небольшие круглые галечки и кремневый микролитический скребочек на конце пожевидной пластинки. В третьем слое была рыхлая гумусно-углистая масса мощностью 0,40 м, в котором помимо отщепов найдены три изделия — конический нуклеус, костяное острие с обломанным концом и кремневый наконечник, тщательно обработанный лишь с одной стороны. В четвертом слое непосредственно на дне ямы встретились остатки бересты, выстилавшей дно сплошным слоем. Сверху нее лежали нетолстый, сплошной пласт рыбных костей, причем в анатомическом порядке; отщепы; несколько тонких пожевидных пластинок; два типично неолитических черепка, а также ископаемые экскременты собаки.

Яма № 2 имела диаметр 1,80 и глубину 0,80 м. Представляла собой форму широкой чашы с пологими стенками. Заполнение многослойное, но не столь отчетливое, как в первой яме. Сверху она оказалась заполненной многочисленными рыбными костями, осколками обожженных очажных камней, закопченных круглых галек, красных от обжига небольших плиток песчаника. Здесь же были миниатюрный скребок на конце пожевидной пластинки, а также отщепы и пожевидные пластинки. В центре углубления, на самом дне ямы, помещались фаланги и кости медвежьей лапы в анатомическом порядке, экскременты собаки, небольшие плитки песчаника, рог оленя и черепок сосуда. Над рогом и плитками песчаника прослежен мало-мощный слой золы до 0,05 м, в котором находилась кость птицы, по видимому лебедя. В том же скоплении, но чуть выше, обнаружена

трубка из кости с дырками — флейта. Любопытно, что найденный в этой яме известняк был принесен древним человеком откуда-то издалека, так как поблизости его нет, а дно реки покрыто песками.

Яма № 3 имела очертания неправильного овала и отличалась от всех остальных особенно крупными размерами: длина 4,50, ширина 2,50, глубина 1,65 м. Стенки крутые, дно выстлано тонким слоем бересты со следами шивки. Поверх бересты сгруппированы обожженные и законченные речные гальки, однако присутствие очага в яме не отмечено. Здесь же находились многочисленные кости рыб в анатомическом порядке; кости косули; множество мелких ракушек; каменный инвентарь — два кремневых наконечника стрелы, несколько отщепов и ножевидных пластинок, сгруппированных плотным скоплением, а также обработанная кость (небольшое долотце) и керамика. Заполнение ямы перемежалось очень тонкими угольно-золистыми прослойками с более мощными слоями желтоватой супеси. А. П. Окладников предполагал, что в данном случае можно видеть остатки неолитической землянки⁵⁰.

Вблизи ям встречены кости косули одним сплошным скоплением, уложенные плотно друг к другу: обломки больших трубчатых костей конечностей, челюстей, а также фрагменты рогов не только с розетками, но и с уцелевшими частями черепа. Совершенно такое же скопление специально уложенных костей косули в анатомическом порядке оказалось на расстоянии 0,40 м от первого. Диаметр первого скопления достигал 0,80, второго — 0,15 м. Оба они также были связаны с небольшими чашевидными углублениями и находились на западной окраине древнего поселения. Здесь же встречена яма глубиной 0,45 и диаметром 0,80 (0,60) м с крутыми стенками и плоским дном. Внутри оказались мелкие обломки распавшихся под действием огня кварцитов, песчаника и известняка, круглых галечек, слегка задымленных с одной стороны. Несмотря на присутствие жженных камней и закопченных галек, в яме не оказалось обычных для очагов и кострищ скоплений золы и угольков⁵¹.

«ДОМАШНИЕ» КУЛЬТЫ У НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Этнография народов Восточной Сибири свидетельствует о наличии целой сети мест культового характера в жилищах и на поселениях, например, бурят. Главным из домашних святищ считался *гал гуламта* — очаг. Почитание домашнего очага в прошлом возникло у бурят, как и у других народов региона, на ранней стадии развития, когда добыча и сохранение огня были связаны с большим трудом. Сохранение добытого огня являлось в общине делом исключительной заботы опытных стариков — руководителей и хранителей огня (*галша*), специально освобожденных от участия в промыслах. Место хранения «неугасимого» огня постепенно стало священным. Оно было закреплено в табу, согласно которому запрещалось давать горящий уголек постороннему лицу после захода солнца, бросать в него нечистоты, тушить огонь водой и т. д.⁵² Три камня в очаго

(*дулэ*) юрты, служившие подпорками для котла, лежат в основе священного числа «три». Наибольшим почитанием пользовался юго-западный камень, он окроплялся водкой, маслом или сметаной перед употреблением последних в пищу, а также при жертвоприношении духу — хозяину очага, жилища, семейного счастья и деторождения⁵³.

Существовало много обрядов, связанных с почитанием домашнего огня. Среди них был *гал гуламта тайха* — прощание в связи с переездом на новое место, в связи с болезнями и смертью детей; *галда тоһо атхаха* — знакомство невесты с очагом при переезде в дом мужа; *гэр сагаалха* — при новосельях и т. д.

Вторым типом домашних святилищ был алтарь (ящик), в котором хранились домашние огни, культовые предметы, талисманы и др. Все, что принадлежало к фетишам, считалось неприкосновенным, табуированным; нарушение этого запрета являлось тяжким грехом и подлежало возмездно духов, если им не преподнести специальные жертвы⁵⁴.

Третьим, временным типом домашних культовых (охранительных) мест считалось все, что касалось заботы о защите новорожденного от козней злых духов. Это копыта жертвенного животного вместе с ветвями шиповника для устрашения враждебных сил — обряд *оихон будля*; лодыжки и большая берцовая кость жертвенного животного — обряд *улыдэ оруулха*; даже живая сова — *бөө баатар* у изголовья кровати новорожденного, ночное бдение которой отпугивало якобы враждебных духов ребенка⁵⁵.

Конечно, все эти типы домашних жертвенных мест или ритуальные предметы можно назвать обычными фетишами, однако они имеют все те основные признаки, которые определяют лицо древних святилищ: определенное место хранения, традиционный комплекс жертвоприношений и религиозно-мифологических представлений, обрядов, атрибутов и даже жречества. Поэтому святилища в жилищах могут рассматриваться культовыми микроместами, глубокое изучение которых так же важно, как и более крупных объектов на могильниках, поселениях и у петроглифов.

Важно отметить, что в жилищах бурят имелись и такие культовые места, которым находят, можно сказать, прямые аналогии в палео-неолитических параллелях. Речь идет о специально вырываемых в полу юрты ям для хранения материнского последа.

Когда рождался ребенок, писал М. Н. Хангалов, то в жилище против двери за очагом (на священном месте *хоймор-тала*) выкапывали яму, по трем сторонам которой ставили три чашки с *саламатом* (национальное кушанье). На дне ямы разжигали небольшой костер, который перед укладкой на него последа (*томто*) умилостивляли жертвоприношением саламатом. Сюда же бросали кость от лытки животного (*барбагай*), кал новорожденного и все нечистоты, которые выделялись вместе с новорожденным ребенком.

При совершении этого обряда хозяйка приглашала несколько женщин, а мужчин удаляли из юрты, поскольку обряд считался нечистым. Женщины ходили вокруг ямы по солнцу и после этого съеда-

ли саламат, никому не давая его. По завершении ритуальной церемонии яма с последом плотно закрывалась доской. Считалось, что ребенок будет здоров и счастлив, пока содержимое ямы будет целым.

Любопытно, что многослойность жертвенных приношений такой ямы зависела от числа рождающихся детей и регулярности проводимых при этом обрядов. Таким образом, яма с последом существовала в жилище бурят до тех пор, пока здесь проживала семья ⁵⁶.

Существовало также понятие *эхэ эсэгэйи хуури*, что означало: 1) обжитое место, где проживали родители; 2) какая-нибудь реликвия, сохранившаяся на месте отчего дома, превращенная в фетиш и объект поклонения, особенно в тех случаях, когда молодая семья не имела детей. Совершая на этом священном месте специальное жертвоприношение *хуури тайха*, буряты верили, что дух отчего дома поможет продолжению рода. Специалисты считают, что почитание места отчего дома есть трансформация древнейшего культа родового очага ⁵⁷.

Во дворе усадьбы также существовали свои культовые места. Среди них место обитания хозяина — духа скотного двора. Ежегодно в начале зимы темной ночью при свете костра хозяин и самые почетные старики улуса совершали обряд *хурези тайлган*. Он состоял из жертвоприношения молочными продуктами на каждый столб изгороди. Произносимые при этом молитвы звучали шепотом, чтобы не потревожить пугливого покровителя скотного двора ⁵⁸.

Во дворе также совершали обряды в честь умерших родственников, духов — покровителей утуга, проводов семейного онгона умерших родителей. Небезынтересно указать, что в ряде случаев в пределах двора, но вблизи юрты хоронили и умершего ребенка, не достигшего «мужского возраста». Считалось, что, будучи совершенно безгрешной, душа умершего ребенка воплощается в другого новорожденного ребенка семьи ⁵⁹.

Не менее важную роль культовых мест близ жилища играли так называемые коновязи (по-бурятски — *сэргэ*, по-якутски — *сэргэ, сөргө*, по-монгольски — *черге*, по-тувински — *шөргэ*, по-хакасски — *сарган*). Они имели бытовое (для привязывания коней членов семьи и гостей) и ритуальные (праздничные, свадебные) значения. Последние, к примеру, ставились в честь создания новой семьи и нового дома в день свадьбы и сохранялись всю жизнь.

Сэргэ культового значения у бурят имели вид деревянного столба, богато украшенного резьбой, скульптурами животных, возле них вкапывались березки (а у якуток-рожениц, кроме этого, устанавливалась отдельная *ураса* — жилище и изгородь), преподносились жертвенные дары. Иногда под коновязью раскладывали огонь, у которого шаманами и опытными стариками проводились различные ритуальные действия. Ромбовидная остроконечная головка столба олицетворяла собою язычок пламени — символ вечной жизни ⁶⁰. М. Н. Хангалов писал, что, перед тем как вырыть яму под коновязь, буряты совершали на этом месте жертвоприношение молоком или курунгой, как бы испрашивая у Земли разрешения копать. В ямку клали также две-три монеты и две-три ложки сливочного масла, ли-

ли молоко с пенками, иногда сметану, а затем уже водружали священную коновязь⁶¹.

Практически аналогичную картину жертвенных мест в жилище наблюдаем у многих южно-сибирских народов. Алтайский *чадыр*, к примеру, очень похож на бурятские многостенные юрты и чумы. По установившейся традиции, жилая площадь чадыра и его внутренний объем условно делились на функциональные зоны, с которыми связаны различные ограничения и запреты.

Главным ориентиром в делении на такие зоны являлся, естественно, очаг — *оду*, служивший предметом особого почитания и поклонения.

Пространство между очагом и внутренним столбом жилища (за очагом напротив входа) называлось *төр дьер*. Здесь стоял специальный ящик (*антара*) — хранилище семейных идолов (*чалу*). Присутствие идолов делало место тор дьер не только почетным, но и священным. Иногда идолов подвешивали над кроватью хозяев, а также слева и справа от двери. Между *чакы* и спальным местом натягивали шнур с подвязанными к нему разноцветными лентами, имевшими ритуальное значение.

По сведениям Е. М. Тоцаковой, жилище алтайцев условно делилось второй осью на восточную и западную части. Половина за очагом напротив двери называлась *от бажы* (голова огня), восточная — *оттын буды* (букв.: нога духа огня), что, безусловно, связано с культом огня и размещением в этом месте чалу⁶².

Существовали у бурят также культовые места общинного значения, устраиваемые как в центре поселений, так и вблизи них. Среди них так называемые *бариса* — святилища для совершения различных шаманских жертвоприношений в честь *эжингов* (духов) местной горы, урочища, озера, речки, духов родовых шаманов, предков улусной общины, преждевременно умерших людей и обиженных кем-либо при жизни, злых духов низшей категории. Бариса представляли собою сложное сооружение из кучи камней, торчащих среди них стволов небольших деревьев, вывешенных на жердях шкур жертвенных животных и большой массы разнообразных жертвенных приношений, накапливающихся из года в год.

Характерной частью бариса являлось *шэрээ* (букв.: алтарь, престол, трон). Другое его значение — жертвенный холмик, образовавшийся за много лет из сожженных костей и несъедобных остатков жертвенных животных. По третьей формулировке — бариса — это огонь, разводимый шаманистами для сжигания костей или кусочков мяса жертвенных животных.

К улусным культовым местам относили и *буумал эжены*. Ими являлись метеориты, камни необычных форм, орудия труда древнего человека, пользовавшиеся почитанием потому, что они будто бы посланы небом. Их хранили в специальных домиках-ящиках как посреди улуса, так и вблизи него. В зависимости от места нахождения буумал эжены считались улусными или семейными святынями, в отношении которых также существовал традиционный комплекс жертвоприношений и религиозно-мифологических представлений.

Улусно-общинными были и некоторые онгоны, например *хадайн онгон* (горные онгоны), хранимые также в долбленых деревянных ящиках или в сумке на столбах вблизи зимнего улуса. Функции горных онгонов были двоякими; с одной стороны, в совокупности они являлись общими для всего улуса и покровительствовали всем жителям, с другой — поставленные (или заведенные) индивидуально каким-нибудь хозяином, они покровительствовали отдельно семье, хозяйству⁶³.

Жертвенные места на поселениях и в жилищах эвенкийского населения Восточной Сибири изучены недостаточно, если не считать такого уникального явления, как чум шамана. Этот чум, более крупных, чем у сородичей, размеров, имел совершенно специфический интерьер, в основном предназначенный для проведения внутри различных культовых церемоний. Основу этого интерьера, безусловно, составляло священное дерево *туру*, которое, согласно религиозно-мифологическим представлениям таежных охотников и рыбаков, проходит все три шаманских мира. По этому дереву душа шамана в зависимости от цели камлания и применения идолов совершала путешествия в мир богов (на небо) и предков (в подземный мир). По краям чума на низеньких столиках помещалась различная ритуальная посуда, предметы для камлания, одежда и фигурки духов.

Особое культовое место с комплексом ритуальных предметов и сооружений располагалось у входа в чум шамана: здесь и идолы из целых стволов дерева, и священные изгороди, и ритуальный «очистительный» очаг, и многое другое.

Что же касается непосредственно жилищ рядовых эвенков, то жертвенные места в них не изучены. Можно отметить лишь рога оленей и черепа других животных, навешивавшиеся у чумов в роли фетишей промыслового значения; некие культовые места в центре стойбищ, в состав которых входили онгоны, фетиши, кострище, жертвенные приношения⁶⁴.

Больше всего, конечно, культовые места (святилища) эвенков Восточной Сибири изучены в связи со скалами-петроглифами, которые мы разберем ниже.

Важно указать, что отмеченные выше этнографические аналогии возможного наличия в древних жилищах и на поселениях культовых мест находят прямые подтверждения еще на одном виде археологических памятников — в наскальных рисунках Восточной Сибири. Классический пример тому — «ирреальный, идеальный поселок в момент традиционного календарного праздника» на Большой Боярской писанице. Среди квадратных и многоугольных деревянных юрт изображены бочонки и котлы. Первые, по М. А. Дэвлет, «должны были символизировать и в какой-то мере обеспечить богатство и материальное благополучие их владельцев». На якутском *ысыахе*, устраивавшемся два раза в год на территории поселения, «в центре внимания участников ритуала находились одна или две кумысные бадьи, служившие символами богатства, изобилия, процветания. Кумыс почитался якутами как напиток божественного происхожде-

ний, ниспосланный светлыми небесными богами, принесшими на землю кумысную закваску. Во время торжества совершались возлияния кумыса богам, шаман давал испить кумыс стоящим перед ним на коленях участникам ритуала»⁶⁵.

Во втором случае изображены близ жилищ большие котлы на кострах, причем жители поселка явно что-то варят, подбрасывая топливо в огонь. В сочетании с культовыми бочонками эти котлы также должны были иметь ритуальное значение. Геродот, к примеру, писал, что во время общинных ритуалов на древних поселениях участники религиозного праздника варили в котлах мясо жертвенных животных, бросая кости в огонь ⁶⁶.

Существенной особенностью людей, изображенных на Большой Боярской писанице среди котлов и бочонков, является их ритуальная поза с воздетыми вверх руками. Принято считать, что этот жест означает молитву к Небу ⁶⁷. Видимо, не случайно в этой связи изображение одного из человечков с посохом и луком. Как считает М. А. Дэвлет, это сочетание можно расшифровать фигурой шамана, держащего в руках орудия его культовых действий ⁶⁸. У алтайских народов, например, лук и стрела выполняли роль магического культового орудия, камлания шамана с луком производились вплоть до недавнего времени ⁶⁹.

С магией плодородия, размножения и воспроизводства связаны, очевидно, и схематические фаллические изображения людей и фигуры животных с подчеркнутыми признаками мужского пола. Характерно, что стада животных на рисунках направляются именно к древнему поселку, а не от него. Здесь же, между домами, представлены и фигуры баранов в «детящей» позе, что, безусловно, символизирует родового предка-тотема ⁷⁰.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Хотя жилища и поселения эпохи неолита Восточной Сибири представляли собою прежде всего недолговременные сезонные поселения охотников и рыболовов тайги, тем не менее налицо длительная традиция выбора одного и того же места под жительство на протяжении многих веков и нередко тысячелетий. Неодиначны примеры и сооружения оседлых жилищ типа полужемлянок. Эти поселения всегда располагались в местах наилучших охотничьих и рыболовных угодий, что создавало заметную плотность населения.

2. Святилища на неолитических поселениях и в жилищах представляли собою ритуальные ямы со специфической конструкцией (четкие овальные формы, обкладка стенок камнями и берестой, наличие на их дне кострищ и очагов и т. д.) и характерным набором жертвенного материала (черепя или специально отсортированные кости косули, быка, скелеты собак в анатомическом порядке, каменные и костяные орудия труда, кварцитовые гальки, керамика; нередко многослойность и одновременность жертвоприношений, зачистка ритуальных ям для последующего функционирования). Эти ямы находятся как внутри или около отдельных жилищ, так и среди жилых поселений.

3. Подобные аналогии отмечены на неолитических поселениях всех сопредельных регионов Восточной Сибири, причем наряду со специфическим набором жертвенного материала в них встречены вещи культового значения (амулеты, фетиши и т. д.) и отмечено наличие специальных крышек.

4. Наряду с ритуальными ямами существовали наземные типы древних культовых мест, пока точно не установленные. Среди них деревянные сооружения над ямами, плотные скопления жертвенного материала и культовых предметов, кострища в центре или на краю поселений, деревянные идолы. Есть факты бытования специальных жертвенных мест на вершинах сопок, у подножий которых располагались древние поселения, а также на производственно-хозяйственных комплексах.

5. Материалы древних жертвенных мест неолитического времени находят прямые аналогии в этнографии сибирских народов, что свидетельствует о традиционности культовых комплексов, связанных с жилищами и поселениями.

2. КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА МОГИЛЬНИКАХ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Академик А. П. Окладников был одним из первых исследователей, кто обратил внимание на специфичность локализации могильников эпохи неолита и ранней бронзы на территории Восточной Сибири. Им было установлено, что наиболее крупные некрополи, как правило, занимают наиболее эффектные высоты побережий Ангары, а точнее, холмы в устьях рек левых притоков Иркута, Китоя, Белой, а также другие места в долинах сибирских рек: возвышенности в устьях рек (Усть-Ямный, «Локомотив» («Циклодром»), Ярки); острова в устьях рек (Китой, Балинская); возвышенности напротив устьев рек (Пономарево, Верхолениск); возвышенности на берегах рек (Мал. Разводная, Серово, Аносово, Игирма-2, Кежемка, Заярск, Монастырский Камень); склоны падей у скалистых обрывов (Ленковка, Сухая падь-1, Сухая падь-2).

Материалы, накопленные в последние годы по могильникам эпохи неолита и ранней бронзы в регионе Восточной Сибири, не противоречат выявленной закономерности локализации памятников данного типа на высотах в устьях рек или по берегам озер.

На оз. Байкал, к примеру, могильники Усть-Анга, Харанса, мыс Бурхан («Шаманка»), Шаманский Мыс также расположены на вершинах эффектных скал в устьях рек, впадающих в озеро. В Западном Забайкалье широко известный Фофановский могильник находится на скалистой прибрежной возвышенности, глубоко вдающейся мысом в пойму р. Селенги и в целом тяготеющей к ее устью. Таких крупнейших могильных комплексов, занимающих большую территорию за Байкалом, пока не было обнаружено. Могильник Бухусан на оз. Исинга локализуется на скалистом холме, господствующем как на всем побережье, так и по всей долине. На высоких террасах,

вдающихся скалистыми мысами в поймы рек или озер, но обязательно на солнечных склонах, защищенных от ветра, располагаются и некрополи эпохи неолита — ранней бронзы Восточного Забайкалья (например, у оз. Пожий).

Немногочисленность могильников данной эпохи на Байкале и в Забайкалье, как в Хакасии и Туве, объясняется их слабой изученностью. Однако уже имеющийся материал дает право предполагать, что все вновь открываемые памятники данного типа будут подчинены выявленной закономерности.

ОПОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОГО ХАРАКТЕРА

Из большого многообразия неолитических могильников Восточной Сибири в качестве исходного источника выберем несколько памятников с зафиксированными на них комплексами культового характера.

«Локомотив» («Циклодром») (на Кайской горе в устье Пркута). Основу культового места на могильнике составляют два кострища размерами $2,02 \times 1,40$ и $1,58 \times 1,44$ м. Они размещены в центре ритуальной площадки с артефактами и представляют собой очажные пятна в виде прокаленной глины и скоплений битых и обожженных костей жертвенных животных. Такими же отдельными группами располагаются 147 фрагментов керамики, собранной в один сосуд; четыре отщепы грубого скола и кучи битой кости. Датируется поздним неолитом — ранней бронзой⁷¹.

Китойский могильник (устье р. Китой при впадении в Ангару). Еще в 1880 г. Н. И. Визковский при ряде захоронений обнаружил следы вбитых кольев: погребения № 1, 3, 5 — по три кола. Здесь же к северу от могилы № 23 помещались три особые кучи вещей, а на территории могильника и очаги диаметром до 2,0 м. «Судя по этому (т. е. остаткам кольев. — А. 7.), — писал А. П. Окладников, — на Китойском кладбище, вероятно, стояли деревянные надгробные сооружения, придававшие ему такой же живописный вид, как и кладбищам многих отсталых племен в недавнем прошлом, обозначаемым резными «тотемными» столбами, изображениями птиц на высоких шестах и другими внешними признаками могил»⁷².

Интересен набор жертвенного материала в отдельных кучах к северу от погребения № 23. В первой куче оказались: брусочек из песчаника, обработанный рог косули, два костяных шила, тщательно отделанный красивый гарпун с крупными массивными зубами на одной стороне и двумя баковыми выступами с выемками на насаде, кусок распиленной кости, маленький нефритовый скребок (пож), каменный стерженек рыболовного крючка и несколько обломков яшмы, которые все были присыпаны темно-красным песком. На расстоянии $3/4$ арш. от правой кучки найдена вторая в виде маленькой темно-красной кочки, состоявшая из 23 маленьких необработанных галечек. Третья кучка не была обсыпана красным песком и состояла из 18 каменных стерженьков для рыболовных крючков и 10 мелких обломков яшмы. На могильном бугре Н. И. Витковским были обна-

ружены также ритуальные очаги в виде круглых площадок из жженой кирпично-красной земли до 1 саж. в диаметре. У одного из них, сложенного из камня, были найдены фрагменты костей человека, в том числе жженные⁷³.

Пономаревский могильник (против устья р. Белой, впадающей в Ангару). Один из крупнейших в Прибайкалье. В погребении № 3 между камнями, например в западине (очага?), обнаружена масса жженой докрасна глины и черной земли с вкраплениями древесного угля. В погребении № 7 прослежены немногочисленные остатки сильно истлевшего дерева — колья. Над кладкой — валуи кварцита со следами обжига, а также кострище. В погребении № 17 на юго-западной стороне надмогильной кладки отмечены следы круглой ямы для столба «какой-то постройки». В самой яме имелись остатки гнилой древесины и коры лиственницы. Глубина ямы 0,60, диаметр 0,50 м⁷⁴.

Серовский могильник (устье р. Задьрмы, притока Ангары). К древним жертвенным комплексам относятся следующие памятники: погребение № 10 — очаг с южной стороны надмогильной кладки; погребение № 15 — могильной ямы как таковой не оказалось, как и самого погребения (сооружение из камня представляло чашевидное углубление, заполненное внутри прокаленной землей и угольками; кости погребенного оказались на расстоянии 1,2 м от очага; последний, как считает А. П. Окладников, очевидно, являлся местом погребального костра); кладка № 1 — камни кладки раскиданы на расстоянии 2,70×1,50 м. При зачистке в дерновом слое в различных местах без определенной системы обнаружены обломки костей крупных животных и фрагменты керамики, а также значительное количество углей и горелых костей; кладка № 2 напоминала большую очажную чашу с отогнутыми наружу краями (под верхним слоем плиток залегал второй, образованный из продолговатых песчаниковых галек (рис. 7). «Несомненно, это был очаг, поскольку под камнями изредка встречались угли», — писал о нем А. П. Окладников); кладка № 3 напоминала неправильный квадрат со сглаженными углами, ориентированный по странам света (1,35×0,95 м) (она была заложена плоскими, лежавшими плашмя плитами; у южного края кладки при расчистке обнаружено несколько обломков костей козули, в том числе два обломка челюсти; под верхним рядом камней с южной стороны кладки шел второй ряд камней, поставленный с наклоном наружу. «Вероятно, это был очаг», — считал А. П. Окладников); кладка № 4 раскидана на 2,0×1,60 м по окружности (в северо-восточном углу очага прослеживалась круглая яма диаметром 0,35 и глубиной 0,15 м, заполненная обожженными камнями и золой)⁷⁵.

Могильник в устье р. Усть-Ямный (при впадении в Лену). Методом широкого раскопа вскрыто 220 м² территории некрополя и 10 погребений. К северо-западу и северу на расстоянии 0,30—0,90 м от головы покойных (могилы № 1, 2, 5, 7) располагались овальные кладки из плит песчаника, под которыми выявлены зольники диаметром от 0,60 до 0,80 м без артефактов. Кроме того, в 1,30 м к северу от погребения № 7 находился еще один жертвенник, но уже

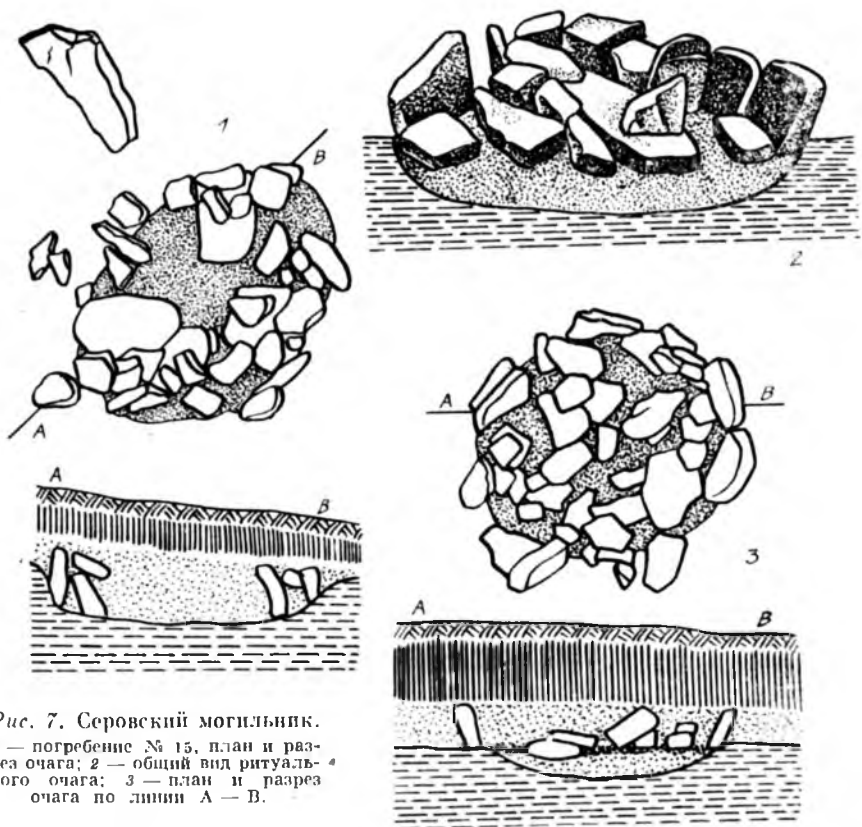

Рис. 7. Серовский могильник.
1 — погребение № 15, план и раз-
рез очага; 2 — общий вид ритуаль-
ного очага; 3 — план и разрез
очага по линии А — В.

с раздробленными костями косули, причем ее челюсти, фрагменты черепа и лопатки были целыми. В 0,40 м к северо-востоку от погребения № 6 также найдено скопление колотых костей косули, перекрытых зольником. В обоих случаях кости жертвенного животного следов воздействия огня не несут. Автор раскопок В. С. Зубков пишет, что «все эти археологические объекты, условно именуемые „жертвенниками“, на наш взгляд, имеют определенное отношение к указанным погребениям и являлись составной частью погребального обряда». И далее: «Видимо, при захоронении к северо-западу или северу от головы покойника сооружался „жертвенник“ (или „жертвенники“), где производились действия, связанные с погребением. Это могло быть сооружение ритуального костра, ритуальное поедание косули, дробление ее костей и последующее возложение на „жертвенник“ и т. д.»⁷⁶.

Жертвенникам других неолитическо-глазковских могильников Прибайкалья дадим лишь краткое описание.

Ярки — кострище, в котором располагались раздробленные кости жертвенных животных, угольки, керамика, скелет какого-то животного.

Рис. 8. Погребение Ленковка. Схема захоронения жертвенной собаки у могилы № 2 (по А. П. Окладникову).

Малая Разводная — ритуальный очаг с остатками жертвоприношений в виде керамики и отщепов.

Ленковка — ритуальные очаги с остатками жертвоприношений: галька, заготовка нефритового топора, керамика, отщепы, трубчатые кости животных; ритуальное захоронение собаки вместе с лопаткой сохатого, керамикой и ножевидной пластинкой (рис. 8).

Сухая падь-1 — ритуальный очаг с остатками жертвоприношений; отщепы, каменные орудия труда, керамика и жженные кости животных.

Сухая падь-2 — ритуальные очаги с жертвоприношениями в виде отщепов и каменных орудий труда.

Аносowo — яма; кострище; жертвоприношения — отщепы, керамика, фрагменты оленьих рогов в яме, кости животных.

Игирма-2 — куча булыжников, гальки и углей, кострище с артефактами: отщепы, угли, керамика со следами ткани, обожженные кости.

Балинская — скопление жертвенного материала в виде отщепов, керамики и кусков рога.

Кежемка — вертикально стоящая массивная плита из красного песчаника и кострище с остатками жертвоприношений: отщепы, ножевидные пластинки, скребки, острия, прокаленные булыжники.

Заярск — кострище с остатками жертвоприношений, кучи разбитых и обожженных костей косули, отщепы, каменные орудия труда.

Верхоленск — кострища, обособленная группа находок: каменные орудия труда, керамика, кости, угли⁷⁷.

Из памятников побережья оз. Байкал жертвенные комплексы можно отметить на следующих неолитическо-глазковских могильниках.

Мыс Бурхан («Шаманка»). Еще Л. Н. Хлобыстин отметил, что древние жертвенные приношения от эпохи раннего неолита до раннего железа встречаются компактными скоплениями на весьма ограниченной территории. Это прежде всего кострища больших размеров со множеством костей животных, керамика, отщепы и ножевидные пластинки, золотая серьга⁷⁸.

В 1972 г. археологическая экспедиция НИФиФ СО АН СССР к западу от неолитического погребения раскопала каменную кладку размерами 7,0×1,60 м, закрывшую кости нерпы в анатомическом

порядке в ямке глубиной 0,20 и диаметром 0,20 м. Были вскрыты также очажные пятна, содержавшие мелкие угольки, фрагменты костей животных, отщепы, керамику, каменные и костяные орудия труда, грузило.

В 1973 г. по краю обрыва восточной стороны заложено шесть раскопов, вскрывших сразу четыре неолитических погребения. Зафиксировано резкое уменьшение мощности культурного слоя от центра мыса, встречены артефакты одного времени и аналогичного характера. В 1 м к югу от погребения № 1 выявлена овальная каменная кладка размерами $0,50 \times 0,95$ м, под которой на глубине 0,20 м лежал скелет собаки на правом боку в анатомическом порядке, головой на восток. Вокруг головы находились: расщепленные трубчатые кости козы или оленя; фрагмент острия из рога; два кварцитовых отщепа и фрагмент бересты; обломок трубчатой кости животного и копытце. К северу от этого погребения найдена «хозяйственная» яма, заполненная костями жертвенных животных, а вокруг — многочисленные очажные пятна, содержавшие обожженные камни, древесные угольки, обожженные кости животных и фрагменты керамики. В раскопе № 3 обнаружены двойное погребение и следы кострища размерами $2,09 \times 0,48$ и мощностью 0,20 м.

В 1975 г. при расширении раскопа близ погребения № 1 выявлены две «хозяйственные» ямы к югу и северу от могилы, заполненные костями нерпы и других животных, отщепами, грузилами и кремневыми вкладышами.

Следует особо отметить конструкцию могилы № 3 (раскопки 1972 г.). Уже на наземной каменной кладке были найдены следы древнего жертвоприношения: два глиняных сосуда и расколотые кости животных. В 20 см ниже перекрывающих плит обнаружено деревянное сооружение в виде шатра. Лежавший вдоль могильной ямы ствол березы, на который налегали листы бересты со следами прошивки, представлял собой «крышу». Ниже ее находилось второе берестяное перекрытие — «потолок», который, в свою очередь, опирался на плотные ряды вертикальных колышков по стенкам могильной ямы, стоявших на подстиляющем костяк человека берестяном «полу». На «чердаке» этого любопытного могильного жилища лежали целые костяки двух собак, ориентированных, как и погребение, головами на восток. Здесь же имелся берестяной короб с заполнением в виде перегнившей органической массы, а также череп собаки и скопление каменных и костяных орудий труда: вкладышевый клинок и нож, плоская галечка овальной формы, клык кабана, отщеп из кварцита, два костяных отжимника, два каменных скребка, костяная ложка, ребро животного, два лопища, точильце из песчаника, два кремневых наконечника стрел и две плоские галечки мягкого сланца с надписями — заготовки для составных рыболовных крючков, моталка для рыболовной снасти и другие предметы. Непосредственно у скелета лежали три костяных наконечника гарпунов, грузило, шило, украшения одежды и т. д.⁷⁹ Все это сложное могильное сооружение напоминает по конструкции эвенкийские лабазы, с тем только отличием, что это наполовину находилось в земле.

«Чердак» его служил хранилищем вещей покойного и трупов собак, призванных охранять добро хозяина.

Погребение Кулгана. Находится на поляне побережья оз. Байкал близ с. Онгурены. Здесь обнаружено неолитическое погребение со следами очистительного огня. К северу и востоку, у скалистого холма, выявлены еще две каменные кладки без артефактов. А. К. Конопацкий считает, что они представляли собой «поминальные сооружения типа кенотафов»⁸⁰.

Погребение Эльген. Обнаружено на вершине берегового бугра над скальным навесом. Кладка овальных очертаний в два ряда вплотную примыкала к выходу коренных пород. Могильная яма перекрыта кусками обгорелого дерева. Между кладкой и перекрытием встречено много керамики от разных сосудов. С погребением лежали ножевидная пластинка и отщеп⁸¹.

Шаманский Мыс (на южной оконечности Байкала). Энеолитические погребения обнаружены у подножия и на вершине мыса. Это были характерные захоронения в лодке-оморочке со следами присыпки костяков охрой. Помимо каменного и костяного инвентаря имелись бронзовые иглы и кусок бронзовой крыцы⁸².

Культовое место выявлено на узком перешейке у северного подножия вершины. Представляет собой компактное расположение каменных выкладок типа погребальных надмогильных сооружений. В раскоп 1986 г. попали три подобные кладки и один очаг (рис. 9).

Кладка № 1. Длина 2,10, ширина 1,20 м. Среди камней, преимущественно в южной части кладки, встречены древесные угольки, каменные ножевидные пластинки, отщепы, наконечник стрелы и скребок. Южная часть кладки оказалась завалом над очагом из плоского камня, причем на горизонтальной плите лежали сторевшие ветви деревьев и ножевидная пластинка. Ниже очага наблюдалась сильно прокаленная земля, засыпанная в яму (очаг устроен позднее). В средней части кладки вскрыта яма глубиной 1,0 м, на дне которой в овальном окружении мелкого камня лежал человеческий (детский) череп, вблизи — нефритовый топорик, отщеп, нефритовые кольца, пастовая бусина. Здесь же находились часть голенной кости и бронзовый нож грубой обработки с ручкой из древесной коры. Характер находок свидетельствует о вторичном захоронении погребенного, причем почти весь скелет был сожжен где-то на стороне, а пепел вместе с прокаленной землей брошен в яму с сохранившимися вещами. Очаг и вещи в составе надмогильной кладки следует считать свидетельством погребальной трисны.

Кладка № 2. Длина 2,50, ширина 1,50 м. Под навалом камней как бы в берестяном мешке оказалась масса мелких пережженных на древнем кострище косточек.

Кладка № 3. Очаг диаметром 1,0 м ооконтурен плитками камня. Внутри содержал древесные угольки и керамику одного сосуда глазковского типа, которая в основном находилась за пределами восточной стороны очага. С южной стороны возвышался ряд плоских камней, который можно принять за алтарь.

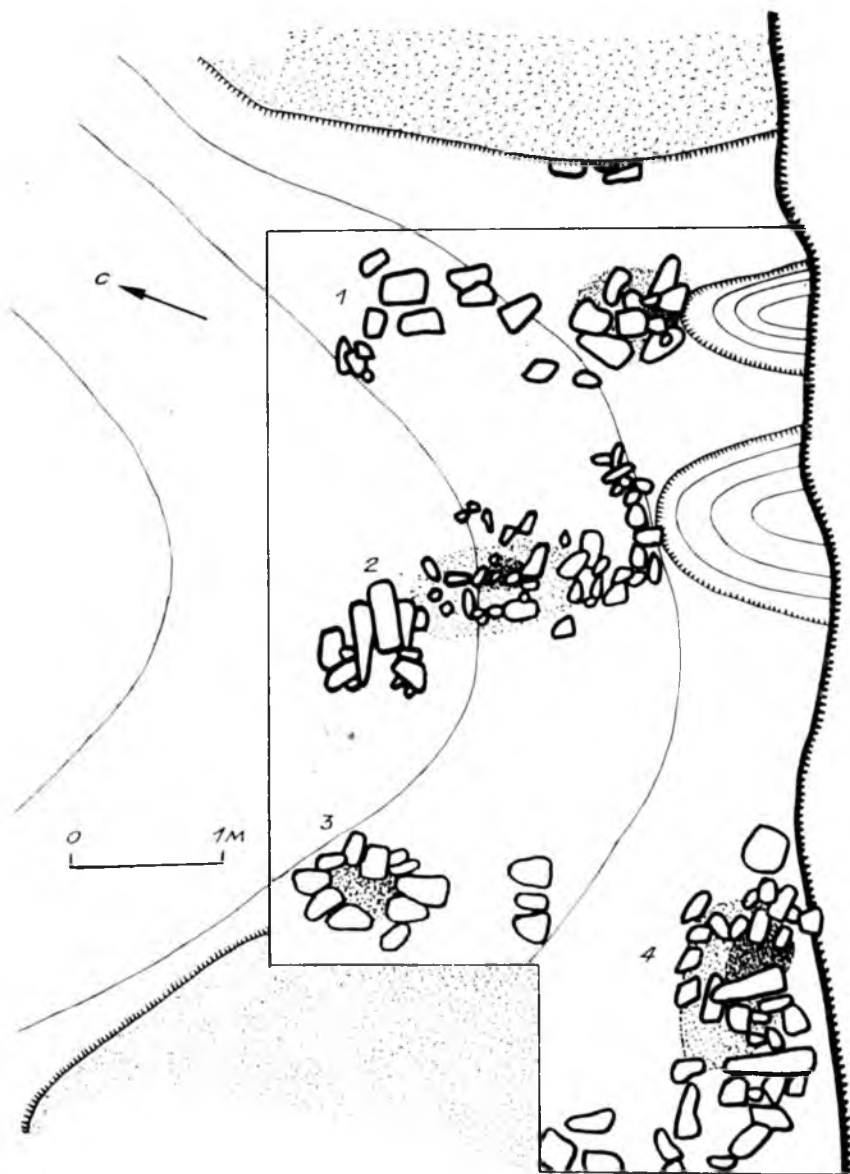

Рис. 9. Общий план энеолитического культового места на Шаманском Мысу (Южный Байкал).

1—4 — ритуальные кладки.

Кладка № 4. Длина 2,20, ширина 1,10 м, вытянута вдоль берегового обрыва Байкала. При расчистке кладки попадались деревянные угольки и множество речной окатанной галечки из кварца, от-

сутствующие в окрестностях Шаманского Мыса. После разборки кладки непосредственно под камнями выявился слой красной жженой земли общей мощностью 0,05 м. Однако в ряде мест отмечались западины, содержавшие крупные древесные угольки. Этот слой находился на нижней границе глинистого гумуса, лежавшего на подстилающем его скальном щебне. Отмеченные в слое углистые прослойки имели разные углы падения, что связано с перекопкой земли в древности. В одной из таких западин встречено компактное скопление артефактов: наконечник копья лавролистной формы, три отщепы, пожевидная пластина, скребок, связка пастовых бусин, медная игла. Под наземной кладкой ближе к восточной стороне встречено скопление менее крупных валунов, уложенных по типу шатровых кладок. Они лежали на мощной очаговой линзе и имели на внутренних сторонах сильные следы копти. Здесь же найдены особо крупные древесные угольки, в том числе прогоревшая кора осины.

До раскопок в котловине выдувания в районе каменных выкладок постоянно встречались отщепы, керамика и каменные орудия труда. Любопытно, что именно вблизи ритуальных кладок шурф № 7 дал самое большое количество находок из остальных 12. Заложенный в этом месте раскоп 5,0×4,0 м вскрыл аналогичное скопление камней и булыжников, вокруг которого располагались каменные орудия труда, обломки глиняной посуды, но преимущественно отщепы и мелкие расщепленные кости жертвенных животных. Нам представляется ошибочным мнение В. В. Свицина о том, что на Шаманском Мысу «в непосредственной близости располагалось поселение жителей энеолитической эпохи и могильник, видимо, того же времени»⁸³. Отношение древних жителей к Шаманскому Мысу как к священному месту упокоения душ предков позволяло им использовать скалистые площадки памятника не иначе, как в качестве родового некрополя. Почитание мыса как святилища сохранялось у бурят и эвенков южной половины Байкала вплоть до этнографической современности.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНИХ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

Как мы показали выше, могильники эпохи неолита — ранней бронзы Восточной Сибири изучаются с конца прошлого века и первым обратил внимание на проблему древних культовых мест в 1880 г. Н. Н. Витковский, использовавший прогрессивный для своего времени метод траншейного раскопа памятников.

Метод этот до недавнего времени использовался довольно широко наряду с менее трудоемким «гнездовым» способом. Есть также примеры изучения могильников «шашечным» раскопом (В. В. Свицин — могильник Харанса-1 на Ольхоне). Теперь нередко появляется практика раскопа памятников широкими площадями по всей территории объекта (А. П. Окладников — Пономарево, Верхоленик; А. К. Конопацкий — мыс Бурхан («Шаманка»); иркутские археологи — могильник на Кайской горе и др.).

Понятно, что применение устаревших методик давало далеко не полную информацию о сопутствующих погребениям археологических находках, в связи с чем захоронения все еще рассматриваются не далее контуров непосредственно самой могильной ямы и наземной каменной кладки.

Медленно и очень трудно происходило изменение привычного взгляда на эту проблему. Даже А. П. Окладников, внесший выдающийся вклад в изучение древних некрополей Восточной Сибири, не сразу признал наличие специальных жертвенных мест на могильниках в целом и у некоторых отдельных погребений в частности. Осторожность, с которой подходил исследователь к решению данного вопроса, объясняется, естественно, отсутствием четко обоснованных критериев, по которым можно было бы вычленить материал культового «поминального» характера. В комментариях к находкам Н. И. Витковского, например, А. П. Окладников писал: «Связь таких изолированных кучек вещей с погребальным культом бесспорна, чего нельзя уверенно сказать об имевшихся поблизости кострищах, но и те, конечно, могли служить для разведения огня во время похорон»⁸⁴.

Сомнения А. П. Окладникова о связи «могильных» кострищ и очагов с жертвенными комплексами рассеялись в процессе дальнейших работ. Помимо устья р. Белой ученый находил такие комплексы на целом ряде могильников (Сухая пади-1 и 2; Ленковка, Мал. Разводная, «Циклодром»), а на Пономаревском могильнике он встретил остатки кольев (погребения 7, 17) и массу жженных костей, отщепов, керамики, орудий труда, рассеянных по всей площади памятников.

Характерные признаки жертвенных очагов на могильниках подметил А. П. Окладников при раскопках в Сухой пади-1 (нижняя Буреть): «Рядом с большой могильной кладкой на расстоянии 1 м к югу от нее, прямо напротив середины помещалась маленькая кладка — очажок. Сверху она имела очертания почти правильной окружности и была сложена из массивных известняковых плиток, лежавших на одной горизонтальной плоскости сплошной грудой (на одном уровне с нижней частью большой кладки). Диаметр кладки достигал 30 см. На ее камнях сверху была обнаружена жженная земля и угли, гуще всего рассеянные на стороне кладки, обращенной к могиле. Это, несомненно, был очажок, сопровождавший могилу и устроенный одновременно с ней в ритуальных целях как жертвенник»⁸⁵.

Что же касается остатков кольев, то они напомнили А. П. Окладникову деревянные сооружения, возвышавшиеся над могилами предков в недавнем прошлом у многих «бесписьменных» народов ⁸⁶.

ЖИЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ИЛИ КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА НА МОГИЛЬНИКАХ ?

Отсутствие четких представлений о жертвенных местах на могильниках до сих пор приводит исследователей к необоснованному признанию их следами стоянок, хотя при этом непонятно, как священ-

ные некрополи предков и поселения живых людей могут сосуществовать на одной, тем более очень ограниченной территории.

Примером тому может служить удивление Е. В. Коломяковой, что вновь обнаруженный памятник на Кайской горе в Иркутске «не вписывается» в привычные стандарты.

1. Стоянка находится на правом берегу р. Ангары на северо-восточном склоне Кайской горы, на высоте 40 м от уровня воды, в то время как «стоянок бронзы (ориентировочная датировка автора.— А. Т.) на таких высоких отметках на территории Прибайкалья до настоящего времени не встречалось».

2. Стоянка расположена на территории неолитическо-глазковского могильника «Локомотив» (бывший «Циклодром»).

3. Поселение однослойное, представляет так называемый чистый комплекс без инородных включений.

4. Размеры стоянки исключительно малые — 30 м² ⁸⁷.

Эти же вопросы возникают при знакомстве с ситуацией расположения «стоянки Шаманка» на о. Ольхон. В публикациях ряда авторов (например, А. К. Конопацкого ⁸⁸) чувствуется неопределенность отнесения памятника к могильнику или стоянке, ибо для последнего типа не характерны: малая территория на скальной возвышенности с отвесными склонами в оз. Байкал; быстрое истощение культурного слоя к краям площадки; густое скопление на территории «стоянки» разновременных (неолит — ранняя бронза) могил; наличие целой серии ритуальных сопутствующих памятников (костей нерпы и собак в анатомическом порядке под каменными кладками); присутствие многочисленных очажных пятен с угольками, фрагментами костей животных, отщепов, обломков глиняных сосудов, каменных и костяных орудий труда; так называемые «хозяйственные» ямы, заполненные костями нерпы и других животных, отщепами и орудиями труда. Артефакты встречались также и вне связи их с погребениями, ритуальными кладками и ямами на весьма ограниченной площади «стоянки».

Есть, впрочем, и такие авторы, которые считают «стоянку Шаманка» древним святилищем. «Стоянка-святилище „Шаманка“, — писал Л. П. Хлобыстин, — расположена на ровной вершине мыса Бурхан, около пос. Хужир (о. Ольхон). Мыс имеет крутые, местами отвесные высокие склоны. На плоской вершине мыса Н. Б. Брагинским и автором были обнаружены углистые скопления, жженные кости, и среди них обломки керамики, отщепы и нежевидные пластинки. Мощность культурного слоя достигает почти 0,5 м. Некоторые кострища имеют большие размеры и включают множество костей. Керамика разнообразная и разновременная, от позднесеровской до сосудов эпохи раннего железа. Интересно отметить, что в раскопах 1959 г., проведенных Н. К. Качаловой, имеется золотая серьга с раструбом на конце, эллипсовидно-изогнутой формы. Она несколько напоминает андроновские серьги. Находки показывают, что по крайней мере с конца серовского этапа посещали мыс Бурхан и разводили костры на его вершине люди различных племен и культур. Почитание этого места как обители божества, сохранявшееся до не-

давнего времени, позволяет сделать предположение, что и ранее оно считалось священным. Многочисленные углистые пятна и скопления пережженных костей, по всей вероятности, являются остатками жертвенных костров»⁸⁹. Далее Л. П. Хлобыстин пишет: «Такие пункты, как Бурхан („Шаманка“), указывают на существование у байкальских племен особо почитаемых мест, связанных с религиозными культами, являвшимися традиционными»⁹⁰. Эти высказывания относятся к тому времени, когда выделение древних жертвенных мест в особую категорию археологических памятников еще только начиналось, нащупывались первые шаги и в решении данной проблемы. Любопытно, что Л. П. Хлобыстин, еще не зная о существовании здесь же крупнейшего могильника эпохи неолита — ранней бронзы и большой серии сопутствующих ритуальных сооружений, уверенно высказался о принадлежности «стоянки Шаманка» к святилищу. Материалы исследования Л. П. Хлобыстина противостоят точке зрения А. К. Конопацкого относительно однородности артефактов и датировки их только неолитическим временем. По нашему мнению, «стоянка Шаманка» действительно существовала одновременно с погребениями и даже пережила их, и поэтому должна считаться не поселением, а древним святилищем, традиционно дошедшим от эпохи неолита до этнографической современности.

Эти два характерных примера показывают со всей очевидностью, что археологии следует пересмотреть привычную методику изучения могильников, перейти к практике раскопа всей территории памятника, какой бы она ни была. Это позволит рассматривать каждое отдельное погребение в совокупности со всем некрополем и сопутствующими археологическими находками. В итоге появится ясная картина соотношения каждого отдельного кострища, жертвенного приношения к общемогильному святилищу, если таковые имелись в эпоху неолита — ранней бронзы на территории Восточной Сибири.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ С ПЕТРОГЛИФАМИ

Изучение ситуационных условий расположения могильников эпохи неолита — ранней бронзы в Восточной Сибири дает возможность установить такой немаловажный факт, что почти повсеместно они сосуществуют с одновременными им или чуть более поздними петроглифами. Это еще раз подтверждает священность территории некрополей, которая сливается со священной территорией вокруг петроглифа — культового места. Истоки этой важной закономерности уходят в более глубокую древность, чем это до сих пор представлялось.

В качестве примера можно указать на рассмотренный выше могильник и священное место при нем на мысе Бурхан («Шаманка»). Продолжение этого мыса представляет собой эффектный скальный утес, далеко вдающийся в воды оз. Байкал. Особым почитанием у бурят пользовалась сквозная пещера, считавшаяся местожительст-

вом хозяина Байкала и Ольхона, а также, по другим вариантам шаманских легенд, верховного божества грома. В 1922 г. П. П. Хороших в одной из многочисленных щелей пещеры обнаружил пластинку из шиферного сланца с вырезанным на ней изображением женщины-шаманки⁹¹, аналогии которой известны на петроглифах Саган-Завы, Ая и по всему западному побережью Байкала⁹². В 1979 г. на одном из валунов при входе в пещеру нами найдено практически аналогичное изображение шамана, сделанное ярко-красной краской, причем в левой руке жрец держал колотушку, а в правой — бубен, и сам как бы находился в состоянии ритуального танца⁹³. В 150 м восточнее входа в пещеру, т. е. ближе к неолитическо-глазковскому могильнику, по данным П. П. Хороших, «сохранилось изображение шаманских бубнов, высеченных людьми ранней поры железного века»⁹⁴.

Заслуживает внимания факт сосуществования разновременного могильника и петроглифа эпохи бронзы — раннего железа на оз. Песинга в Бурятии. Оба этих памятника занимают самый эффектный скалистый холм не только на берегу озера, но и во всей Еравнинской долине. Если некрополь находится на вершине этого холма и почти вплотную подступает к его скалистому обрыву, обращенному в воды Песинги⁹⁵, то древние изображения, выполненные красной охрой и характерные для так называемого селенгинского стиля петроглифов Забайкалья, располагаются на тех же скалах в тесном единстве с могильником⁹⁶.

Крупнейший за Байкалом в устье р. Селенги Фофановский могильник также соседствовал с «Шаханским (вероятно, Шаманским. — А. Т.) камнем», ныне утраченным и, к сожалению, незафиксированным. Известно только, что рисунки на нем были сделаны красной охрой⁹⁷. Другой близлежащий памятник древнего наскального искусства, у д. Югово, был выполнен бледно-розовой охрой и, вероятно, датирован эпохой позднего неолита. По схематической зарисовке А. П. Окладникова, композиция состояла из рисунков оленя или лося, фигур шамана, птицы, стрело- и крестообразного знаков⁹⁸.

Такой же рисунок оленя или лося, глубоко вырезанный на скальной плоскости правее входа в пещеру, найден нами и на Шаманском Мысу в южной оконечности Байкала⁹⁹, где нами же изучался энеолитический могильник с характерной «речной» ориентировкой и конструкцией могильных ям в виде лодок¹⁰⁰.

В Прибайкалье связи неолитических могильников с петроглифами изучены недостаточно, хотя установлено, что они также в основном занимают районы устьев рек или эффектные скалистые утесы по их берегам¹⁰¹. Из бесспорных памятников мы пока можем отметить Шишкино, где в районе известного петроглифа среди всевозможных памятников археологии отмечены и погребения от эпохи неолита до этнографической современности¹⁰². В 1957 г. А. П. Окладников обнаружил на вершине скалы рядом с древними рисунками и неолитическим некрополем жертвенник глазковского времени: кострище с костями косули, нефритовый топор и фрагменты ритуальной посуды с рисунками пяти человечков-«шаманов»¹⁰³.

Другой характерный пример из Прибайкалья — древний могильник на острове в устье р. Балинской. На одном из близлежащих утесов выбита голова лося. Жертвенный материал как на некрополе, так и возле писаницы представлял собою скопления артефактов, состоящих из отщепов, обломков глиняной посуды, кусков рога ¹⁰⁴.

Таким образом, уже первые выборочные памятники эпохи неолита — ранней бронзы позволяют выявить некую закономерность в сочетании могильников и петроглифов по всей территории Восточной Сибири. Помимо того, что эти два вида памятников сосуществуют на одной ограниченной территории, все писаницы несут одно и то же изображение — лося или оленя. Безусловно, что между данными образами, рисунками плывущих лодок с душами предков в «страну мертвых» в сопровождении лосей или оленей, а также скульптурными фигурками лосей из состава погребального инвентаря покойников есть прямая связь. Объяснение этой связи находим в древних шаманских представлениях народов Северной Азии о «дороге мертвых», о чем скажем ниже. Наличие петроглифов при могильниках или наоборот только усиливает значение священного места как местообитания душ умерших предков. Наличие жертвенного материала у подножий скал, тем более когда речь идет о более поздних, чем захоронения, вещах, наглядно свидетельствует о стойкой традиции поклонения данному священному месту. По мере утраты воспоминаний о некрополях души умерших предков все более превращались в духов — хозяев скал, определенной местности, родовой или племенной территории.

ТРАДИЦИОННОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ СВЯТИЛИЩ НА МОГИЛЬНИКАХ ОТ ЭПОХИ НЕОЛИТА ДО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

При изучении древних некрополей Восточной Сибири довольно легко устанавливается факт их временной неоднородности, что еще раз свидетельствует о традиционности представления района могильника неким священным местом предков. Это подметил еще А. П. Окладников, хотя он трактовал данную идею несколько упрощенно. Эффектная возвышенность на берегу Ангары у деревушки Пономарево, по его словам, «уже издали привлекала к себе внимание людей». «Это такое место, которое и по современным понятиям больше всего подходит для вечного успокоения человека. Расположение и характер Пономаревской пади, обращенной на юг и защищенной от холодных северных ветров, ее микроклимат, очевидно, и определили выбор места для могильника древними людьми... Здесь оказались многие древние захоронения исаковцев, серовцев и глазковцев» ¹⁰⁵.

Серовский могильник в устье р. Задырмы при впадении в Ангару также состоит из множества разновременных захоронений, в том числе особой группы, давшей название одного из хронологических этапов ангарского неолита. Существовало и то, что на территории некрополя захоронения серовского типа размещены как бы отдельной локальной группой. Также отдельно здесь располагались погребения

китойского времени и эпохи ранней бронзы. «Таким образом, Серовский могильник существовал очень длительное время, или, что будет точнее, не столько действовал непрерывно, сколько посещался и использовался для захоронения на протяжении трех больших этапов»¹⁰⁶.

Подобная картина была отмечена и в отношении Верхоленского могильника. Применение методики широкого раскопа территории памятника наглядно показало, что неолитические (в редакции А. П. Окладникова — архаические) погребения «рассеяны по всей площади могильника, а глазковские располагаются в трех его местах»¹⁰⁷. Несомненно, по мнению А. П. Окладникова, что «архаический» комплекс захоронений могильника складывался на протяжении длительного времени, ибо в нем представлены захоронения трех хронологических этапов неолита: исаковского, серовского и китойского¹⁰⁸. Среди захоронений глазковского комплекса имеется отдельный, строго выдержанный ряд из шести могил, отделенных одна от другой небольшими интервалами и расположенных по прямой линии, начиная от края берега и далее в глубь террасы¹⁰⁹.

Глазковские погребения, естественно, появились на могильнике много позже захоронений их предшественников «архаической эпохи». И хотя А. П. Окладников пишет, что «глазковцы явно и не подозревали о том, что хоронят своих близких на местах более древних захоронений», в действительности это было не совсем так. Конечно, «на всей территории могильника к приходу глазковцев не существовало внешних признаков более ранних захоронений»¹¹⁰, но это не означает, что культового отношения древних обитателей верховьев Лены к священному месту предков уже не существовало. Ведь не случайно же, что глазковцы избрали для своего некрополя не какое-то другое место, скажем, в 100 м выше или ниже по реке, а именно это, и в одном случае даже нарушив неолитическое погребение. Да и промежуток времени «между появлением глазковских захоронений и ранним комплексом мог длиться, если не тысячелетия, то, по крайней мере, столетия». Специальное антропологическое исследование костяков М. Г. Левиным не дало доказательств, что «глазковцы отличаются по своему физическому типу от людей, захороненных в более ранних могилах»¹¹¹.

Мы остановились столь подробно на Верхоленском могильнике только потому, что полученные материалы характерны для всех некрополей неолита — ранней бронзы Восточной Сибири. Тем более существенно, что ряд могильников региона имеет помимо неолитических и глазковских более поздние захоронения, давая тем самым наглядное представление о почитании священного места — некрополя за рубежом раннего бронзового века.

В Прибайкалье классическим примером может служить комплекс древних памятников, группирующихся вокруг разновременного петроглифа Шишкино: верхнепалеолитическое поселение, стоянки и погребения эпохи неолита и бронзового века, курыканское городище, священная роща и арангасы с костями умерших шаманов этнографической современности¹¹².

В Забайкалье выдающимся памятником такого типа можно назвать разновременный могильник Бухусан у петроглифа на берегу оз. Исинга. Здесь среди выходов гранитных скал Л. Г. Ивашиной вскрыто 27 погребений под каменными кладками. Изучение погребального обряда и инвентаря позволило выделить три разновременные группы захоронений: 16 из них относятся к неолиту, одно — к эпохе бронзы и 10 — к раннему железному веку. «Холм, господствующий над озером, в течение многих веков служил местом погребений»¹¹³.

Не уступает этому памятнику и могильник Фофаново в устье р. Селенги. Из 41 погребения, изученного здесь М. М. Герасимовым только в 1950 г., семь датировались китойским периодом неолита, 29 — глазковским этапом и пять — более поздние, не соотносённые с каким-либо определенным этапом¹¹⁴. Есть, впрочем, данные, что этими «неопределёнными» погребениями были могилы «карасукско-шиверского» времени¹¹⁵. Аналогичный материал был получен и А. П. Окладниковым в 1948—1950 гг.¹¹⁶ Всего же, по общим подсчётам, на Фофановском некрополе исследователями было вскрыто до 130 разновременных погребений.

Непосредственно на оз. Байкал наблюдаем аналогичную картину.

Могильник Улярба — неолит, бронза¹¹⁷.

Могильник Харанса I — неолит, бронза, курыканская эпоха¹¹⁸.

Могильник в устье р. Анги — неолит, курыканская эпоха¹¹⁹.

Важным доказательством традиционности почитания священных могильных мест являются не только разновременные погребения, но и находки среди комплекса жертвенного материала артефактов более поздних эпох. Хотя этот вопрос еще недостаточно изучен, но уже появляются факты, подтверждающие этот тезис. Пример тому — могильник на мысе Бурхан («Шаманка»), где среди одновременных захоронений культовых комплексов встречаются кострища и скопления пережженных костей вместе с керамикой эпохи раннего железа. Найдена также золотая серьга «андроновского» типа¹²⁰. На близлежащем петроглифе известны высеченные изображения шаманских бубнов, также датированные П. П. Хороших ранним железным веком¹²¹.

«РЕЧНАЯ» ОРИЕНТАЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ И ОБЪЯСНЕНИЕ ЕЕ ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ

Несколько слов следует сказать об ориентации костяков. Начиная с исаковского этапа до глазковского времени включительно погребения не подчиняются какому-то общему правилу. Встречающиеся скелеты, видимо, ориентированы по сторонам света, по солнцу, в том числе по правилу антитезы. Однако классификация погребений дает представление о том, что северная и северо-восточная ориентировка костяков является доминирующей против юго-восточной. Но если в указанный период очень трудно уловить положение погребенных с общим направлением сибирских рек, текущих

на север, то в глазковском времени это становится уже бесспорным фактом. Этой же идее, возможно, подчинена и сама конструкция могильных ям, которые имеют много общего с формой эвенкийских лодок-оморочек (по А. П. Окладникову). Совпадение северной и северо-восточной ориентировки погребений в эпоху неолита с «речной» глазковского времени позволяет предполагать, что уже с исаковского этапа возникло первое неясное представление о «земле мертвых», находящейся где-то на севере, в краю вечного холода и тьмы. К концу неолита эта идея начинает получать уже более четкие формы: географические познания привели древних к мысли, что все сибирские реки, стекающие с Саяно-Байкальского нагорья, ведут на север и они являются естественной водной дорогой из мира живых в мир мертвых.

Прежде чем рассмотреть этот вопрос на других археологических фактах, скажем несколько слов о том, как же объясняет «речную» ориентировку могил шаманская мифология.

Представления о мифической «реке мертвых», а особенно о далекой и темной «стране мертвых» существовали практически у всех народов Восточной Сибири, однако ни один из них не имеет столь четкого понятия о данном вопросе, как эвенки. Кочевой таежный образ жизни, оторванность от развивающихся районов Северной Азии позволили эвенкам донести до наших дней многие элементы материальной и духовной культуры, характерные для эпохи неолита и ранней бронзы Сибири. А. П. Окладников и ряд других ученых предполагали, что этническое ядро современных эвенков начало формироваться, в частности, в горно-таежных районах Прибайкалья и Забайкалья. Поэтому для объяснения «речной» ориентировки глазковских могил ограничимся древними шаманскими представлениями эвенков.

Мумонги хокто буга (дословно: водяная дорога — река) еще не так давно мыслилась стариками как мифическая шаманская река, дорога, связывающая все три шаманских воображаемых мира (верхний, средний и нижний) в единый шаманский мир — Вселенную. В верховьях этой реки — *угу буга* — находились, по их представлению, родовое хранилище перевоплощенных душ — *оми* — и всеильные божества, дарующие жизнь людям и стадам таежных животных — основы жизненного существования охотников. Среднее течение реки — *дулу (дулугу) буга* — занимала наша реальная земная действительность, в которой живут, охотятся и рыбачат реальные люди, члены одного родового или племенного коллектива. Нижний мир — *хэргу (эргу) буга* — обычно помещался рассказчиками в нижнем течении реки, и он-то представлялся как мир мертвых — *буни-букит*. Когда шаман, совершая обряд проводов души умершего в мир мертвых, привозил мысленно к устью шаманской родовой реки покойного и просил, чтобы предки приняли его в родовое стойбище мертвецов-сородичей, навстречу выходила сама хозяйка «земли мертвых» и принимала приплывшую душу в свой род¹²².

А. П. Окладников и А. Ф. Анисимов считали, что строго выдержанная ориентация поздненеолитических глазковских погребений

по реке свидетельствует о коренном сдвиге в религиозной идеологии. Если сказать точнее, то китойское и глазковское время в Восточной Сибири — время установления отцовского рода и появления металла, а также необычайно высокое развитие уровня рыболовства, ставшего одной из ведущих отраслей хозяйства жителей прибайкальской тайги¹²³. Вероятно, это действительно было так, однако с тем, может быть, условием, что первые представления о северной «стране мертвых» возникли еще раньше, с начала неолита, когда появились первые погребения с ориентировкой на север и северо-восток, в целом совпадающие с общим направлением стока сибирских рек.

Шаманский миф о плавании душ умерших в «страну мертвых» находит фактическое подтверждение по археологическим материалам не только в «речной» ориентировке погребений, скорченности костяков в позе спящего человека, но и в наборе заранее испорченного сопровождающего инвентаря в специальных походных сумках. Важным доказательством реальности существования в глубоком прошлом шаманского представления о «лодках в страну предков» служат наскальные рисунки эпохи ранней бронзы.

Серия изображений лодок и людей в них с молитвенно поднятыми вверх руками выявлена, к примеру, на петроглифе у с. Шиникино в верховьях р. Лены. Интересно, что под четвертой лодкой находится лосиная или оленья фигура самца.

Культовое содержание данной группы изображений, как писал А. П. Окладников, не подлежит сомнению. На это прямо указывает положение рук человеческих фигур, воздетых к небу в общезвестном ритуальном жесте — молитвы, обращения к Небу, божествам верхнего мира. О культовом, ритуальном смысле этой композиции свидетельствуют и такие характерные детали, как хвосты сбоку и рога на голове человечков, напоминающие о зооморфных признаках шаманских духов и аналогичных деталях ритуального костюма самих шаманов¹²⁴.

Образ лося или оленя, сопровождающего лодки мертвых в их плавании в «страну мертвых», известен и в шаманском фольклоре народов Сибири. Это, безусловно, хорошо знакомая нам по шаманским легендам фигура лося (оленя) — обитателя нижнего мира, а также образы ныряющих в волнах «реки мертвых» оленьих «быков» эвенкийских погребальных заклинаний и страшных лосей кетской легенды об олене, владычце преисподней Хосядам, окаменевшей посреди Енисея¹²⁵.

Важно, что наскальные рисунки лодок с сидящими в них людьми — душами умерших предков — известны не только в Прибайкалье, но и на Енисее¹²⁶, Томи¹²⁷ и далее — до Карелии и Скандинавии¹²⁸. Это говорит о том, что те представления о мифической реке — «дороге мертвых», которые дошли до нас в шаманском фольклоре эвенков Прибайкалья, действительно существовали у неолитических жителей не только Восточной Сибири, но и более широкого региона Евразии.

Сходство представлений эвенков о жительстве душ умерших предков на островах и возвышенностях в устьях рек и по берегам

озер с такой же географической локализацией крупнейших неолитических могильников Восточной Сибири может быть объяснено только тем, что древние охотники и рыболовы края действительно возили умерших к устьям рек, мыслимым священными родовыми и племенными некрополями своих предков. И прав, видимо, был А. П. Окладников, считавший, что в таких усыпальницах чаще всего хоронили лиц особо значимых — вождей или шаманов. Что же касается людей низшего ранга, то они погребались в устьях речушек и ручьев, впадающих в притоки Ангары, Лены и других крупных сибирских рек. Находки групп или отдельных погребений в таких местах с бедным сопровождающим инвентарем вроде бы подтверждают данную мысль.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы.

1. Могильники эпохи неолита имеют на своей территории культовые места разных типов: а) относящиеся к одному или группе особо крупных и богатых захоронений; б) относящиеся в целом ко всему некрополю, тогда культовое место может называться святилищем.

Все эти типы имеют общую специфику:

— очаги или кострища с битыми и обожженными костями жертвенных животных, обломками посуды, каменными, костяными, медными орудиями труда;

— отдельные компактные скопления артефактов;

— ритуальные ямы, заполненные жертвенным материалом;

— ритуальные ямы с погребениями жертвенных животных (собак, нерпы, косули и т. д.) в анатомическом порядке или по принципу «часть вместо целого».

Зафиксированы следы и каких-то деревянных сооружений над отдельными могилами.

2. Если принять культовое место у отдельного захоронения за первичную и одноразовую форму, связанную с почитанием духа умершего предка конкретной семьи, то вторичной и более длительной можно назвать особые площадки на территории некрополя (святилище), где жертвенные приношения и обрядовые действия относились уже в целом ко всем захоронениям, кладбищу как единому почитаемому организму. В этой связи менялось, видимо, и само содержание религиозно-мифологических представлений: от принесения жертв и совершения различных триз над могилой конкретного лица до почитания потомками душ предков, перераставших постепенно в образ некоего единого антропоморфного «хозяина» местности, родовой территории.

3. Начиная с псаковского времени у древних обитателей Восточной Сибири возникли какие-то вполне определенные представления о северных странах, по своему суровому климату и полугодовой ночи отождествляемых с потусторонним миром мертвых. К глазковскому времени эти религиозно-мифологические познания оформились в стойкую концепцию о «море мертвых», куда можно попасть по шаманской «дороге мертвых» на лодках или плотах. В связи с этим особым почитанием пользовались кладбища в устьях крупнейших рек Восточной Сибири. Отголоски этого древнейшего мифологического представления сохранились у эвенков.

3. КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ У ПЕТРОГЛИФОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

Наскальные рисунки, по образному выражению А. П. Окладникова, представляют собой «в высшей степени интересный, хотя и столь же трудный для понимания материал». «Не будет преувеличением сказать, — писал он, — что это — окно в исчезнувший мир, через которое можно видеть древнюю культуру человечества в самых сокровенных и интимных ее проявлениях. Не удивительно поэтому, что к петроглифам постоянно обращались и обращаются все, кто хочет заглянуть как бы в самую душу древнего человека, понять его мировоззрение, его искусство — эстетические представления и этические нормы, его взгляды на самого себя и на окружающий мир — вселенную. Обо всем этом петроглифы могут рассказать вдумчивому и внимательному исследователю полнее и ярче, чем какой-либо другой археологический документальный источник — свидетель прошлого»¹²⁹.

Говоря о географической локализации неолитических петроглифов Восточной Сибири, следует отметить неравномерный характер распространения этого типа древних памятников. Самым мощным очагом неолитического искусства является Прибайкалье, а точнее, долина р. Ангары. Но и там петроглифы группируются в трех основных районах: вблизи устьев рек Белой, Оки и Каменки. А если говорить еще точнее, «самые многочисленные наскальные рисунки в долине р. Ангары известны на Каменных островах (на протяжении 60 км насчитывалось 83 больших и малых острова). Многие из них в глубокой древности служили пристанищем рыбаков и охотников каменного, бронзового и железного веков». Однако петроглифы этого района отмечены только на трех островах Ангары, заметно выделяющихся своими размерами и величием скал, имеющих соответственно названия Каменный остров I, II и III. Есть петроглифы и на соседнем острове Марактуй¹³⁰.

Неолитические, как и все другие петроглифы Прибайкалья, в основном расположены на эффектных террасовидных утесах приподнятого правого берега р. Ангары и там, в свою очередь, имеют микролокацию преимущественно в устьях небольших рек и ручьев. В качестве примера можно назвать такие памятники, как Медвежий Ручей I и II, Баля Озерная, Кармагул (Каменка), Ергулейка, Татарка, Кова и др.

Следует отметить также специфическое расположение некоторых петроглифов у опасных порогов. Так, например, Большекадинские писаницы находятся в глухой таежной местности непосредственно у порога. На Долгом и Шаманском порогах на Ангаре неолитические рисунки нанесены прямо на огромных валунах посреди стремительного потока реки.

Второй компактный район распространения древних композиций Прибайкалья известен в верховьях р. Лены, в районе впадения в нее Куленги и далее микроочагами в устьях ручьев правобережья

вплоть до устья р. Тутуры. Однако среди десятков памятников к эпохе неолита здесь относится лишь несколько петроглифов (Тальма, Шишкино, Воробьево, Козлово и Пуляево), тогда как другие датируются бронзовым веком и эпохой средневековья. Самыми же выдающимися памятниками верхнеленского района являются соседствующие друг с другом Тальма и Шишкино (ныне частично разрушенные), где тысячи древних изображений датируются от эпохи палеолита до этнографической современности¹³¹.

Говоря о древних изображениях долины р. Ангары, А. П. Окладников отмечал, что «большинство этих рисунков может быть отнесено к эпохе бронзы и раннего железа, а часть — к предшествующей эпохе каменного века»¹³². В отношении последних он подчеркивал: «Весьма вероятно... что в... ангарских рисунках прослеживается весьма древняя, палеолитическая по происхождению художественная традиция»¹³³.

Неолитические рисунки Прибайкалья, по А. П. Окладникову, можно выделять по следующим специфическим признакам.

1. Фигуры сложные, которые не сразу удастся рассмотреть и восстановить целиком.

2. Фигуры лосей и оленей, как правило, больших размеров, которые, в свою очередь, имеют: а) непомерно длинную и узкую, вытянутую вперед, как у жирафа, шею; б) параболовидную форму головы; в) нередко изображения только голов.

3. Фигуры рыб, змей и других животных.

4. Основная техника нанесения рисунков — контур и выбивка и реже — роспись красной охрой. Порой то и другое сосуществуют¹³⁴.

«Общей чертой всех этих изображений, — писал А. П. Окладников, — являются не только реализм исполнения, единый реалистический дух, но и сюжеты. Подавляющую массу наскальных изображений этой группы составляют фигуры одного и того же животного, один и тот же образ, который красной нитью проходит через все наскальные галереи неолитического времени, — лось»¹³⁵.

Что же касается неолитических рисунков отдельных голов животных, то наличие их, несомненно, дополняет наши представления о мировоззрении и верованиях древнего населения Восточной Сибири. Они убедительно свидетельствуют о существовании магической обрядности и связанных с ней представлений — так называемой парциальной магии, согласно которой часть тела животного закономерно заменяет полную фигуру.

Ярко выступает на неолитических петроглифах и культ плодородия, «связанный в данном случае с характерным для охотников стремлением размножить животных, увеличить их поголовье в лесу и заполнить убыль, вызванную охотой. Забота об этом волновала первобытные охотничьи общины больше, чем размножение своего собственного рода, и во всяком случае не меньше»¹³⁶.

Вопрос датировки неолитических петроглифов Прибайкалья и всей Восточной Сибири, так же как и других типов древнего наскального искусства края, решается путем археологических анало-

гий. В данном случае мы имеем прекрасные находки костяных скульптурок лосей, каменных фигурок рыб и другие художественные предметы. Лоси, к примеру, преобладают среди всех других сюжетов и скульптур, датируемых серовским и китойским временем; все они имеют такие же реалистические черты, как и на писаницах.

«Таким образом,— заключил свое исследование А. П. Окладников по неолитическим петроглифам Прибайкалья,— лоси и рыбы наших реалистических писаниц, а вместе с ними остальные, близкие к ним по стилю и сохранности рисунки, в первую очередь змеи, должны быть одинаково отнесены к неолитическому, т. е. к серовскому, и, быть может, в какой-то своей части к китойскому этапам прибайкальского неолита. Расцвет реалистической скульптуры и резьбы по кости неолитических племен Прибайкалья совпал, таким образом, с апогеем в развитии реалистического стиля ангарских писаниц»¹³⁷.

Немногочисленные изображения людей, например на известном Шинкинском петроглифе, также находят аналогии на археологическом материале, в частности «наличие близких по форме рисунков на глиняном сосуде, сопровождавшемся типично глазковским нефритовым топором на жертвенном месте на р. Лене»¹³⁸.

Неолитические петроглифы Восточной Сибири, широко распространенные по берегам таежных рек Предбайкалья, резко исчезают на границе периферийной лесостепи. Но крайней мере, от устья р. Белой и далее на восток уже не встречаем одновременных памятников древнего наскального искусства, если не считать (по А. П. Окладникову) Сахюрта на Байкале и Бани-Хару в Забайкалье. Но и они расположены в горных ущельях, непосредственно на границе тайги и степей.

Сахюртинские изображения неодновременны. Самая древняя группа памятника представлена двумя рисунками лосей, которые образуют традиционную для неолитических петроглифов восточно-сибирской тайги сцену гона зверей, а поэтому «ее можно смело отнести к каменному веку». Таким образом, эти рисунки самые ранние не только на горе Сахюрт, «но и вообще среди всех известных нам байкальских петроглифов»¹³⁹.

Петроглиф Бани-Хара в Забайкалье (долина р. Ангир, притока Уды, в глубинах таежного хребта Улан-Бургасы) также имеет архаическую композицию оленьей пары, и на этом основании он отнесен А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской к «древнейшим» из всех петроглифов края. Но вместе с тем, «как показывают находки в восточных районах Монгольской Народной Республики, культура эта находилась в тесной связи с культурой неолитического населения, занимавшего обширные степные пространства в бассейне Керулена и Халхин-Гола. Сюда относятся лесные писаницы Бурятии. Их можно считать тем исходным художественно-историческим субстратом, на котором выросла селенгинская группа наскальных изображений»¹⁴⁰.

И наоборот, чем дальше от северных границ лесостепи, тем все чаще начинают встречаться таежные неолитические петроглифы.

«В результате... исследований стало ясным, что в глубине сибирской тайги между Олекмой и Амуром сохранились многочисленные и поэтому яркие, характерные образцы древнего наскального искусства». Из наиболее ранних неолитических памятников здесь выделяются писаницы на скалах правого берега р. Нюкжи, в устье р. Онени, Ченчи, Токко и в других местах. Имеющиеся на них рисунки «представлены магическими сценами загонной охоты, гибели и размножения животных. Звери показаны достаточно реалистично и в движении, хотя на первый взгляд динамики как будто и не наблюдается»¹⁴¹.

Важным источником для датировки данных памятников являются жертвенные места, хорошо изученные А. И. Мазиным. Каменные орудия труда из комплекса жертвоприношений «находят себе аналоги в ранне-неолитических памятниках Прибайкалья, сылахского времени в Якутии и Шилкинской пещеры на верхнем Амуре. В культурном слое жертвенника на Онени была обнаружена каменная скульптурка животного на отщепе, по манере исполнения сильно напоминающая некоторые наскальные образы. Однако самым убедительным фактом подтверждения неолитической датировки явилась находка у плоскостей с рисунками Нюкжинской писаницы упавшей плиты с аналогичным изображением животного, перекрытой культурным слоем жертвоприношений в виде неолитических орудий труда»¹⁴².

Аналогичная работа проведена А. И. Мазиным и в отношении петроглифов бассейна р. Алдан. Самыми древними неолитическими здесь оказались наскальные рисунки на р. Мае, в устьях рек Бес-Юрэх, Сылгылыыр, Сибиктэ, Тымны, Укаан, Крестях и в других местах. На р. Мае, например, неолитические рисунки заметно выделяются среди всех других изображений своими размерами и наиболее удачным расположением. К тому же архаичные фигуры лосей покрыты известковой корочкой. Жертвенный материал у подножия аналогичного петроглифа в устье р. Крестях находит себе аналоги в средне-неолитических памятниках Прибайкалья и Якутии и датируется в основном III тыс. до н. э.¹⁴³.

Вместе с тем неолитические петроглифы верховьев Амура, р. Олекмы и бассейна Алдана обнаруживают какие-то свои, локальные черты, «резко выделяющиеся на фоне всех остальных других таких локальных групп Северной Азии». Эти отличия обнаруживаются прежде всего в сюжетах наскальных изображений. Однако и здесь вполне очевидны признаки, типичные для рисунков неолитического времени, — «образ лося, характерный для всех таежных петроглифов, являющихся их общей основой»¹⁴⁴.

И, наконец, последний очаг неолитического наскального искусства в сопредельных регионах Восточной Сибири — район среднего течения р. Лены. Подобно другим археологическим памятникам в долине р. Лены, петроглифы «по своему характеру очень резко распадаются на две самостоятельные территориальные группы»: первая группа — в пределах верхнеленского района (Воробьево — Большие Голы); вторая группа — в пределах средней Лены на срав-

нительно небольшом участке левого берега между Олекминском и Покровском (около 50 км).

Как и в других местах рассматриваемого региона Восточной Сибири, писаницы расположены в основном в устьях рек и ручьев, впадающих в Лену. Любопытно, что именно в этом компактном районе распространения древних наскальных рисунков «вообще густо рассеяны археологические памятники всех видов и эпох, свидетельствующие о том, что именно этот участок издавна был заселен плотнее других»¹⁴⁵.

Основной техникой нанесения рисунков на среднеленских скалах является роспись красной минеральной охрой. Неолитический возраст этих изображений датируется «монументально-реалистическим» стилем, уже хорошо знакомым «нам по образцам неолитического искусства в других районах»¹⁴⁶. Это прежде всего те же фигуры лосей и оленей, рисунки голов животных, которые «занимают здесь самое лучшее, центральное место и являются своего рода „заглавными рисунками“ на скале. Их нанесли, должно быть, еще в самом начале, в то время когда там не существовало еще никаких других рисунков и мастер располагал еще вполне свободной для работы плоскостью камня»¹⁴⁷. В качестве примера можно отметить петроглифы Чуру, Суруктаах-Хая, Марха, Петровское и др.

ОПОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОГО ХАРАКТЕРА

Долговременная традиция почитания петроглифов таежной зоны Восточной Сибири наиболее отчетливо прослеживается на материалах археологических раскопок древних жертвенников у подножия писаных скал. Рассмотрим некоторые опорные памятники.

Шишкино (верховье р. Лены). Вокруг петроглифа отмечено много сопутствующих археологических объектов: верхнепалеолитическое поселение, стоянки и могильники эпохи неолита — бронзы, курыканское городище, священная роща и арангасы с костями умерших шаманов¹⁴⁸. В 1957 г. А. П. Окладников обнаружил на вершине петроглифа жертвенник глазковского времени с остатками былых даров духам местности: кострище с костями косули, нефритовый топор, фрагменты глиняной посуды с рисунками пяти человечков-шаманов. Подобные очаги, как писал А. П. Окладников, широко встречаются и в последующее время, вплоть до наших дней, на шаманских святилищах прибайкальских бурят. Традиция культового почитания шишкинских скал продолжалась и в эпоху средневековья и сохранила преемственность до наших дней. Священное место в верховьях Лены, по мнению исследователя, являлось «средоточием общественно-политической жизни всех курыкан или, по крайней мере, их ленской группы, величайшим культовым центром курыканской земли»¹⁴⁹.

Лударь (северное побережье Байкала). Заложенный у подножия петроглифа раскоп вскрыл многослойное жертвенное место, датированное от эпохи позднего неолита (ранней бронзы?) до наших дней.

1. Пыль, мелкий щебень. В нем имелось два обломка разновременных железных ножей 0,5
2. Красно-желтая зола липзой в слое серой сунеси. В ней найдены несколько кусочков бересты с дырочками и остаток небольшого колышка, воткнутого в землю. Встречается керамика нижележащего слоя 10
3. Серая сунесь. Встречается керамика нижележащего слоя 15
4. Черная жирная сунесь с плотным слоем щебня на нижней границе. В верхней границе — основная масса керамики, встречаемая выше и ниже. В средней части слоя — основная масса костей. Встречаются угольки. Из собранной керамики реконструировано два «баночных» курыканских сосуда 40
5. Серая сунесь, постепенно переходящая в черную. Найдены фаланговая косточка перны, пять фрагментов тонкостенной керамики без орнамента и один аналогичный фрагмент, но с сильно заглаженным «вафельным» орнаментом, фрагмент толстостенной керамики с еле видимыми полосками, напоминающими отпечатки стеблей тонкой осоки (тонкие парные линии, тесно соприкасающиеся друг с другом) 10—15
6. Желтовато-серая сунесь. Найдено шесть фрагментов толстостенной керамики. Венчик тонкий, прямой, украшенный небольшими ямками у края венчика. Сосуд имел горизонтальный паленный валик и полоски по тулову, по которым затем были нанесены вертикальные желобчатые линии, особенно четко видимые на венчике, а по сосуду образующие косые (крест-накрест) линии. Кроме этого, имеется две фаланговые косточки перны и один фрагмент трубчатой кости крупного животного 5
7. Черная жирная сунесь с большим процентом содержания угольков. Найден фрагмент с большим процентом вкрапления слюды черной керамики с отпечатками, похожими на «сетку-плетенку», а также фаланговые косточки перны и девять трубчатых расщепленных и обожженных костей других животных 10
8. Плотный слой серой сунеси с большим процентом щебня разной фракции. Это, возможно, уже придоольные рыхлые отложения. Нижняя граница не отбита. Находок не встречено ¹⁵⁰.

Душелан (долина р. Баргузин). Душеланские наскальные композиции можно назвать средним звеном между степенными и таскными петроглифами Забайкалья. Основными мотивами древних изображений являются фигурки оленей разных полов, находящихся в стадии гона, счетные и солярные знаки, человечки, шаманы и масса антропоморфных рисунков шаманского содержания.

Для выяснения характера жертвоприношений у подножия второго пункта заложено три шурфа, которые дали интересный материал разного времени.

Шурф № 1. У подножия восточной части скалы с глубокой нишей, имеющей наиболее крупные рисунки. Стратиграфия следующая.

Мощность, см

1. Несложившийся почвенный слой, темно-коричневая сунесь с мелким щебнем 10
2. Светло-коричневый суглинок с крупными кусочками щебня. Нижняя часть слоя лежит на большом валуне, имеющем вид наклонно выступающей площадки у подножия восточной части скалы. На этой площадке найдены каменная ножевидная пластина, древесный уголь и мелко раздробленные кости животных. Мощность слоя 70 см. Ниже валуна залегает каменное основание скалы 70

Шурф № 2. У подножия южной части скалы между крупными валунами. Стратиграфия следующая.

	Мощность, см
1. Белая зола — кострище	2
2. Черный зольник	1
3. Древесный тлен	5
4. Стволики березовые плотными рядами (настилом) по всей площади шурфа (1×1 м), общей протяженностью по линии север — юг	3
5. Суглинок серо-коричневый, мощностью 10 см, с мелкими кусочками древесного тлена и угля. В верхней части слоя под настилом встречены фрагменты керамики эпохи раннего средневековья и ровно нарезанные полоски бересты. В нижней части слоя на границе с нижележащим найден фрагмент керамики бронзового века	10
6. Суглинок светло-коричневый с крупными кусками щебня. Мощность 20 см и далее в глубину небольшой щели. Среди щебня встречается много оббитой гальки.	

Шурф № 3. У подножия западной части скалы в борту проселочной дороги. Стратиграфия следующая.

	Мощность, см
1. Дерновой покров	5
2. Серая сунесь с дрсевой	40
3. Слой погребенной почвы серого цвета с дрсевой	10
4. Серо-желтый суглинок с дрсевой	2
5. Черная сунесь с дрсевой	22
6. Серо-коричневый суглинок с кусочками древесного угля и фрагментами костей крупных животных	15
7. Серо-желтый суглинок с кусочками древесного угля и фрагментами костей меньшей концентрации	30
8. Серый суглинок с мелкой дрсевой	40
9. Светло-желтый песок окаженный	10
10. Камни-вадуны ¹³¹ .	

Суон-Тиг (долина р. Алдан). По данным А. Н. Мазина ¹⁵², местное население почитает петроглиф и приносит ему маленькие жертвы в виде монет, спичек, патронов, оленьих меток, тряпочек. Вокруг скалы развешаны на деревьях целые гирлянды из разноцветных лоскутков.

В результате раскопок сохранившейся части жертвенника внутри грота выявлена следующая стратиграфия культурных слоев жертвенных приношений.

	Мощность, см
1. Темная гумусированная сунесь с ботиним количеством углей после лесного пожара. Культурный слой представлен обгоревшими современными монетами, кусочками бересты и обугленными обломками дерева	5—6
2. Буровато-желтая сунесь. Здесь обнаружены деревянные копия, стрелы, шпиканы, костяные наконечники стрел, подвески (костяные предметы для затяжки тетель?), берестяные фигурки оленей и большое количество обрывков таких фигурок: рога, ноги, части туловища и бронзовая подвеска (?)	10—15
3. Желтый суглинок с вкраплениями угольков. Найдены каменные скребовидные орудия, наконечники стрел, отщепы и керамика	3—4

Енньюёс (долина р. Алдан). При внимательном осмотре памятника в гроте около одной из плоскостей А. И. Мазиным обнаружен жертвенник. Из-за россыпей камней на дне грота культурного слоя нет. Вещи бросали в расщелины, и поэтому все они смешаны — начиная от древних и кончая современными. В жертвеннике найдены

32 отщепов, 27 каменных грузил, 16 скребков, один наконечник стрелы, поплавки для сетей и различные современные предметы: берданочные пули, патроны от мелкокалиберной винтовки, бусы, монеты, папиросы, спички, лоскутки материи и т. д.

Балаганаах (долина р. Алдан). В результате шурфовки у четвертой скалы был обнаружен древний двухслойный жертвенник со следующей стратиграфией.

	Мощность, см
1. Дерновый слой. Здесь, в основном на его поверхности, были найдены большое количество разноцветных стеклянных бусин, берданочные пули, гильзы, патроны от мелкокалиберной винтовки, спички и др.	5—8
2. Буровато-желтая сунесь	18—22
3. Темная гумусированная сунесь с большим количеством угольков. Найдено более 20 костяных наконечников стрел пяти типов и три шильца	5—6
4. Буровато-желтая сунесь, резко светлеющая по мере удаления от дневной поверхности	8—12
5. Желтая сунесь с примесью глины. Здесь встречены отщепы, ножевидная пластинка, каменные наконечники стрел и скребковидные орудия	3—4
6. Желтая сунесь, местами отмечены выходы скалы.	

Средняя Пюкжа (долина р. Урким). Уже первый визуальный осмотр скалы дал А. И. Мазину массу находок. Ими были два железных наконечника стрелы и такая же пластинка от лат, около десятка голубых стеклянных бус, несколько берданочных пуль, патроны от мелкокалиберной винтовки и некоторые другие предметы современного обихода. Все они были вымыты из культурного слоя, находящегося возле скалы.

В 1970—1971 гг. у трех скальных плоскостей с рисунками А. И. Мазин провел широкие раскопные работы, которые дали следующую стратиграфию выявленных слоев.

Раскоп 1 (8×2 м) — у первой плоскости

	Мощность, см
1. Темная гумусированная сунесь с большим количеством примеси угля от лесного пожара	5—6
2. Буровато-желтая сунесь, постепенно светлеющая по мере удаления от дневной поверхности. Найдено семь скребковидных орудия, три фрагмента венчика сосуда, пять бронзовых луговиц и в верхнем горизонте слоя — железный наконечник стрелы	30—40
3. Темная гумусированная сунесь. Здесь обнаружены нуклеус, ножевидная пластинка, три скребковидных орудия и более 20 отщепов со следами их использования	5—7
4. Желтая сунесь без культурных остатков.	

Раскоп 2 (1,28×1,12×1,19 м) — напротив третьей плоскости

1. Темная гумусированная сунесь с большой примесью угля от пожаров. Найдено два наконечника стрел из кости и два — из железа, а также обломок железного ножа	3—4
2. Буровато-желтая сунесь, постепенно светлеющая вниз от дневной поверхности	15—20
3. Сунесь желтая без культурных остатков.	

Раскоп 3 (0,90×1,20×1,05 м) — напротив второй плоскости

1. Темная гумусированная супесь с примесью угля 3—4
2. Буровато-желтая супесь, резко светлеющая по мере удаления от дневной поверхности. В нижней части слоя обнаружено четыре скребковидных орудия, четыре фрагмента керамики и четыре железных наконечника стрел 12—15
3. Желтая супесь с примесью глины. В нижней части слоя встречено два каменных наконечника стрел, орудие для выделки кожи и три скребковидных орудия 5—6
4. Желтая супесь на скальном цоколе.

По завершении раскопок А. И. Мазин вновь провел тщательный осмотр всех выступов и расщелин скал вблизи плоскостей с рисунками. При этом найдено около 30 стеклянных голубых бусин круглой формы, шесть берданочных пуль (две из которых побывали в теле животного), монеты, патроны, гильзы и другие предметы современного жертвоприношения. Наибольший интерес из собранного материала представляли, по его словам, обнаруженные в расщелине третьего писаного камня два деревянных предмета, три костяных наконечника стрел и костяное шило.

КУЛЬТОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ

Первые землепроходцы, а затем и члены последующих ученых экспедиций, проникнув в неведомую землю за Уралом, обнаружили в дремучих горно-таежных чащах «писанные камни», глубоко почитаемые местным населением. Это были не просто рисунки, а наполненные неизвестным, но глубоким смыслом письма, которые оставили древние обитатели таежной сибирской страны. Отсюда и пошло ныне распространенное в народе название наскальных изображений — «писаницы», «писанец», «писаные камни». Академик Г. Ф. Миллер, впрочем, уже тогда справедливо указывал, что эти названия могут происходить и от техники выполнения, так как древние рисунки бывают «писаны красками». «Отсюда, — говорил он, — среди русских общеупотребительно название для них „писаный камень“, перешедшее в литературу, начиная с XVII—XVIII вв.»¹⁵³.

В качестве примера можно указать на ряд конкретных местонахождений петроглифов с подобным названием: Писаный камень или Писаные (или Каменные) острова на Ангаре; Писаный камень (или по-бурятски — Зууни-зураг шулуун) на Байкале и т. д.

Другое указание на существование в прошлом жертвенных мест у скал-петроглифов связано с термином «шаманский»: Шаман-камень, Шаманский порог на Ангаре; Шаманский Мыс, Шаман (Бурхан), Шаманский камень на Байкале; Шаманка, Шаманова (скала, пещера) в Забайкалье и т. п. Как правило, это наиболее примечательные в природе места, где прежде проводились молитвенные обряды у бурят-шаманистов. Все они по традиции считались священными, неприкосновенными, заповедными. Термин «шаман» происходит от эвенкийского «саман», «шаман» — колдун, знахарь, жрец, идоло-

Однако гораздо больше географических названий культового значения применительно к древним петроглифам существует на языках многих аборигенных народов Северной Азии.

У эвенков, к примеру, такие скалы назывались *дукувучи* (от эвенк. «дукум» — писать)¹⁵⁵ либо *бугады*. С. М. Широкогоров, а позже А. Ф. Анисимов отмечали, что у эвенков высшим божеством является *энекэ бугады*, которая обитает в святынях родового культа — скалах бугады. Энекэ бугады ассоциируется с образом зверя — лося или дикого оленя, который при обходе своих владений и наблюдений за охраной устоев Вселенной особенно любит посещать скалы с рисунками. Любопытно, что лось или олень во время гона имеет особый термин «божественный» (*буга*)¹⁵⁶.

У бурят все петроглифы называются двумя специальными терминами, либо прямо узаконенными в географические названия, либо неизменно подразумеваемыми после местного, узколокального топонима: у восточных — *бичиг*, у западных — *зураг*, но с единым смысловым корнем «писать»; «рисовать, чертить, писать». Возможно, что история семантического развития древнейшего корня *зур-* вплоть до наших дней сохранила его культовое назначение и религиозно-мистическую «толковательно-предсказательную окраску», который в сочетании с другими окончаниями дает понятия: «астрология», «историческое предание», «толкование, объяснение» и др.¹⁵⁷

В прошлом у бурят был еще один специальный термин для названия священных петроглифов. Впервые сказал о нем академик Г. Ф. Миллер, указав на культовое почитание древних святилищ бурятским населением верховьев р. Лены. «Здесь родина бурят, — писал он, — у которых также существует подмеченный мною у вогулов обычай почитать священные скалы: каждая скала этого рода называется ими *Aiechu-tscholo*, то есть „заставляющая вздрогнуть скала“, и пользуется таким почитанием, что лица, обвиненные в преступлении и желающие доказать свою невиновность, прибегают к подобной скале и обхватывают ее обеими руками, будучи твердо убеждены в том, что если ложно поклянутся, то непременно умрут»¹⁵⁸.

Термин «Айехо чоло», данный Г. Ф. Миллером в отношении священных скал в долине р. Лены, есть не что иное, как «Айха шулуун» бурятского языка. Давая расшифровку этого слова, А. П. Окладников писал: «Так называли лесные писаные камни местные буряты, очевидно, из-за религиозного страха избегая называть их собственным именем или именем обитающих там грозных шаманских божеств»¹⁵⁹.

О проведении в прошлом культовых церемоний духам писаных скал в долине Енисея свидетельствует этимология слова «арбаты». В Хакасии есть немало гор, носящих названия *арбайт* или *арбайт*, в Туве — *арбайды*. Арбайт восходит к хакасскому глаголу *арба* (от «арбига») — «колдовать, заклинать, предсказывать»; арбаты — «жертвоприношения»¹⁶⁰.

Некоторые скалы, напоминающие очертания фигуры женщины, имели свои особые термины, например утес Иней-тас — «Каменная

старуха» по р. Кюг. По данным Д. А. Клеменца, помимо древних рисунков «около утеса есть площадка, огороженная камнями, усыпанная песком и заставленная грубыми изваяниями животных»¹⁶¹. Обычно у подножий таких скал (Оглахты, Сулек, Хая-Баты, Тепсей, Монокская, Комаровская, Малый писанец, Малоарбатский писанец и др.) проводились культовые моления (хак.: *тайыг*) в честь духа — хозяина горы (хак.: *таг ээи*), итогом которых становились личные тамги, рисунки и отметки участников празднеств, а также жертвенные приношения (хак.: *тагыр*). Большой материал о культе гор у хакасов собрал И. Л. Кызласов¹⁶².

Подобные «скалы-идолы» существовали и у бурят. Вот, например, что писал в «Словаре географическом Российского государства» А. Щекатов: «Шаманское урочище в Иркутской губернии... на правой стороне р. Лены, при котором есть высокая гора и при ней каменный холм. Ниже горы около 6 сажень (камень. — А. Т.), на котором природа сделала изображение, подобное человеку, которое тунгузы и братские с обожанием почитают, и каждый из них, мимо идучи, за закон себе поставяет камню сему принести что-нибудь в жертву. Они думают, что лжекланущийся перед сим камнем всегда невидимо бывает наказан падением с горы в реку Лену»¹⁶³.

Сообщение А. Щекатова ценно не только тем, комментировал эти строки А. П. Окладников, что свидетельствует об устойчивости культового почитания ленскими бурятами-шаманистами священной скалы, находящейся между Качугом и Верхоленинском, в 12 верстах ниже Качуга, но и новым указанием на имеющееся там «сделанное самой природой изображение, подобно человеку», т. е. на писаницу¹⁶⁴.

БОРЬБА ЛАМСКОГО И ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА С ПОЧИТАНИЕМ ТАЕЖНЫХ ПЕТРОГЛИФОВ ШАМАНИСТАМИ

Петроглифы, а конкретнее древние наскальные рисунки, как составная часть многих священных шаманских мест народов Восточной Сибири стали объектами борьбы ламского и православного духовенства буквально с первых дней проникновения мировых классических религий в Северную Азию.

В Якутии, Забайкалье, на оз. Байкал, к примеру, русские попы старались в корне уничтожить «бесовские суеверия», «бесовские печати», коими являлись древние рисунки, «начертанные в старину не то шаманскими, не то горными духами»¹⁶⁵. Петроглифы на западном побережье оз. Байкал (к примеру, Саган-Заба) помимо красочных и рельефных рисунков имеют позднейшие выбитые изображения православных крестов непосредственно по древним композициям. На мысе Лударь верующие христиане периодически обновляли сделанный ими белой краской большой крест на одном из местных петроглифов¹⁶⁶.

Там, где шаманские культы имели прочную основу на петроглифах или почитаемых скалах, русское православие построило даже специальные часовенки, чтобы тем самым принизить роль и

значение шаманских культовых мест (например, скала Улукгуй в Тункинской долине, Тойон-Ары в Якутии и др.). В ряде случаев (петроглиф «Шаманка» в долине Баргузина) на почитаемом утесе воздвигали большие деревянные кресты, которые также могут рассматриваться некими часовенками под открытым небом.

Своеобразной формой борьбы с языческими капищами, которые в большинстве случаев опять-таки связываются с древними петроглифами, является распространение православными верующими всевозможных легенд о «нечистой силе», якобы обитающей на шаманских священных местах и причиняющей зло только лицам христианского вероисповедания. Нами зафиксировано два подобных района — петроглифы Бичура в долине Хилка и «Шаманка» в долине Баргузина. Безусловно, таких примеров может быть гораздо больше, однако изучением этих легенд никто не занимался.

Не меньшее усердие в борьбе с шаманскими святилищами у подножий древних петроглифов проявили ламансты начиная с XVII столетия. Если внимательно изучить писаницы в районах когда-то действовавших дацанов, то нетрудно увидеть священные буддийские формулы, высеченные или нарисованные белой краской как у подножий утесов, так и поверх красочных рисунков, причем почему-то преимущественно у входа в пещеры (например, Баян-Дэлгыр, Темниковская пещера, Баян-Хара и др.). Известны случаи, когда у подножий петроглифов устанавливались каменные «мани» или устанавливались деревянные дуганы («Шаманка», Бурхан, Улукгуй, Хотогой-Хабсагай, Табангутское обо, Хана-Шулуун, Поворот, п. III, Гол-Тологой, Шулуун-Шэнэ-гольджин и т. д.).

Попытки уничтожения шаманских святилищ в Бурятии потерпели провал. Поэтому ламанизм применил более тонкую форму борьбы, перейдя к синкретизму двух религий. Шаманские культовые места сохранились, но ритуалы и образы во многом наполнились ламанским содержанием. О культе *обо* существует большая литература, разбор которой уже выходит за рамки нашего исследования.

КУЛЬТ ТАЕЖНЫХ ПЕТРОГЛИФОВ У СОВРЕМЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Важно отметить, что, несмотря на усиленное воздействие христианства и ламанизма, шаманистическое почитание отдельных петроглифов Восточной Сибири все же дошло до наших дней. Эвенки Иркутской области, по данным А. И. Арбатского, почитают древние писаницы, находящиеся на водоразделах р. Витим и его притока Каренги. Две из них, носящие общее имя *байса* (по-бурятски — скала), находятся на расстоянии 15 км друг от друга в верховьях р. Муйшин. По данным информатора Ф. П. Жуманеева, эти скалы имеют свое местное название *Дукувучи* (от эвенк. «дукум» — писать). Третья писаная скала находится в районе р. Улуктални.

Старое эвенкийское население Иркутской области считало древние рисунки «игрой духов скалы, местности», которые время от времени будто бы создают все новые изображения; по другим утверж-

дениям, рисунки создавались шаманами в далекую старину. Крест, по их словам, означает скорую смерть, человечки — встречу, звери — удачную охоту. Любопытно, что эвенки, проходившие мимо петроглифов, всегда заходили «побрызгать чай на скалу» в целях обеспечения удачной охоты. Для этого у подножия скал разводили костер и специально варили чай, остатки которого после чаепития брызгали в сторону древних святилищ. Суть обряда заключалась в том, чтобы после небольшого жертвоприношения вещами можно было подойти к подножию скалы и посмотреть, «что она им покажет».

Существовали и запреты. Детям и подросткам священные места не показывались. Только по достижении 20 лет молодых людей водил самый старый эвенок рода к петроглифам, и там «они узнавали свое будущее». Если молодожены, к примеру, видели много человечков, то это означало, что у них будет большая семья; образ зверя — к удаче на охоте, к хорошей жизни¹⁶⁷.

Эвенки средней Нюкжи, по данным А. И. Мазина, считали древние рисунки плодом работы чёрта — шайтана, хозяев тайги и рек. А чтобы духи были милостивы, им приносили различные жертвы, испрашивая при этом у «хозяина», сколько зверя убьют на предстоящей охоте.

Орочены, проживающие в верховьях рек Олекмы, Нюкжи и Гектана, еще недавно считали скалы с рисунками местами обитания *энекэ-бугады* — божественной хозяйки тайги, зверя и рода. Общение с всемогущими духами производилось через посредство деревянных идолов — *шэнкэнов*, которым и высказывали свои просьбы, а те уже должны были передавать их *энекэ-бугаты*. Таких идолов А. И. Мазину удалось обнаружить у подножий писаных скал по рекам Большой Онон, Гектан, Ковуйбут и Тунгурча.

А. Ф. Анисимов в свое время отмечал, что представления о скалах бугады наиболее отчетливо проступали в древнейшем родовом магическом цикле обрядов *шэнкэ-лэвун*, состоявшем из трех последовательных церемоний.

Первый день — поиски шаманом родового святилища и живущего там родового божества *дуннэ-мишун* (т. е. духа — хозяйку земли в виде огромной лосихи или самки дикого оленя), «добычи» на святилище зверя для промысла членами родового коллектива.

Второй день — поиски охотничьих *шэнкэнов* в тайге.

Третий день — коллективный охотничий танец, призывание зверя и обряд магического его убийства¹⁶⁸.

Примером современного почитания древних петроглифов в Якутии является скала *Суруктаах-Хая* по р. Мархе, притока Лены. В отличие от обычных ленских скал в виде стен известняковых обрывов этот петроглиф представляет собой изолированный скальный выступ в форме башии средневекового замка. Именно эта одиночная скала, по А. И. Окладникову, и «являлась центром культа, собственно святилищем древних охотников».

Поясняя свою мысль, автор исследования описывает предметы этнографического времени, которые сразу же были обнаружены в большом количестве у подножия и на выступах писаной скалы. Они

оказались деревянные палочки с затесанными в два ската концами, напоминающими головы. Там же лежали современные охотничьи припасы: дробь, картечь, порох, а также коробка спичек. В огромную вертикальную щель на протяжении 6 м тупыми концами были вставлены многочисленные древки стрел, палочки для огневого сверла, а в одну из боковых трещин — само огневое сверло, доска и палочки к ней.

Весь этот набор жертвоприношений удивительно совпадал с теми предметами, которые ранее были собраны местным этнографом А. А. Саввиним и подробно описаны в его отчете следующими словами: «Надписи на утесе Суруктаах-Хая, по словам местных стариков, существуют с начала сотворения неба и земли и с тех пор как существует человек... По их мнению, надписи начертаны могущественным духом, обитающим на этом утесе. Он представляется иногда в образе женщины-духа, хозяйки р. Мархи, а иногда в образе духа-хозяина леса Бай-Байанная, то грозного и мстительного, то ласкового и щедрого.

Мстит и наказывает (буруу уур) лиц, которые его не почитают и не приносят ему даров. Охотников, которые приносят ему богатые дары, щедро одаривает ценным пушиным зверем и крупными животными (лось, медведь). Путники или охотники, проезжая мимо скалы, должны духу — хозяину утеса принести дары — жертвоприношения, иначе они потеряют свое благополучие. Если они не принесут жертвоприношений, их будет преследовать неудача в охоте или случится с ними какое-либо несчастье в пути.

Наказание, которое несут люди за непочитание и неприношение даров, заключается в том, что хворают, нередко умирают, чахнет и гибнет скот, преследует неудача в охоте, а иногда люди лишаются ума. На высотах камня, под самым утесом, мною были обнаружены следующие предметы, принесенные благочестивыми путниками и охотниками в качестве даров (бэлэх) духу — хозяину скалы Суруктаах-Хая: 1. огниво; 2. кремни; 3. нож без рукоятки; 4. несколько голубых корольков; 5. простые карандаши; 6. волосяные веревки с напутанными на них пучками белых конских волос и доскутков материй; 7. пучки конских волос (черные, белые); 8. заряженные патроны бердана; 9. заряженные самодельной пулей патроны; 10. пустые медные гильзы берданки и дробовиков; 11. старые бумажные гильзы дробовиков; 12. самодельные пули мелкокалиберных дробовых ружей; 13. дробь; 14. порох; 15. коробка спичек; 16. пустые спичечные коробки; 17. спичечные палочки; 18. табак (листовой); 19. деревянная трубка для курения табака; 20. медные монеты разных образцов.

Кроме того, в расщелине скалы лежат длинные, на одном конце заостренные, деревянные палочки. Некоторые из них имеют на одном конце едва заметные зарубки. Нужно заметить, что эти палки, по-видимому, были употреблены с поклоном духу этого утеса. Возможно, что это были палки, за которые привязывались священные салама, играющие роль даров духу — хозяину земли, а также и многим другим духам для умилостивления их.

Близко от них лежит разбитое ложе пистонного дробового ружья. По словам старожилки якута Афанасия Севастьянова, один из выступов скалы, на котором было очень много жертвоприношений-даров, аналогичных вышеперечисленным, лет 15—20 тому назад обвалился, и все предметы, которые лежали там, были засыпаны камнями.

В качестве даров местными жителями из другого места приведены были две овражки (самец и самка) и выпущены в одной из долин р. Мархи. Этого требовал через шаманский дух хозяин горы Сурруктаах-Хая и взамен этого обещал яркую, богатую и счастливую жизнь и удачу в охоте...

Кроме предметов жертвоприношения, я обнаружил около 30 шт. костяных наконечников стрел. Они лежали под кучей щепок у подножия утеса. Там же много разбитых и полусгнивших остатков костяных наконечников и деревянных стрел. Наконечники в большинстве случаев имеют копьевидную форму. Есть и один железный наконечник с орнаментом. Почти все костяные наконечники сделаны, судя по следам мозговой коробки, из головной кости крупных животных и очень возможно оленя.

На южной стороне утеса сверху донизу имеется трещина шириной 2—4 см. В этой трещине виднеются концы полусгнивших древков старинных стрел числом около 80 шт. По словам Натальи Ивановой (Бетеух) и Афанасия Севастьянова, раньше здесь можно было видеть стрелы с шишкообразными деревянными наконечниками, железные, наконечники и вполне сохранившиеся оперенные стрелы.

Старики предполагают, что эти стрелы, точно так же как сейчас охотники приносят в виде даров огнеприпасы, были принесены в качестве даров охотникам в старину»¹⁶⁹.

О мысе Писанный камень на северном побережье Байкала у местных жителей существует мистическое представление о живущих там духах местности. Проплывавшие мимо рыбаки приносили к подножию утеса жертвоприношения в виде монет, патронных гильз, грузил, спичек и так далее в целях обеспечения удачного пути, богатой добычи на промысле, личного счастья и т. п. Они говорили, что на вершине утеса эти духи нарисовали свое изображение, «портрет Бурхана», который наказывает или дарует каждого проезжающего человека. Интересен рассказ о некой экспедиции, пытавшейся «соскоблить» изображение Бурхана, за это она вскоре была настигнута штормом и затоплена в водах Байкала. Бытует представление о восстановлении разрушающихся рисунков по воле духа скалы¹⁷⁰.

Большой интересный материал в культе писаных скал средней, ольхонской, части Байкала был собран С. П. Балдаевым. Общее, что объединяет эти петроглифы, — представление о скалах как местожительствах небесных божеств, ставших всемогущими духами — хозяевами отдельных местностей; взгляд на древние рисунки как произведения духов, все время переписываемые по мере их уничтожения; представление о необходимости принесения жертвенных даров в обмен на удачное путешествие, промысел или личное благополучие.

Н. Н. Агапитов был свидетелем очистительного обряда в честь духа — хозяина петроглифа Саган-Заба. Суть его заключается в том, что перед приближением к почитаемой скале буряты производили окуривание дымом благовонных трав, после чего начиналась церемония *сасали* — окропление вином в сторону утеса с чтением молитвы, и все это завершалось жертвоприношениями монетами¹⁷¹.

Т. И. Савенков попытался реконструировать шаманские церемонии и более отдаленных эпох: «По рассказам крестьян, в утесе над писаницей где-то вверху есть пещера, имеющая выход в одной из щелей нависшего над писаницей утеса. Можно предполагать, что шаман забирался в эту пещеру и оттуда по примеру Моисея венчал предсказания и требования богов находящимся перед писаницей верующим. Близ этого места есть пещеры, которые, вероятно, обитались и посещались древними. Чрезвычайно интересно было бы производство раскопок и исследование в этих местах специалистами археологами»¹⁷². Он же отметил факт современных жертвенных приношений: «Место это еще незадолго до войны (первой мировой. — А. Т.) пользовалось почитанием бурятского населения. Здесь приносились изредка жертвоприношения, в щели около писаницы на мраморной плите были набросаны медные, частью позеленевшие русские монеты»¹⁷³.

Важные материалы почитания петроглифа Саган-Заба бурятами этнографической современности были собраны М. Н. Хангаловым и С. Н. Балдаевым. По словам последнего, «жители Еланцы, Шулу-ты, Борсоя и Анги, ныне Ольхонского аймака, устраивали тайлган десятию баранами и молочной водкой эжину скального изображения Саган-Забы Бурал саган поену и жене его Буга саган хатан (Седовласому господину и Буга Белой госпоже)»¹⁷⁴. Эти слова подтверждают более ранние наблюдения М. Н. Хангалова о том, что «на местности Хура-Нуга и на горе Саган-Заба делают религиозный тайлган двумя жертвенными животными: одна большая овца и другой годовой баран, тарасун, саган хурута»¹⁷⁵. Далее М. Н. Хангалов подробно описывает данный обряд, который похож на все церемонии тайлгана у бурят. Однако любопытно, что руководителем обряда здесь выступал «простой человек, который знает о будал-бурханах, которые спустились с неба на местность Хура-Нуга и на горе Саган-Заба и на скалах сделали свои зураки и поселились на этих местностях»¹⁷⁶.

В 1968 и 1971 гг. А. Н. Окладников удалось обнаружить новые фактические доказательства почитания петроглифа Саган-Заба, но особо важно подчеркнуть вероятность более раннего времени — эпохи позднего средневековья. Это серия миниатюрных шаманских очажков-жертвенников, которые представляли собой выкладки из камней в виде колец диаметром около 50—80 см. Они располагались своего рода «цепочками» рядами, ориентированными с востока на запад почти параллельно берегу Байкала. «Очажки эти, — писал А. Н. Окладников, — сходные с неолитическими очагами Ангары и Лены, но не покрытые, как те, землей, очевидно, служили той же цели, что и шаманские жертвенники. На них, судя по уцелевшим между камнями мелким жженым косточкам, жгли кости принесенных

в жертву хозяину скалы Саган-Заба жертвенных животных. Степень выветренности камней свидетельствует о том, что шаманские жертвенники относятся к далеким временам и насчитывают, вероятно, не одну сотню лет»¹⁷⁷.

Небезынтересно также процитировать вывод, к которому пришел А. П. Окладников после всестороннего изучения петроглифа Саган-Заба: «Нужно добавить, что с этого священного места открывается прекрасный вид на простор Байкала, на далекий противоположный берег озера, синиющий своими зубчатыми вершинами. Как и в других аналогичных случаях, такое место, поражающее своей красотой и величием, выбрано было для жертвоприношений не случайно. Где, как не в этом месте, должно было с точки зрения „детей природы“, поклонников грозных божеств — шаманистов, пребывать владыкам Байкала и прибрежных скал? И откуда, как не с этой высоты, могли они слышать мольбы о помощи и защите?»¹⁷⁸.

Такой же подробный обзор исследований ученых о почитании в эпоху этнографической современности можно дать другим писаним скалам таежной зоны побережья оз. Байкал: Ая, Сахюртэ, Хурай-Нур, Малая Орсо, Елзагур, «Шаманка» (мыс Бурхан), Шаманский Мыс, серии петроглифов в бухте Лударь и т. д.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать такие выводы.

1. Приведенный материал показал, что практически на всех известных ныне «таежных» писанинах подавляющая масса жертвенных приношений датируется эпохой неолита — ранней бронзы. Почти всегда это хаотические или компактные скопления артефактов у подножий скал или в скальных трещинах, в пещерах и на вершинах утесов (в зависимости от пригодности подножий утесов для совершения культовых действий).

2. Тематика писаниц таежной зоны носит культовый характер, древние рисунки в основном подчиняются идее плодородия или «достижения удачи» в охотничьем или рыболовном промысле. Имеются также сцены мифологического характера, которые находят аналогии в идеологии сибирского шаманизма.

3. Многочисленные и повсеместные примеры почитания петроглифов таежной зоны Восточной Сибири коренным населением края наглядно свидетельствуют о глубокой преемственной традиции существования древнего культового места на протяжении ряда тысячелетий, причем сущность и характер жертвенных приношений практически не претерпели значительных изменений.

ГЛАВА IV

СВЯТИЛИЩА ПЛЕМЕН БРОНЗОВОГО — РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Материал по древним святилищам данного времени связан лишь с могильниками и петроглифами. Жилища и поселения, описанные в главах о палеолите и неолите, в эпоху бронзы и раннего железа изучены крайне не достаточно и практически неизвестны. Это объясняется чрезвычайной трудностью обнаружения артефактов, поскольку с окончательным переходом к сезонному скотоводству жилища и поселения в эпоху бронзы — раннего железа приобрели временный подвижный характер. Тем не менее нет сомнения, что при возможности обнаружения этих памятников новейшими методами археологии исследователи могут получить материал, который больше всего будет иметь аналоги с этнографическим комплексом современного коренного населения.

Следует также отметить, что изложенный в настоящей главе материал преимущественно касается памятников лесостепной зоны Восточной Сибири. Это связано с лучшим, чем в Приангарье и на Байкале, изучением памятников эпохи бронзы — раннего железа. К ним прежде всего относятся петроглифы так называемого «селенгинского» стиля, о которых мы имеем теперь четкое представление. В известной степени изучена и проблема плиточных могил. В последние годы возникла также проблема керексуров, которые традиционно считали могильными памятниками древнетюркского времени. Поэтому материал о культовых комплексах на могильниках излагается преимущественно в связи с плиточными некрополями.

Выявление древних святилищ эпохи бронзы — раннего железа таежной зоны Восточной Сибири, безусловно, должно быть связано с результатами исследований ряда ученых, прежде всего А. П. Окладникова, выдвигающих положение, что в это время здесь происходило складывание этнического ядра прототунгусов. Поэтому рассмотрение вопроса о сущности культовых мест таежной зоны изучаемого региона следует вести прежде всего через призму их этнографии.

1. КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА НЕКРОПОЛЯХ

ТОПОГРАФИЯ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛЬНИКОВ

В эпоху бронзы и раннего железа некрополи первых скотоводов были распространены на довольно широкой территории Центральной Азии: помимо Забайкалья они занимают большую часть Монголии —

от Байкала до Гобийской пустыни с севера на юг и от Хангайских гор до оз. Далай-Нор с запада на восток.

В Восточной Сибири крупные группы плиточных могил сконцентрированы в Восточном Забайкалье (преимущественно в степных районах Читинской области), в Бурятии (в степных долинах р. Селенги и ее притоков), причем отдельные группы памятников доходят до самых северных границ лесостепных клиньев верховьев Баргузина и Уды, далеко вдающихся в таежную зону Северной Азии. Важно отметить, что на побережье Байкала и в Приангарье подобные могильники также занимают аналогичные лесостепные ландшафтные регионы (Ольхон, Приольхонье, окрестности мыса Лударь, Кудинские степи).

Каждый, кто занимался изучением плиточных могил Восточной Сибири, должен заметить конструктивное различие наземных погребальных сооружений, но этот факт пока не нашел полного отражения в научной литературе. В Читинской области памятники этого рода поражают грандиозностью установленных плит и крупными размерами равносторонних оград. В Бурятии могилы скромнее, размеры их больше напоминают каменный ящик, ограды с разными сторонами. В периферийных районах (например, в Баргузинской долине) могилы еще скромнее, но среди них нередки и «восточно-забайкальские» квадратные конструкции. На оз. Байкал и в Приангарье ограды плиточных могил столь невысоки и невыразительны, что их трудно обнаружить в травяном покрове.

Необходимо заметить, что с учетом новых данных связь плиточных могил исключительно с лесостепными и чисто степными регионами Восточной Сибири бесспорна. Наряду с высокими местами, вершинами и склонами гор, они нередко встречаются и в долинах рек. Как правило, плиточные могилы располагаются компактными группами, причем как беспорядочными скоплениями, так и стройными рядами, чаще всего вытянутыми с севера на юг или по линии северо-запад — юго-восток (северо-восток — юго-запад) ¹. У оз. Балдзы встречены также некрополи, расположенные по принципу окружности или четырехугольника. В одном случае на р. Онон имеется и вовсе необычная конструкция — лучеобразные ряды в виде соединяющихся отдельные могилы вымощенных каменных дорожек, расходящихся от наиболее крупного центрального памятника ². Отметим также случаи ограждения могильников тщательно сооруженными стенками из вертикально поставленных плит (по р. Селенге в Бурятии) ³ или небольших валунов в некотором отдалении друг от друга (Хайласан в устье Хилка) ⁴.

Одиночных захоронений очень мало, зато часто встречаются двойные, парные, могилы. Как правило, они находятся в устьях горных ущелий, выходящих в степные долины, или на берегах озер и рек. В этой связи их география очень напоминает традиционные места размещения аратских хозяйств, в большинстве случаев парные плиточные могилы находятся там же, где отмечены погребения эпохи средневековья и древнебурятского населения. В тех же местах имеются «одиночные» («семейные») петроглифы. Все это невольно приво-

дит к мысли о существовании в эпоху бронзы — раннего железа (а вероятно, и в более позднее время) не только общеродовых некрополей, но и единичных, семейных кладбищ.

О конструкции плиточных могил Забайкалья и Монголии уже неоднократно писалось⁵, поэтому на этом вопросе нет смысла заострять внимание. Отметим только, что выделенные Г. Н. Сосновским три типа каменных надмогильных сооружений в целом сохраняют свое значение: четырехугольные оградки с высокими угловыми камнями; низкие четырехугольные оградки; низкие четырехугольные оградки с вогнутыми сторонами, так называемые фигурные могилы (которые в Восточном Забайкалье отсутствуют).

Продолжение специальной работы над этим типом памятников, считаемых некоторыми исследователями малоперспективными ввиду малочисленности находок, может принести много нового дополнительного материала. Так, например, практически не изучены «фигурные» могилы. На горе Большой Батор близ д. Будалан на левом берегу Онона Н. В. Асеевым изучена новая конструкция наземного сооружения, представляющего собою овальную каменную кладку 1,50×2,0 м, вытянутую с северо-запада на юго-восток. В неглубокой могильной яме рядом с отдельными костными остатками покойного был обнаружен характерный для V—IV вв. до н. э. погребальный инвентарь. Практически аналогичное захоронение обнаружено Н. В. Асеевым у пос. Чиндлант на Ононе⁶.

Безусловно, прав М. А. Зайцев, сказавший, что «плани исследования плиточных могил, начатые в 1975 г. в Монголии и в 1976 г. в Западном Забайкалье, заставляют обратить более серьезное внимание на их изучение и в первую очередь на более детальное их описание, фиксацию и картирование»⁷. Дав в целом приемлемую инструкцию-вопросник для такого изучения, автор тем не менее вновь акцентирует внимание археологов на исследовании собственно самой конструкции ограды, между тем как поиск объектов культового характера требует раскопок всей территории некрополя, какой бы она ни была.

ОПОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Чтобы полнее понять специфику могильного жертвенного места изучаемого типа памятников, рассмотрим несколько примеров.

Иволгинский могильный комплекс обнаружен Д. П. Давыдовым в 1855 г. между Иволгинской и Ключевской станциями по дороге на Селенгинск, в 22 верстах южнее Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ). Как указывает автор, в долине и на горных возвышенностях располагался крупный могильник, ныне не сохранившийся. Основу культового места составлял крупный олений камень превосходной обработки (перевезенный и установленный у здания Иркутского областного музея краеведения). Раскопки вскрыли под густым слоем щебня («на пол-аршина от поверхности земли») лошадиный остов без головы, вместо которой осталось лишь несколько зубов.

«Можно думать, — писал Д. П. Давыдов, — что остов лошади был основанием предполагавшегося к постройке маяка, почему-то неотделанного, тем более, что сама засыпка остова как бы не закончена. Тут, вероятно, хотели поставить так называемую писаную плиту»⁸.

На древнем некрополе, которому принадлежал олений камень, краевед раскопал пять надмогильных сооружений, которые оказались некими ритуальными сооружениями, но, вероятно, отнюдь не захоронениями:

1) квадратный «двор», обставленный большими плитами, длина 5, ширина 4 1/4 арш. Внутреннее пространство «двора» крепко забито щебнем и придавлено крупными камнями. При разборке заполнения до 3 1/4 арш. ни находок, ни подстилающих плит не оказалось;

2) каменная насыпь к югу, под которой ничего не оказалось, хотя раскопки углубились до 1 3/4 арш.;

3) небольшая каменная круглая насыпь. При разборке верхних плит в щебне найдены железные удила (?) и ниже несколько истлевших костей;

4) каменная насыпь длиной 5, шириной 4 1/2 арш. Раскоп углублен до 1 арш. В западной и южной частях найдены совершенно истлевшие «человеческие кости» и лошадиные зубы;

5) к востоку от некрополя, на горной возвышенности и близ дороги, Д. П. Давыдов раскопал крупное каменное сооружение, по описанию несколько похожее на керексур. Окружность насыпи 37 1/2, высота 2, «стена толщиной в основании 6» арш. Середина окружности пустая, дно вымощено каменными плитами. Раскопки до глубины 1 арш. ничего не дали. На 1 саж. от стены этой окружности имелся круг из камней, «всаженных в землю и почти не возвышающихся над нею». К востоку от этой окружности, чуть выше по склону горы, раскопана небольшая каменная насыпь, под которой на глубине 1 1/2 арш. также ничего не было найдено, за исключением круглого «просверленного» камня в заполнении наземной насыпи.

Санный Мыс — аналогичный памятник, также найден Д. П. Давыдовым в 1885 г. на правобережье р. Уды, в местности, ныне носящей название Удинский Тапхар. Крупный могильник до сих пор сохранился у подножия скалистой горы Санный Мыс. Олений камень с односторонним (к югу) изображением типа Иволгинского находился в углу плиточной могилы, имевшей размеры 5 1/4 × 4 арш. и ориентацию по оси запад — восток. Раскопки под оленьим камнем обнаружили два черепка глиняной посуды и несколько лошадиных костей. «В группе этих маяков найден небольшой камень с древними знаками, представленный в Отдел 2 августа 1855 г.»⁹.

В 1980 г. автором настоящей работы вблизи предполагаемого места оленного камня (он был смыт паводковыми водами р. Уды)¹⁰ на небольшой скалистой гряде найден жертвенный очаг квадратной формы размером 0,70 × 1,0 м, представлявший собою тщательно выложенный каменный ящик из вертикально поставленных плит (одна сторона была разрушена). Дно этого ящика также оказалось выстланным плоскими плитами. На них лежал только один обломок

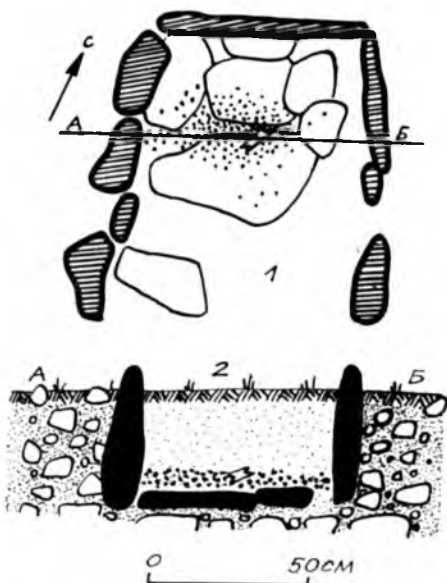
Рис. 10. План (1) и разрез (2) жертвенного очага близ оленного камня на Санном Мысу по р. Уде.

крупной трубчатой кости в окружении многочисленных древесных угольков ¹¹ (рис. 10).

Амогolon II (долина р. Амогolon в Восточном Забайкалье). Памятник находится на склоне слегка наклонной террасы р. Амогolon. Состоит из групп плиточных могил и погребений бурхотуйского типа. Вблизи могильников параллельно течению реки выявлена цепь небольших каменных выкладок, вокруг которых собран большой археологический материал: мелкие отщепы и пластинки, скребки, мелкие фрагменты тонкостенной керамики со шнуровым орнаментом, нуклеидные гальки и нуклеусы конических форм из цветных галек халцедона, яшм и агата.

Зачистка каменных выкладок показала, что обнаруженный материал связан со слабогумусированным слоем супесчано-глинистых отложений, залегающих непосредственно под дерновым покровом. Сами кладки, по данным А. П. Окладникова и Н. И. Кириллова ¹², были двух типов. Один тип — овальные в плане, сверху плотные кладки, вытянутые по длинной оси север — юг, размерами $1,30 \times 0,90$ м. По краям камни поставлены на ребро наклонно к центру. В результате получалась конусообразная ограда, заполненная внутри также камнем. Под камнями обнаружено мощное (35—40 см) углисто-сажистое заполнение, подстилаемое слоем пепла, но сами камни (верхние) не имели следов огня. Их положили явно после того, как огонь прогорел. Второй тип — также овальные в плане кладки, размерами $1,60 \times 1,30$ м. Камни уложены в один ряд, однако боковых камней, поставленных на ребро, не замечено. Под камнями обнаружено чашевидное заполнение в виде темно-серого углистого слоя с пеплом.

А. П. Окладников и Н. И. Кириллов вскрыли шесть таких каменных выкладок. Особый интерес, по их словам, представляет выкладка № 3. Она находилась на самом краю террасы. Это прямоугольная в плане кладка, вытянутая по длинной оси северо-восток — юго-запад, размеры ее $2,10 \times 1,50$ м. Кладка выложена в один ряд речной галькой и окатанным щебнем гнейса. Сразу под камнями был обнаружен костяк человека, ориентированный по линии восток — запад, головой к востоку, но с уклоном 15° к северу.

Левая его рука была согнута кверху, к черепу, правая — вытянута вдоль бедра таким образом, что кисть находилась под тазом. Кроме ребер лошади, других находок с костяком не найдено. Почва под погребенным также напоминает очаговое заполнение.

Фрагмент большой берцовой кости человека был найден и под кладкой № 5, также без сопроводительных находок. Особенностью кладок является не только полное отсутствие вещей и захоронения в потухшем очаге, но и тот факт, что сами выкладки располагались сравнительно ровной цепью на краю террасы.

Анхабай (долина р. Онон в Восточном Забайкалье). Памятник находится в центре пади, выходящей к р. Онон, а также на склоне сопки Анхабай. Он представляет собой крупный могильник бронзового века из более чем 250 захоронений. Рядом с ними, на краю речной террасы, располагались каменные выкладки, состоящие из нескольких выступающих на поверхность камней. Раскопано четыре кладки. Три из них представляли собой прямоугольные в плане ограды из вертикально поставленных небольших плиток гнейса, имеющие размеры $1,10-1,40 \times 0,60-0,90$ м. Внешне они напоминали плиточные могилы в миниатюре и даже были близки к последним по конструкции; засыпка внутри оградок из более мелкого камня, наличие контрфорсов по углам с внешней стороны. Контрфорсы, как у плиточных могил, представляли собой наклонно и плашмя положенные плитки камня. Все три ограды оказались очажками с заполнениями из мощного слоя ($0,30-0,50$ м) пепла и сажи, вязкой на ощупь. Под этим слоем отмечена прокаленная супесь.

Четвертая кладка овальная в плане. Она состояла из плашмя положенных плиток гнейса и валунчиков дикого камня. Размеры ее $1,60 \times 0,70$ м. Верхние камни кладки не имели следов огня, но после снятия двойного ряда камней обнаружена углисто-сажистая прослойка и, кроме того, кости человека в относительно анатомическом порядке. Костяк отличался исключительно плохой сохранностью, он был втиснут в чашевидную яму, дно которой представляло собой каменную вымостку из сильно прокаленных камней. Он лежал на спине почти по оси север — юг с незначительным отклонением, головой на север. Под нижней каменной кладкой обнаружен такой же мощный слой пепла и сажи. Создается впечатление, что умерший был помещен сюда после того, как огонь прогорел. В пользу этого предположения свидетельствует отсутствие следов огня на костях. В этом отношении обряд захоронения аналогичен обряду, зафиксированному в пади Амогolon. В обоих случаях никаких находок, сопровождающих погребенного, не было¹³.

Цаган-Кондуй (Бурятия). Раскопками Д. П. Давыдова в 1855 г. над плитами перекрытия могилы найдено много обломков керамики, обломок лошадиной челюсти и несколько зубов. Останков человека не найдено.

Хотож (долина р. Оны вблизи Селендумы). Плиточный могильник на склоне горы. Размеры каменного сооружения, раскопанного Д. П. Давыдовым в 1855 г.: длина более 5, ширина западной стенки

3, восточной 3 1/2 арш. В заполнении найдены обломок керамики, череп и два зуба лошади, древесный уголь ¹⁴.

Саянгуй (вблизи Улан-Удэ на правом берегу Селенги). Раскопки могильника произведены в середине XX в. Н. П. Диковым. Могила № 10 — круглое (диаметром 0,70 м) углубление на дне погребальной камеры заполнено золой и углями, так что скелет закрывал кострище спиной. Такая же золыная масса имела в могиле № 91 с той только разницей, что она располагалась не под покойником, а слева у бедра. Остатки древесного угля и золы кострищ зафиксированы в области груди погребенных на дне могил № 3 и 16.

Сотниково (вблизи Улан-Удэ на левом берегу Селенги). Могильник изучался Н. П. Диковым. Остатки двух кострищ найдены в западной и восточной сторонах погребальной ямы могилы № 18. Помимо углей и золы в скоплениях найдены черепки посуды и расколотые кости животных ¹⁵.

ПРОБЛЕМА КУРГАНОВ-КЕРЕКСУРОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В последние годы археологами Бурятии получен ряд новых сведений о так называемых керексурах Забайкалья. Эти мегалитические каменные курганы с квадратными или круглыми оградками, опоясанные цепочкой очажков-кладок, являются нерасторжимой деталью ландшафта забайкальских степей наряду с плиточными могилами. Более того, во многих местах керексуры соседствуют или сосуществуют с плиточными могилами, а в ряде случаев образуют как бы единый архитектурный ансамбль (например, Хара-Хабсагай).

Громоздкость каменных сооружений керексуров не привлекала к себе внимания исследователей. Мало раскапывавшиеся, они давали противоречивый материал, и поэтому мнения археологов о датировке и культурной принадлежности этого типа памятников существенно расходились. Так, Ю. Д. Талько-Гринцевич датировал керексуры широким историческим диапазоном — от каменного века до средневековья; Г. Ф. Дебец, Г. Н. Боровко и А. П. Окладников говорили о средневековом возрасте; Г. Н. Сосновский, С. А. Теплухов и позже Г. Ф. Дебец считали их памятниками скифского времени. Тем не менее в литературе укрепилось мнение о средневековом возрасте забайкальских керексуров, тогда как в других регионах Южной Сибири и Монголии их датировали хунно-сарматской и предскифской эпохой.

О разнообразии типов керексуров Центральной Азии, Южной Сибири и Забайкалья мы не говорим, поскольку этот вопрос хорошо изучен. Что касается внутреннего заполнения курганов, то сейчас появились первые данные, позволившие посмотреть на них неоднозначно. Раскопки М. В. Константинова у с. Подлопатки на р. Чикой вскрыли большое количество разнообразных костей животных, керамики, углей, а также бронзовые и железные предметы. Человеческого погребения не найдено. В трех кольцевых выкладках за пределами основной оградки обнаружены кости овцы;

в одной — фрагмент керамики. Датировка наиболее ранних вещей из керексура — хунское время и даже бронзовый век.

С. В. Даниловым в Нижнем Бургултае на р. Джиде раскопано два керексура. При расчистке насыпи найдены обломки костей животных, керамика, бронзовые и железные предметы. На самом дне в цисте располагалось пятно темного цвета (остатки кострища?). Следов захоронения человека не обнаружено. Во втором керексуре также вскрыто большое количество обломков костей животных (лошадь, мелкий рогатый скот — все части скелета), причем многие кости имеют следы преднамеренного излома. Найдена также керамика разных сосудов, в том числе обломки чугунного котла. Раскопками установлена последовательность сооружения керексура: сначала выкладывалась циста с очагом и костями животных; затем над нею сооружался каменный курган, ограниченный внутренней и внешней оградой, а также кольцеобразными выкладками.

Изучив полученный материал, С. В. Данилов и П. Б. Коновалов пришли к выводу, что наличие ранних предметов позволяет пока ориентироваться на закладку керексуров в эпоху плиточных могил. Что касается более поздних вещей, то они скорее всего «могут свидетельствовать о последующем, в течение многих веков существования керексуров, привнесении их при совершении обрядов почитания древних памятников»¹⁶. В подтверждение такой датировки авторы ссылаются на факт совмещения конструкций, когда кладки плиточных могил стоят внутри ограды керексура или примыкают к оградке как изнутри, так и извне. Более того, они пишут, что А. Д. Цыбиктаровым на р. Чикой отмечен факт перекрывания оградки керексура кладкой плиточной могилы. Обращаясь к проблеме функционального назначения керексуров, С. В. Данилов и П. Б. Коновалов называют курганы без человеческих захоронений кенотафами. В то же время «не исключена, впрочем, возможность о принадлежности части керексуров к памятникам поминального характера, что отмечали исследователи керексуров сопредельных территорий (Кызласов, Маннай-оол, Грач)»¹⁷.

Таким образом, по С. В. Данилову и П. Б. Коновалову, для Забайкалья устанавливается три типа функционального назначения керексуров: 1) погребальные сооружения с человеческими костями, но без сопровождающего инвентаря; 2) кенотафы; 3) памятники (культовые места) поминального характера. Начальный этап образования керексуров — бронза — раннее железо. Традиция почитания этого типа памятников продолжается до позднего средневековья и, возможно, до этнографической современности, если считать обломки чугунных котлов, фарфоровой посуды и других вещей остатками жертвенных приношений.

В связи с проблемой датировки и функционального назначения керексуров следует вкратце рассмотреть материалы раскопок в Нижнем Бургултае¹⁸. Помимо описанных выше керексуров в комплексе археологических памятников этого места входят погребение в цисте и две плиточные могилы. В могиле № 1 при расчистке кладки встретились мелкие обломки костей животных, а внутри оградки — фраг-

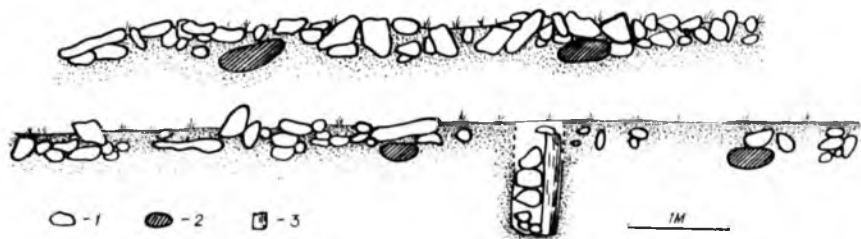

Рис. 11. Нижний Бургултай. Фрагменты разрезов (по С. В. Данилову и Н. Б. Коновалову).

1 — камень; 2 — черепа лошадей; 3 — остатки столба в яме.

мент керамики красновато-черного цвета; у восточной стенки — череп лошади с позвонками (мордой к северу), а также венчик сосуда с орнаментом и бирюзовая бусина. В могиле № 56 при разборке северной стенки найден зуб животного, а западной — осколок трубчатой кости; среди камней обкладки — два фрагмента керамики. Погребение в цисте (№ 51) имело в восточной части крупную вертикальную плиту типа сторожевого камня (высотой 0,90 м), а над погребальной камерой найдены два зуба лошади и косточка от копыта.

Если жертвенный материал в цисте и плиточных могилах знаком по более ранним находкам, то совершенно новым фактом стало обнаружение к западу от плиточных могил и керексуров более 50 выкладок кольцевидной формы среди каменных развалов, придающих всему памятнику вид бесформенной груды камней. Размеры этих кладок в целом одинаковы: от $2,0 \times 2,20$ до $5,0 \times 6,0$ м. В кладке № 27, к примеру, отчетливо выделялось кольцо из семи крупных камней. Если кольца (например, № 18, 27—29 и др.) находились рядом, то сопровождающие их развалы соединялись и представляли единое большое поле набросок.

В ходе раскопок С. В. Даниловым было установлено, что в каждой из вскрытых кладок лежало по черепу лошади с позвонками и копытами восточной, северо-восточной и юго-восточной ориентировки. С незначительными отличиями можно отметить кладку № 13, где в яме глубиной до 1,60 м с вертикальными стенками встречались остатки кострища и мелкие обломки обгорелых костей. К западу от кладки № 21 в яме диаметром 0,30 м найден отросток рога дикого животного (изюбря?) острием вниз со следами обработки. Рядом с ним был установлен окатанный камень-голыш с оббитым концом. В 1,20 м к востоку от кладки № 7 встречены остатки (около 1,0 м) деревянного столба диаметром 0,90 м в яме $0,54 \times 0,83$ м, причем нижняя часть его была забутована камнями. Близ кладки № 28 найдены небольшой фрагмент неорнаментированной керамики черно-коричневого цвета (см. аналогичную керамику в плиточной могиле № 1) и обломок чугуниного котла. Кладки № 34 и 35, помимо черепа лошади, содержали в яме остатки кострищ, мелкие осколки костей животных; № 39 и 40 — черепа лошадей и обломки позвонков со следами горелости. Несколько черепов лошадей находилось

вне связи с кладками. Под кладками № 8, 19, 20, 42, 44, 46, 49, 50 находок не обнаружено (рис. 11).

Подводя итог работам, автор отчета П. Б. Коновалов писал: «Таким образом, раскопанный вблизи с. Нижний Бургултай комплекс каменных кладок, содержавших черепа лошадей, уложенных вместе с шейными позвонками и копытами, является, по-видимому, жертвенно-ритуальным памятником. Наличие под кладкой ям с остатками обломков костей животных, служивших, очевидно, также для каких-то ритуальных целей, и деревянного столба дополняет наше представление о характере памятника и придает всему комплексу законченный вид»¹⁹.

Хотя авторы раскопок в Нижнем Бургултае С. В. Данилов и П. Б. Коновалов пока не видят возможности на основе скудного материала датировать памятник и высказаться о его культурной принадлежности, тем не менее аналогии в Монголии (В. В. Волков, Э. А. Новгородова), на Алтае (В. Д. Кубарев) позволяют предварительно объединить керексуры, плиточные могилы, цисту и кольца с набросками в единый и одновременный археологический комплекс. Прежде всего потому, что они располагаются на одной относительно компактной территории; имеют один и тот же жертвенный материал (включая приношения голов лошадей с позвонками).

В качестве аналогий приведем некоторые данные по МНР по работе В. В. Волкова. В Шивертын ам, к примеру, культовое место близ плиточного могильника также представляет собою плоские бесформенные каменные наброски, среди которых выделяются колечки из семи-восьми камней. Разведочная траншея охватила семь таких выкладок, и каждая из них содержала по одному черепу лошади. На всей территории культового места отмечены ямки, в которых стояло более 30 оленных камней, приуроченных к самым большим могильным кладкам²⁰.

В Жаргаланте культовое место сложной конфигурации находится рядом с керексурами. Занимая довольно большую площадь, оно состоит из набросков диаметром 2,0×3,0 м, расположенных рядами и в виде дорожек; здесь же бесформенные кучи камней и круглые колечки. Порою сотни каменных вымосток так плотно примыкают друг к другу, что образуют сплошные насыпи. В 1,50 м севернее находится оградка, стенки которой (10,50×13,50×15,90 м) сложены из оленных камней. Раскопки двух колец на глубине 0,35 м дали челюсти лошади и череп барана. На культовом месте стояло 13 оленных камней²¹.

В Херексурии найдены плоские выкладки и колечки также находились близ керексуров. Здесь же была «плиточная могила» (квадратная оградка), которая не имела погребения, но содержала угли, золу и жженные кости. В оградке раскопано семь черепов козы, четыре черепа овец, череп теленка, нижняя челюсть коровы, а под ними — кости ног и копыта лошади. «Видимо, рядом с могильной ямой возле восточной стенки оградки в свое время были сложены шкуры (с черепами и ногами) жертвенных животных», — писал В. В. Волков²².

Есть аналоги и деревянным столбам. В Шан Тэнгэрин тал керексуры соседствовали с квадратной оградкой (3,20×3,10 м), сложенной из оленных камней. При раскопках возле юго-западного угла снаружи встречены остатки врытого в землю бревенчатого столба диаметром 0,20 м, а примерно в центре оградки на глубине 0,55 м — остатки еще одного деревянного столба и часть позвоночника теленка²³.

Эти единичные примеры из большого собранного материала на территории сопредельной Монголии позволяют видеть определенные аналогии с данными С. В. Данилова и П. Б. Коновалова в Нижнем Бургултае. Безусловно, этот вывод нуждается в дальнейшей проверке, поскольку как в МПР, так и в Забайкалье работы по этому типу памятников только начинаются. Но даже первые результаты наглядно показывают возможное единство керексуров, плиточных могил, оленных камней и ритуальных захоронений животных. Вполне очевидно, что мы имеем дело с каким-то еще малопонятным гигантским поминальным комплексом племен бронзового — раннего железного веков центрально-азиатских степей и их северных периферий.

КУЛЬТ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ У БУРЯТ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В Забайкалье и Монголии среди древних памятников наибольшим почитанием пользовались плиточные могилы бронзового века. Любопытно отметить, что, пожалуй, самое первое описание таких некрополей оставил китайский путешественник XIII в. Чжан Дэ-хой: «Проехал через гору Хулань-чи-Чинь, т. е. Красное ухо... Тут есть река Тами (Тамир. — А. Т.), текущая на СВ. Потом я проехал станцию до Каменного Маяка; он стоит возле почтовой дороги; высота его не более пяти футов; в окружности сорок с лишком шагов; форма его четырехугольная; стоя одиноко на равнине, он чрезвычайно выдается; издали можно принять его за большой маяк, отчего и получил он такое название»²⁴. Столь эффектные памятники древности издавна рождали мистическое отношение к неизвестным некрополям.

У бурят, к примеру, существовало священное почитание любой древней надмогильной плиты, под которой похоронены люди иного племенного происхождения, и эта плита имела свое табуированное имя — *хушээ-шулуун*, т. е. «Великий (чтимый) камень». Традиционно считается, что под всеми древними надмогильными памятниками покоятся духи так называемых *хара-монголов*, мифических предков типа русской «чуди», и эти предки также назывались специальным термином — *«хэбдэг хара-монгол»*. В старинных шаманских призываниях о «хушээ-шулууне» и «хара-монголах» говорится следующее: «Черным камнем покрытые, коричневым камнем отгороженные»²⁵. Буряты улуса Гутай Бичурского района, к примеру, не считают себя аборигенным населением среднего течения р. Хилок. По их утверждениям, в далекие времена здесь жили «монголы», умершие с появле-

нием белой березы (как и в легендах о «чудии»), а многочисленные могильные камни среди степей — остатки их жилищ²⁶.

Первооткрыватель окинских археологии Н. А. Кропоткин в середине прошлого века в устье р. Джамбулак, впадающей в Оку, встретил кучи булыжников, «наложенных в виде окружности или овала», диаметром 2—3 саж. «Об этих постройках есть предание, что здесь жила „чудь“ до появления в горах леса (белой березы). Тогда „чудь“ сочла это за дурной знак и удалилась»²⁷. Н. Д. Черский, знакомый с материалами Н. А. Кропоткина и П. А. Ровинского, привел сведения, что окинские буряты считали «постройки» могилами некогда проживавших в здешних краях монголов, как, впрочем, и обитатели побережий Байкала считали курыканские могилы захоронениями неких мифических «хара-монголов»²⁸.

Любопытный материал, доказывающий длительную традицию почитания древних могил Восточной Сибири, был получен В. В. Свиным на о. Ольхон. Раскопав одну из местных плиточных могил близ священного утеса Бурхан, он встретил в подперновом слое (на глубине 10—15 см) внутри оградки большое количество тонкостенной курыканской керамики, фрагментов трубчатых костей крупных и мелких животных, ребер лошади и череп быка. Под плитами перекрытия находки курыканского времени прекратились.

Как справедливо считает В. В. Свинин, факт присутствия курыканской керамики и костей домашних животных над перекрытием плиточной могилы довольно интересен. Эта находка, по его наблюдениям, напоминает сохранившиеся до начала нашего века жертвоприношения бурят на так называемых могилах «хара-монголов» — погребальных сооружениях курыканской эпохи в Ольхонском крае. «Возможно, — пишет В. В. Свинин, — здесь мы встречаемся с материальными остатками очень древнего обряда почитания прежних хозяев данной местности. А это, в свою очередь, может говорить о существовании каких-то очень древних связей между ранними кочевниками Ольхона и современным бурятским населением района, о сложном характере этнических процессов, протекавших на данной территории на протяжении трех тысячелетий»²⁹. Иными словами, В. В. Свинин, вероятно, обнаружил новый тип жертвенных мест побережий Байкала, датированный курыканским временем и связанный с культом предков. Этот тип имеет хорошие аналогии с культовыми местами бурят, до сих пор почитающих некоторые древние надмогильные сооружения забайкальских степей.

Вообще древние и особенно старинные кладбища у бурят пользуются большим почитанием. Существует даже специальный термин, унаследованный от патриархального культа предков рода и одновременно духов местности, — *онгон сагаан үхэн*, что означает дословно «священные седины волос». Захоронение умершего *хүдээ-луулзэ* сопровождалось траурными днями — *хара боро удэрнууд* (досл.: «черно-серые дни»). Само местонахождение гроба, место захоронения называлось *хуни хуушан* (досл.: «человеческие останки»). Весь шаманский обряд почитания духов — предков рода назывался у бурят *удха узуурта*. Считалось, что души умерших предков ждут

от своих потомков периодических угощений. А поскольку они становятся и духами родовой территории, то в случае неудовлетворения их желания они якобы могут препятствовать продолжению данного рода вплоть до его вымирания. Большим грехом у бурят считалось праздное посещение старинного родового кладбища, тем более чужеплеменниками³⁰. По воззрениям, например, аларских бурят, первая душа покойника обитает в костях скелета и после смерти человека остается у могилы «сторожить» кости. В Тибете и Монголии также существовало представление о душе, обитающей в костях и остающейся в трупе на месте его погребения³¹.

В связи с культом предков следует отметить, что буряты, как и тувинцы и хакасы долины Енисея, особо почитали каменные надмогильные изваяния эпохи бронзы. Если резюмировать многочисленные предания о так называемом Даян-Дэрхэ (или Таин-тирхин — по Г. Н. Потанину), то получится, что это — имя камня-obeliska, изображающего знаменитого шамана, убитого Чингисханом или Эдзен-ханом. Это каменное изваяние человека находится на берегу р. Эгийн-Гол, вытекающей из оз. Хубсугул. Местные жители считали древний камень неким оракулом, целителем и покровителем истинных шаманов (рис. 12).

По сведениям, собранным Г. Н. Потаниным, изваяние Таин-тирхин в прошлом пользовалось большой известностью, на поклонение к нему шли даже из Тибета, Гоби, Убсу-Нура и Забайкалья. Рассказывают также, что в свое время существовало два идола: один — Хухчило (синий камень) на земле теленгитен-урианхай; другой — Бороцаган (серо-белый) на Селенге³².

Подобные почитаемые изваяния находились и на территории Бурятии. Еще верхнеудинский исправник М. М. Геденштром, увлекавшийся краеведением, впервые обратил внимание на «оленные камни», правда не называя их привычным сегодня термином. В своей книге «Отрывки о Сибири» он писал: «Один достопримечательный столп, памятник сего народа (т. е. древнего народа, оставившего в Забайкалье могильные курганы и другие древности. — А. Т.), кажется, остался незамеченным и неописанным. Он стоит вблизи Гусиного озера, в нескольких верстах от Селенгинского солеваренного завода. Столп сей из цельного гранита, вышиной в две сажени; половина его в земле. Верх представляет выпуклой работы лицо человеческое, по бокам два овальные, также выпукло высеченные украшения»³³.

Указание на селенгинского идола в работе М. М. Геденштрома представляется неслучайным. Дело в том, что именно этот камень считался в начале прошлого века одним из забайкальских достопримечательностей. Любопытно, что о нем писали даже в художествен-

ных произведениях того времени. Вот, к примеру, отрывки из романа И. Калашникова, написанного в 1832 г.: «Алексей, ожидая Неудачина, сидел на траве близ гранитного столба, неизвестно кем поставленного вблизи озера, называемого Гусиным. Столб сей имеет сажени две в вышину, на верхней оконечности его высечено выпуклое лицо человеческое, а по бокам также высечены украшения»³⁴. Описание изваяния свидетельствует о том, что автор, безусловно, видел данный камень лично. В этом убеждает и следующее пояснение писателя: «Идолам стад буряты строят особые хижины на горах, называемые обо»³⁵.

Описанный М. М. Геденштромом надмогильный памятник эпохи бронзы на берегу Гусиного озера в Забайкалье пользовался большим почитанием у бурят, причем постоянному обряду жертвоприношения и проведению регулярных культовых действий во многом способствовал устроенный здесь же храм под открытым небом. Впоследствии этот камень был перевезен в Троицкосавский музей, где он находится и сейчас.

Вообще-то это не единственный пример священного отношения бурят к древним святыням окрестностей Гусиного озера. Еще в первых десятилетиях XX в. на площадке близ Тамчинского дацана стоял олений камень, служивший коновязью для «священной» лошади (Дцу), участвовавшей на ламаистском религиозном празднике «Цам-хурал». Служители дацана говорили А. И. Термену, что камень найден в горах близ Гусиного озера и привезен в храм потому, что «изображенные на этом камне рисунки имеют таинственное происхождение, а сам камень поставлен в дацане в качестве коновязи для коней бурханов, когда те приезжают сюда па цам»³⁶.

И. И. Хороших, изучавший Гусиноозерский камень в то время, когда он стоял еще у дацана, подчеркивает: «Использование ламами оленных камней в качестве коновязей — неслучайное явление. Культ оленя в ламаизме нашел большое отражение. Так, ламы во время пантомимических танцев на религиозном празднике „Цам-хурал“ надевают особые „оленьи маски“, фигуры коленопреклоненных оленей обычно изображаются на воротах и над входами ламайских дацанов, изображения оленей встречаются также на многих предметах ламайского культа. Используя олений камень в качестве коновязи, ламанты, очевидно, рассчитывали иметь не простую коновязь, а специальный „оберег“ для „священных“ лошадей»³⁷.

О подобном суеверном почитании оленных камней Монголии пишет и А. М. Позднеев, лично наблюдавший, как монголы увешивали один из таких древних памятников бараными лопатками, названными на веревочку³⁸.

Возможно, что представление об оленных камнях как коновязях священных лошадей бурханов есть вторичное переосмысление ламаизмом древних памятников. Однако любопытно отметить, что на иконе Даян-дэрхэ изображен в сочетании с шаманскими атрибутами — головным убором, зеркалом-толи и баданом, которым делается ритуал «махания»³⁹, применявшийся и сибирскими шаманистами при помпнании усопших на старинных кладбищах.

Пыне культ Даян-дэрхэ сохранился лишь в Закаменском и Тункинском районах, причем только в ламаистской форме. В долине р. Селеengi почитание Даян-дэрхэ существовало вплоть до первой половины нашего века, но объектом такого почитания здесь пользовались отдельные скалы⁴⁰, как правило имеющие древние рисунки эпохи бронзы — раннего железа.

Буддисты, проникнув к берегам Байкала в XVII в., на первых порах начали непримиримую борьбу с шаманистами. Помимо преследований шаманов, уничтожения шаманского культового снаряжения, запрещения делать жертвоприношения шаманским духам, ламы оскверняли и «жгли могилы», уничтожали жертвенные места⁴¹. Не прошли они мимо и древних археологических памятников, часть из которых пользовалась суеверным почитанием. В Читинской области, к примеру, мы видели немало плиточных могил, на которых оказались выбитые или нарисованные белой краской священные буддийские формулы. Ламы раскапывали некрополи, стремясь добыть очень ценные в тибетской медицине древние человеческие кости.

Буддийская мифология всеми путями пыталась доказать наставе вредоносность любых кладбищ, а следовательно, и устроенных при них шаманских храмов под открытым небом. Ламы стремились устранить бурят, рассматривая кладбища как обиталища полчищ всяких злобных духов, демонов и демонис, «жадных до мяса и крови», «высасывающих мозг из костей», пожирающих трупы, измазанных кровью и трупным жиром, посыпанных пеплом погребальных костров, испускающих страшные вопли, от которых перехватывает дыхание и застывает кровь в жилах. Всесильный бурхан, дух-хранитель ламаистской веры Ямцаран обитает среди моря крови и трупов людей и лошадей, дворец его построен из человеческих скелетов⁴².

Позже отношение ламаизма к традиционным верованиям бурят изменилось, поскольку ламы поняли бессмысленность своей затей. Тогда стремясь привлечь на свою сторону больше верующих, они начали синкретизировать ламаизм и шаманизм, перейдя на внехрамовые формы отправления культов. Так были созданы аналогии шаманских святилищ — ламаистские *барисаны* и *обо*. Барисаны обычно устраивались на перекрестке дорог, охотничьих троп, где встречаются и угощаются приношениями духи — хозяева определенной территории. Чаще всего это были духи умерших шаманов, поскольку барисаны сооружались вблизи их могил. В Закамье, например, духом — хозяином местности Сонгино считался некий Бурэнсэ-таабай. При жизни он был известным шаманом, а после смерти превратился во владыку не только горы (*хара болдо*), на которой похоронен, но и близлежащих окрестностей. По поверьям бурят, Бурэнсэ-таабай каждый день объезжает свои владения и по пути отдыхает у барисана, где путники оставляли для него свои приношения: вешали на дерево лоскутки материи, конский волос, совершали *сэр-жэм*, дарили табак и монеты. Людей, совершавших жертвоприношение у барисана, ожидала удача, но если человек пройдет мимо, то — гнев⁴³. Термин шаманского духа — хозяина местности «*эжен*» превратился в «*сабдаг*», шаманские жертвенные места «*шэрээ*» — в «*обо*»

(досл.: «куча, груда, насыпь»), шаманский ритуал *«тайлган»* стал называться *«обо тахилган»*⁴⁴.

В Забайкалье отмечен также факт почитания плиточных могил бронзового века бурятами-буддистами. На Усть-Оротском могильнике в Кижингинском районе, состоящем из девяти могил и двух сторожевых камней, около одной оградки было найдено жертвенное приношение трех сложенных в кучу бронзовых ритуальных чашечек домашнего ламаистского алтаря⁴⁵.

МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ И РЕЛИКТЫ ИХ КУЛЬТОВОГО ПОЧИТАНИЯ

Говоря об эпохе бронзы — раннего железа Восточной Сибири, следует хотя бы кратко рассмотреть проблему культовых комплексов на могильниках ближайших сопредельных регионов. Эти выдающиеся памятники особенно зримо раскрывают сложную специфику древних святилищ всего лесостепного мира ранних кочевников. Особенно важно при этом подчеркнуть, что и там синхронные плиточным могилам и керексурам Забайкалья памятники поминального характера имеют реликты священного почитания современными народами.

Афанасьевское культовое место (ус. Кара-Коба I на правом берегу р. Урсул в Горном Алтае). Крупный могильник начала бронзового века. Среди скоплений небольших афанасьевских погребальных конструкций найдено жертвенное место, которое по своему внешнему виду мало отличается от других каменных наземных сооружений могильника.

В юго-западной части могильника выделяется оградка № 5, округлой формы, диаметром 3,54 м, составленная из вертикально врытых в землю сланцевых плит. Раскопками установлено, что внутреннее заполнение ограды завалено камнем и плитами, представляющими остатки провалившегося внутрь двухслойного перекрытия, причем все эти камни тщательно подобраны путем скалывания.

На глубине 0,80—1,05 м от поверхности под покрытием залегают культурные остатки: в центре — очаг в виде круглой ямки диаметром 0,64 м и глубиной до 0,25 м, заполненной углистой землей, обложенной по верхнему краю небольшими сланцевыми камнями, возможно, в два ряда. В очаге и возле него найдены костяное изделие, остатки истлевшего медного предмета, кости животных и керамика.

В восточной части ограды имелся второй культурный комплекс. Прежде всего это маленькая ограда треугольной формы из поставленных горизонтально сланцевых плит, уходящих нижним концом на 0,13—0,25 м в материковое дно большой ограды; боковые стороны «треугольника» (1,07 и 1,70 м) составлены из семи плит. Эта внутренняя оградка вплотную примыкала к восточной стенке внешней ограды. Заполнение состояло из завала камней, под которыми обнаружены фрагменты керамики и множество мелких костей животных (рис. 13).

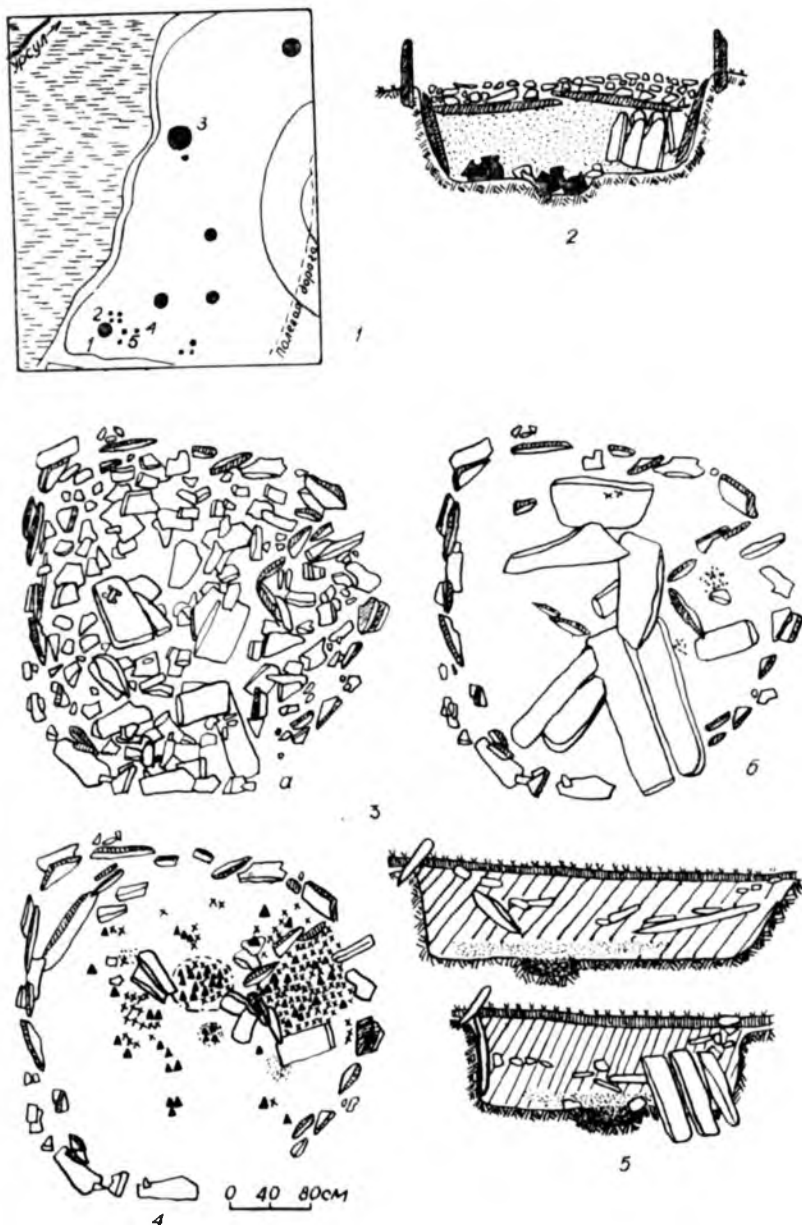

Рис. 13. Афанасьевское культовое место на могильнике Кара-Коба I (по В. Н. Владимирову и С. В. Цыбу).

1 — схематический план могильника (цифрами обозначены номера курганов); 2 — графическая реконструкция ограды № 5 (разрез); 3 — планы раскопа ограды № 5 (а — первый слой; б — второй слой перекрытия); 4 — горизонт культурных остатков; 5 — разрезы раскопа.

Исследователями этого интересного памятника В. Н. Владимирову и С. В. Цыбу удалось проследить последовательность сооружения жертвенного места на могильнике у с. Кара-Коба I. Прежде всего подготавливался котлован круглой формы, углубленный в материк, покатые стенки его выкладывались плитками. Затем сам котлован огораживался по внешнему периметру кромлехом из вертикально стоящих плит. На расчищенном дне котлована в центре сооружался очаг, а в восточной части — еще одна треугольная ограда. В очаге функционировал главный костер; но, кроме него, существовали, вероятно, и другие, менее мощные, кострища, о чем свидетельствует наличие углистых скоплений у южной и северо-западной границ большой ограды и у одной из стенок «треугольника». Вокруг очага в самой его ямке и в «треугольнике» устанавливались сосуды с пищей. Засыпка сооружения проводилась, вероятно, еще в момент функционирования костров, чем объясняется присутствие больших пятен обожженной земли в центре ограды. Поверх засыпки укладывались два слоя перекрытия. О существовании каких-либо дополнительных наземных сооружений пока ничего неизвестно, так как вся территория некрополя подверглась позднейшей распашке⁴⁶.

Достоверных аналогов культовому сооружению на афанасьевском могильнике Кара-Коба I пока не выявлено. Однако изучение материалов раскопок могильника Куюм, полученных С. М. Сергеевым и Г. Н. Сосновским, показало необоснованность их утверждения о некоем «куюмском селнице». Небольшая земляная насыпь была окружена «колыцевидным выступом камней», возвышающихся над ней на 0,20 м. Заполнение состояло из двухслойного настила из камней и плит, под которыми в слое бурой земли находки группировались преимущественно в восточной и западной частях раскопа. Поэтому авторы предполагают, что С. М. Сергеев и Г. Н. Сосновский исследовали сооружение, аналогичное кара-кобинскому, но не поняли его культового характера.

Давая интерпретацию описанной выше конструкции из Кара-Кобы, В. Н. Владимиров и С. В. Цыб обратили внимание исследователей на следующие специфические черты культового памятника:

1) ограда № 5 тесно связана с афанасьевским могильником, так как располагается на могильном поле в непосредственной близости от погребальных конструкций;

2) несмотря на ряд существенных конструктивных особенностей, ограда в общем соответствует стандартам сооружения погребальных комплексов афанасьевской культуры, к ним можно отнести наличие круглой ограды-кромлеха и перекрытия из сланцевых камней;

3) здесь отсутствует самый существенный элемент погребального сооружения — могильная яма, следовательно, данная конструкция не представляет ритуальной модели погребения (кенотаф);

4) количество и мощность костров в этом сооружении не совмещаются с его малыми размерами, если предположить, что оно являлось жилищем; кроме того, здесь отсутствуют детали, характерные для жилища (деревянные опоры, вход и т. д.).

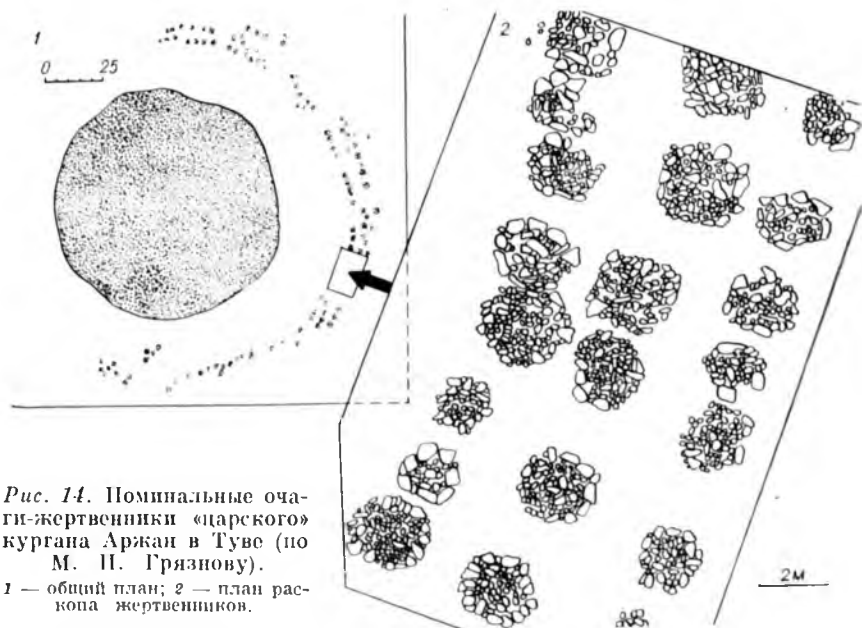

Рис. 14. Номинальные очаги-жертвенники «царского» кургана Аржан в Туве (по М. Н. Грязнову).

1 — общий план; 2 — план раскопа жертвенников.

«Все сказанное убеждает в том, что ограда № 5 могильника Кара-Коба I представляет собой культовое место афанасьевской культуры... Данная ограда была связана, вероятно, с культом предков и хронологически совпадает... со временем функционирования всего могильника... Существование культовых мест в афанасьевском могильнике не является, вероятно, единичным случаем... Следует напомнить, что пока ни один из афанасьевских могильников не исследовался полностью. В дальнейшем возможно обнаружение новых культовых конструкций этой эпохи, что поможет пополнить наши знания о жизни древних племен», — пишут В. Н. Владимиров и С. В. Цыб⁴⁷.

Аржан (Тува) представляет собой едва ли не самый древний памятник подобного типа. Это самый большой по диаметру (диаметр 120 при высоте 3—4 м) курган в Туве раннескифского времени (начало VIII в. до н. э.), состоящий из огромной системы деревянных камер-срубов (70 шт.), заполненных костяками лошадей, и центральной камеры с захоронением вождя и слуг. До засыпки земляного кургана он представлял круглую деревянную платформу высотой 2,50—3,0, диаметром 80 м, общей площадью 5 тыс. м². Вокруг кургана помещалось еще 29 погребений рядовых слуг.

Жертвенный комплекс Аржана состоит из нескольких сот круглых очагов-жертвенников и оленного камня в юго-восточной части от кургана. Расположенные в три полуовальных ряда, эти жертвенники содержали внутри в основном кости лошадей, остатки шкур коня с черепами и костями ног (рис. 14). Подсчитано, что на месте тризны, в которой принимало участие не менее 10 тыс. чел., было

съедено около 300 лошадей. Примечательно, что святилище на вершине кургана Арикан действовало вплоть до первых десятилетий XX в.⁴⁸

Таштыкские поминальники. Они занимают особое место на могильниках таштыкского времени (например, Тепсей на Енисее). Они представляют собой множество небольших стел высотой до 1 м, расположенных без видимого порядка, но все они ориентированы по оси юго-запад — северо-восток. У подножий всех выявленных стел имеются специальные поминальные ямы, заполненные остатками жертвенных приношений, которые довольно статичны: ритуальный горшок + кости жертвенных животных (овцы, реже лошади и коровы). В двух случаях наблюдались остатки древесного тлена (только на дне или поверх костей), которые могут представлять остатки деревянной посуды (корыта, блюда) и крышки ям. У склепа № 4 яма имела глубину 70, диаметр около 60 см. Стенки ее обложены плитками на высоту до 40 см, крышку также представляли плитки камня. Имеются случаи и человеческих жертвоприношений (рис. 15).

Общее число поминальников на жертвенном месте таштыкского могильника Тепсей при раскопанной площади 400 м² составляет 65 шт., всего же здесь может быть 250—300 памятников. Авторы раскопок на горе Тепсей считают, что люди собирались на жертвенном месте могильника для отправления поминок 250—300 раз⁴⁹, т. е. на протяжении трех столетий. «Завершалось все тем, что в ямку зарывали уделяемому поминаемому напиток, мясо и другую съедь, а около ямки водружался каменный или деревянный столб»⁵⁰.

Э. Б. Вадецкая, раскопавшая много таштыкских поминальников, также считает, что они представляли собой длинные параллельные ряды камней, иногда высоких, установленных по краю кладбища: «Перед ним устраивались ежегодные поминки. Между плитами и в их основании клали приношения: один-два сосуда с напитком, несколько кусков баранины или говядины»⁵¹.

Тагарские «дома мертвых». В VI—III вв. до н. э. на севере хакасских степей и в сопредельных регионах появляются так называемые *дома мертвых*, по своей конструкции очень напоминающие позднейшие древнетюркско-поминальные (храмовые) комплексы. Они представляют собой полуподземные рубленные из дерева дома-склепы, огороженные забором из частокола и дерна. Эти дома площадью от 15 до 30 м² служили усыпальницей для определенного знатного рода. Трупы вносили в склеп и укладывали на специальные лежанки. Внутренняя часть огороженной площадки посыпалась мелким гравием или утрамбовывалась глиной (рис. 16, 17).

А. И. Мартынов, проводивший раскопки ряда подобных памятников, пришел к выводу, что такие жертвенно-поминальные комплексы действовали много десятков лет, пока помещения-склепы не заполнялись трупами умерших родственников. Все это время на огороженной площадке проводились разнообразные ритуальные действия, связанные с погребением и почитанием умерших. В частности, здесь сжигали трупы, проводили посмертную трепанацию черепов, изготавливали скульптурные портреты и погребальные мане-

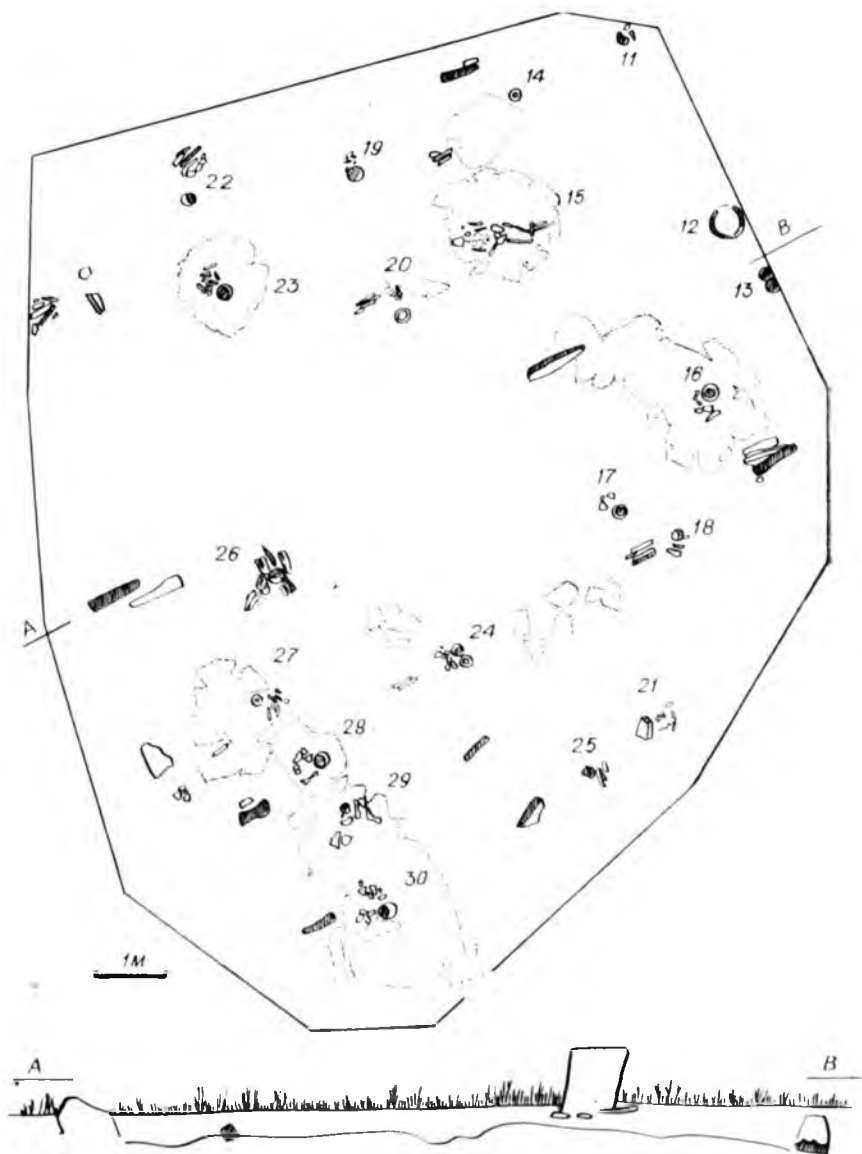

Рис. 15. Таштыкские поминальники. Тепсей III. План и разрез раскопа Б нижнего горизонта (по М. П. Грязнову).
 Контуrom показаны очертания каменных покрытий над поминами.

кены. Поклонение умершим проводилось у подножий идолов-мане-
 кенов с портретными скульптурными головами, находившихся под
 легкими наземными помещениями-храмами. С завершением господст-
 ва царствующего рода или по мере заполнения склепа трупами жерт-
 9*

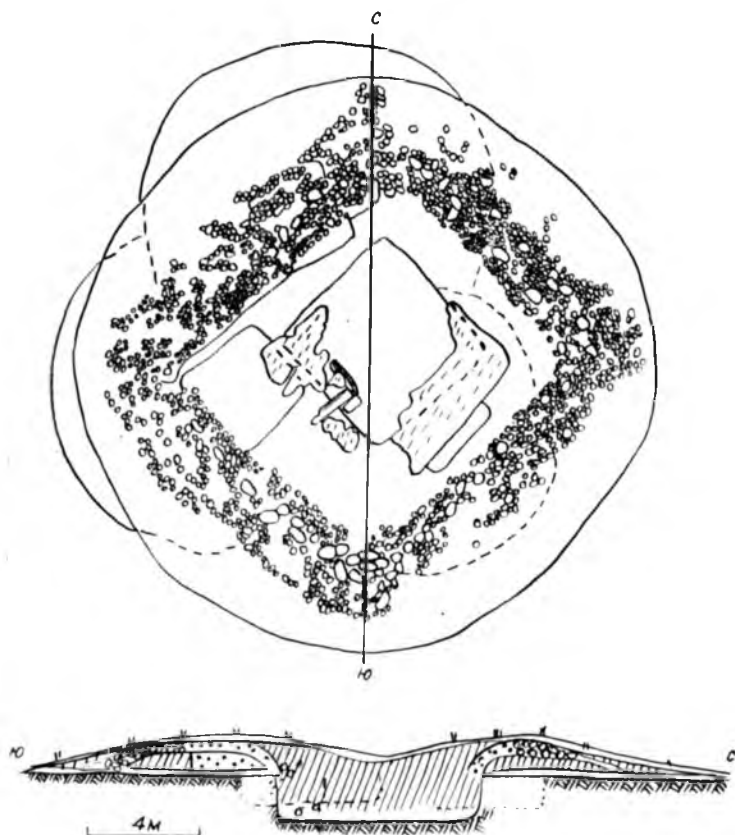

Рис. 16. Тагарский «дом мертвых». План и разрез кургана № 4 на оз. Утинка (Кемеровская область) (по В. В. Боброву).

венное место сжигалось и засыпалось большим земляным курганом.

Как и в аржанском жертвенном комплексе, вокруг «домов мертвых» находятся многочисленные захоронения рядовых тагарцев, склепы которых имели аналогичную конструкцию, но в миниатюре⁵². Похожие конструкции имели другие могильные сооружения эпохи бронзы и раннего железа данного региона⁵³.

Во II—I вв. до н. э. появляется уже несколько типов коллективных погребальных сооружений: 1) погребальные камеры тагарского типа; 2) усеченно-пирамидальные погребальные камеры с двойными стенами; 3) склепы с наклонными столбами, имевшие сруб и частокол-ограду⁵⁴.

Исследователи Северной Азии, прибывшие в Сибирь в составе первых академических экспедиций XVIII в., а также местные краеведы XIX — начала XX в. сразу же обратили внимание на культовое почитание древних могильников, а особенно человеческих каменных изваяний коренным населением. Наблюдения эти наиболее полно

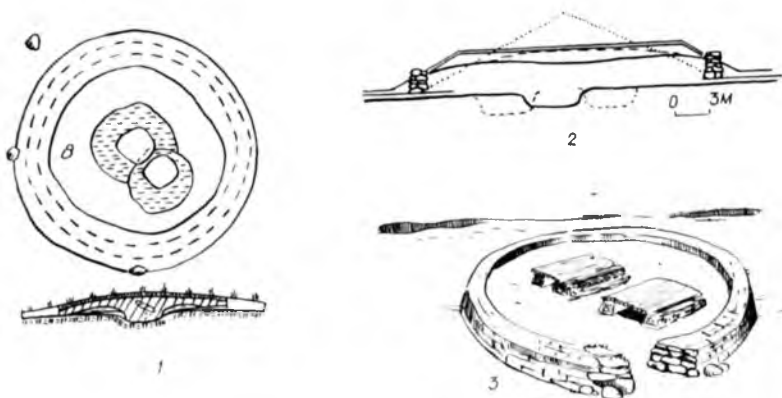

Рис. 17. Тагарский «дом мертвых» (по А. Н. Мартынову).
 1 — план и разрез кургана с деревянной оградой; 2 — возможные варианты реконструкции наземного кургана; 3 — реконструкция первоначального вида кургана (культового места) на могильнике.

сделаны преимущественно в двух регионах Восточной Сибири — в Забайкалье и в долине р. Енисей (в Хакасии и Туве).

Изваяния эти, уже значительно пострадавшие от времени и непогоды, вызывали страх и почитание у местных жителей. Хакасы, к примеру, называли эти камни истуканами, идолами, старушками, девицами, чертями и т. д. Не зная, кому и кем были воздвигнуты эти каменные скульптуры, хакасы тем не менее относились к ним со священным трепетом: совершая жертвенные приношения, клали у подножия истуканов пищу, мазали рты сметаной, салом, кровью животных. Вот что, например, писал в свое время енисейский губернатор А. Степанов: «Грубые старухи, девки, бабы (камни) не стоят на могилах (имеется в виду современных. — А. Т.), не составляют подобных памятников, а составляют предмет чествования для татар-идолопоклонников, как угодники или покровители в хорошем улове зверя и в сохранении и приплоде скота»⁵⁶.

Наибольшим почитанием у хакасов пользовалась так называемая Аскизская бабушка, стоявшая на одном из древних курганов близ с. Аскиз. Местные жители называли ее Улук-Куртуяк-таш, что означает «Большая старуха-камень». Еще в начале XVIII столетия Д. Г. Мессершмидт наблюдал обряд поклонения каменному изваянию: «Каждый из них три раза ездил вокруг нее и по совершении церемонии клал у подножия под траву часть своего провианта, чтобы статуя могла питаться сообразно своему аппетиту»⁵⁶. Высеченная из серого песчаника, статуя «Аскизской бабушки» имела на спине рельефно выступающую толстую косу, точно такую, какие еще в недавнем прошлом носили калмыцкие и татарские женщины. Д. Г. Мессершмидт узнал от местных жителей историю Улук-Куртуяк-таш: «Эта Куртуяк была важной особой и Кайраханом, или всемогущим богом, превращена в камень, и теперь в память ей оказывают различные почести»⁵⁷. Современные хакасы, впрочем, рас-

сказывают об этой почитаемой святыне целую серию мифологических преданий⁵⁸.

В середине прошлого века «Енисейские губернские ведомости» отмечали почитание «Аскизской бабушки» как божества общеплеменного значения: «Отправляясь на звериный промысел или проезжая мимо, иногородцы подходят к каменной старухе с поклоном, обливают ее молоком или айраном, а выпуклое, грубо изваянное лицо истукана с большим отверстием-ртом обмазывают салом и сметаной с таким усердием, что рот ненасытной старухи почернел от жирного слоя разных веществ. Если промысел был неудачен, то некоторые в негодовании от обманутых надежд наказывают истукана плетью или палкой»⁵⁹.

Любопытно, что, даже когда «Аскизскую бабушку» в 60-х гг. XIX в. вывезли из степи и поставили во дворе Абаканского краеведческого музея, ее продолжали посещать и «кормить» старые хакашки. Бытует легенда о молодом «татарине», который посмеялся над каменным истуканом, за что «бабушка» закружила его в тайге так, что несчастный сбился с дороги и «погиб бы с голоду, если бы его не выручил случайно наткнувшийся на него золотоискатель»⁶⁰.

Подобным образом в Хакасии почитались многие другие «каменные бабы» и стелы, стоящие на древних кладбищах. Указание Д. Г. Мессершмидта на ритуал троекратного хождения вокруг таких изваяний дает основание связывать бытовавший обычай «кормления» идолов с традиционным у сибирских народов поминальным культом. Следовательно, почитание хакасами каменных изображений человека не всегда можно рассматривать как отражение слепого страха перед древними святынями.

Святыни на вершине «царского» скифского кургана Аржан на Енисее, к примеру, действовало вплоть до первых десятилетий XX в., о чем свидетельствуют остатки буддийской часовенки, священный родник и комплекс современных жертвоприношений. Старики-хакасы помнят, как сюда ежегодно на праздник «надом» собиралось множество народа. Исследовавший курган Аржан М. И. Грязнов даже допускал мысль о трансформации почитания обряда скифского вождя, некогда похороненного здесь⁶¹.

Правоту данного тезиса убедительно подтверждают материалы археологических раскопок. Так, например, жертвенное место на таштыкском могильнике Тепсей на Енисее насчитывает до 250—300 жертвенников, означающих, что оно действовало на протяжении почти 300 лет, или десяти поколений. Такой же материал дают и так называемые тагарские «дома мертвых» — огромные коллективные усыпальницы сотен умерших родственников. Жертвенно-поминальные комплексы таких мест действовали десятки, а может быть, и сотни лет, пока сруб-склеп не заполнялся трупами, после чего на кладбище сооружался новый «дом мертвых».

Доказательством длительной традиции почитания древних кладбищ служит хорошо изученный факт присутствия разновременных надписей и рисунков на стелах и каменных изваяниях. Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев считают, что хакаские тамги выбиты на по-

читаемых высоких менгирах и плитах таких огромных курганов, как царские усыпальницы в Салбыкской долине. Множество там имеется на плитах разнообразных древних курганов тагарской культуры (Аскиз, Бельтиры, Кызласов, Доможаков, Орак и другие улусы)⁶².

О рисунках, сделанных на древних курганных плитах, писал П. Е. Островских: «В „Могильной степи“ между селами Аскизом и Усть-Есицким часто попадаются на курганных камнях новейшие выбивки, тождественные древним, делаемые в досужее время пастухами... Более всего эти современные скульпторы выбивают, конечно, куском булыжника изображения человека»⁶³.

Выбитые хакасами изображения на отдельно лежащих плитах по склонам гор Оглахты видел А. В. Андрианов⁶⁴. В 1913 г. А. Н. Ермолаев нашел близ оз. Ширы и затем доставил в Красноярский музей плиту с древнего тагарского кургана, на которой красной краской были выполнены хакасские рисунки: летящие птицы, деревья, шаман с бубном, солнце, горный козел, косуля, олень и медведь⁶⁵.

С. В. Иванов писал, что «хакасы выбивали фигуры на древних курганных памятниках и на новейших надгробиях... К сожалению, подобного рода изображения остались неопубликованными, а может быть, и несобранными... Наносились ли они с целью подражания древним петроглифам и писаницам, которыми так богата Хакасия, или делались с какими-то иными целями — остается неизвестным»⁶⁶.

В Туве зафиксирован факт установки аналогичных каменных изваяний в честь наиболее уважаемых умерших сородичей. Однако, по мнению С. Н. Вайнштейна, он основан на недоразумении, так как это утверждение не было позже подтверждено материалами тувинской этнографии. Этот же исследователь говорит о вторичном использовании древними тюрками оленных камней, как, например, Туранского, Овюрского и второго Сайгынского, на которых имеются рунические надписи⁶⁷, о почитании тувинцами еще в начале XX в. древних каменных изваяний⁶⁸.

К ВОПРОСУ О ТИПАХ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ НА МОГИЛЬНИКАХ

Сегодняшнее состояние знаний о могильниках эпохи бронзы — раннего железа Восточной Сибири позволяет пока говорить преимущественно о так называемых плиточных могилах Забайкалья, побережья Байкала и Приангарья. Заметные различия в топографии, конструкциях наземных сооружений, возможно, в погребальном обряде свидетельствуют о сложном этническом составе племен, оставивших эти памятники, и, вероятно, об относительной неодновременности данного типа могильников.

Могильники эпохи бронзы — раннего железа Восточной Сибири издавна пользовались культовым почитанием коренным местным населением. При этом особое внимание уделялось оленным камням, «каменным бабам» и другим древним изваяниям. Есть мнения спе-

циалистов, что здесь видим не только факт суеверного отношения местного населения к могильникам предков, но и в ряде случаев даже трансформацию древних поминальных обрядов.

Первые же археологические раскопки могильников и культовых мест при них путем снятия широких площадей некрополей дали фактическое подтверждение этой гипотезе. Сразу же напомним, что жертвенное место на таштыкском могильнике Тепсей на Енисее, к примеру, действовало на протяжении 300 лет, или 10—12 поколений. Подобная же картина выявилась и на тагарских «домах мертвых». Эпиграфика эпохи средневековья продолжает эту традицию вплоть до этнографической современности, а современные наблюдения — до наших дней.

Что касается непосредственно плиточных могил Восточной Сибири, то и здесь уже появились данные, во многом согласующиеся с енисейскими материалами. В. В. Свинным обнаружен факт жертвенного приношения курыканским населением на плиточных могилах Байкала, а бурятами — на курыканских кладбищах.

В этой связи древний культ Даян-дэрхэ, весьма распространенный среди бурят Южного Забайкалья и монголов восточнее оз. Хубсугул, можно назвать реликтом почитания духов плиточных могильников, поскольку объектами поклонения являются оленные камни, олицетворяющие конкретные мифологические персонажи (окаменелые статуи первошамана Даян-дэрхэ).

Таким образом, мы видим перед собою факт традиционности почитания древних памятников аборигенным населением Восточной Сибири, а еще точнее — свидетельство угасающей жизни культовых мест от эпохи бронзы — раннего железа до современности. Наблюдаемые сегодня обряды и образы являются отголосками того религиозно-мифологического представления, которое существовало у скотоводческих племен Восточной Сибири и Центральной Азии в эпоху расцвета культовых мест на плиточных могильниках. Все это, естественно, в некоторой степени облегчает решение проблемы типологии древних святилищ. Теперь можно считать установленным, что плиточные могильники Восточной Сибири имели сложную систему культовых мест.

1. Территория некрополя как священное место. Любое кладбище как в древности, так и в современности считалось священной территорией, на которой живут души умерших предков. Ограждение мира мертвых от мира живых осуществляется забором. На Енисее прекрасным примером тому являются «дома мертвых» — коллективные родовые усыпальницы тагарцев, огороженные забором из частокола и дерна. В Восточной Сибири некрополи плиточных могил широкими площадями практически еще не раскапывались, а поэтому данных на сей счет не имеется. Однако фактическим свидетельством подобных ограждений служат до сих пор непонятные археологам цепочки камней, опоясывающие могильники со всех сторон и «прижимающие» их к скалам (например, Хайласан в устье р. Хилек). Территория некрополя могла ограждаться и деревянным забором. Но скорее всего по аналогиям со старинными бурятскими кладбищами священ-

ная территория мертвых отделялась от территории живых людей условно по каким-то ориентирам на местности.

2. Каждое погребение — индивидуальное (семейное) микросвятылище. Сама погребальная традиция — это сложная церемония предания тела умершего земле, совершение поминальной тризны и последующего «кормления» души погребенного. Мы не рассматриваем сейчас сам обряд похорон, поскольку он нуждается, помимо констатации находимых артефактов, в философском осмыслении. Укажем только, что после предания тела земле каждая могила мыслится неким микросвятылищем для той или иной семьи, откуда происходил покойный. В этой связи оно имело одно или несколько культовых мест: а) внутри каменных ящиков над плитами погребения, куда укладывались черепа и кости жертвенных животных, ритуальная посуда, пища и другие жертвенные приношения; б) возле могилы, чаще всего у каменных изваяний или сторожевых камней.

3. Общеродовые святилища применительно ко всему некрополю. Они представляют собой на некрополях центральные культовые места, почитаемые всем родом. Отсюда начинается, или, наоборот, заканчивается церемония почитания душ умерших каждой семьей. Как правило, такие святилища продолжают действовать даже тогда, когда некрополь прекращает свое существование в связи с вымиранием всего рода или по другим причинам. Теперь они представляются тем местом, где люди обязаны умиротворять души предков, переходящих в ранг хозяев местности.

Как правило, это особые площадки на могильниках, где сосредоточены оленные камни, камни-коновязи, сторожевые и иные камни, под которыми совершались жертвенные приношения. В Монголии, а сейчас найдены примеры и в Забайкалье (Хайласан, Суслово, Танхар Удинский, Иволгинск и др.), такие камни как материальное воплощение образа умершего сопровождаются множеством очагов, разнообразных каменных сооружений, назначение которых еще не совсем ясно. Однако отмечено сходство подобных сооружений с теми каменными выкладками («дорожками»), которые имеются на шаманских обо этнографической современности. С этими культовыми комплексами и связан многочисленный жертвенный материал: части животных (в основном их шкуры с головами и ногами), посуда, орудия труда.

Разнообразна, но не полностью изучена картина древних культовых мест в долине Енисея. Классическими формами таких сооружений являются культовые места афанасьевских могильников, жертвенники на раннескифском «царском» кургане Арикап в Туве, таптыкские поминальнички, тагарские «дома мертвых». Но и там они связываются с каменными изваяниями, очагами и разнообразными жертвенными приношениями.

Исключительно важный материал в деле реконструкции древних святилищ на могильниках обещают дать планомерные раскопки керексуров Восточной Сибири. Может так случиться, что они окажутся культовыми комплексами мегалитического характера. Пока они условно связываются с могильниками, рисуют сложную и устояв-

шуюся традицию жертвенных приношений, культовых действий и, видимо, религиозно-мифологических представлений. Однако керексуры и сопровождающие их культовые объекты, возможно, выделяются в особый тип древнего святилища, по характеру назначения близкого к шаманскому обо. Их мегалитический характер, рассчитанный на участие сотен и тысяч людей, скорее всего свидетельствует о почитании здесь не столько духов местности, природных явлений и т. д., сколько духов более высокого ранга, связанных с небесной стихией, божествами общеродового или общеплеменного значения.

Факт существования культовых мест на могильниках эпохи бронзового — раннего железного веков и связанных с ними обрядовых поминальных церемоний находит подтверждение в этнографии аборигенных народов Восточной Сибири.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ НА МОГИЛЬНИКАХ

Этнография хорошо свидетельствует о функционировании культовых мест на могильниках современных народов Восточной Сибири. У бурят, к примеру, существовал обряд похорон — *хүдээлуулгэ*, участие в котором принимали только близкие и друзья мужского пола. Он состоял помимо самого процесса погребения умершего в последующей поминальной трапезе непосредственно на кладбище, которая затем стала проводиться в доме умершего.

Кроме данного обряда существовало еще несколько.

1. *Тойрохо* — прощальный круг вокруг могилы усопшего после захоронения.

2. *Эрхэхэ тойрохо* — прощальный трехкратный обход слева направо места, где только что похоронили покойника.

3. *Угэйлэхэ* — обряд поминовения покойника по случаю приезда родственника, не принимавшего участия в похоронах.

Существенной частью обрядов на родовых кладбищах было следующее.

1. *Удха узуурта* — периодическое угощение духов — предков рода.

2. *Убсуу шатааха* — жертвоприношение поджаренной на ритуальном огне бараньей грудинки владыке загробного мира.

3. *Хойлго* — забивание или привязывание к сэргэ-коновязи у могилы жертвенной лошади, на которой везли умершего.

Устраивание поминальных триз на могилах предков или вообще умерших преследовало цель не допустить блуждания их душ среди живых людей. По поверьям бурят-шаманистов, души — предки рода ждут от своих потомков периодических угощений. В случае неудовлетворения их желания они якобы препятствуют продолжению данного рода вплоть до его вымирания. Точно так же *халуунай* — дух трагически или внезапно умершего в юношеском воз-

расте человека — нередко тревожит близких родственников, причиняя им болезни, тем самым напоминая о том, что нужно провести обряд его угощения⁶⁹.

В момент «встреч» с покойником тувишцы, например, на кладбище «раскладывали костер и ставили около него различную пищу... Шаман начинал шаманить, приглашая к костру умершего». Такие тризны проводились на третий, девятый, двенадцатый, сороковой, полугодовой и годовой день⁷⁰. «Аналогичный обряд, очевидно, существовал и у племен культуры плиточных могил, чья этногенетическая связь с тюркоязычными народами, по мнению целого ряда исследователей, прослеживается довольно четко»⁷¹.

Поскольку родовые кладбища пополнялись все новыми захоронениями, проведение ритуального обряда «поминок» становится традиционным, а это, в свою очередь, обуславливало функционирование жертвенного места на могильнике в течение долгого времени. Даже в том случае, когда образы умерших забывались, родовое кладбище все еще представлялось местом обитания духов — предков рода, постепенно становившихся хозяевами данной местности, которые требовали жертвенных приношений взамен на удачу. Для чужеплеменников, как это мы показали на примере культа могил «хара-монголов» (курыкан) среди современных бурят Ольхона, «хозяева» древних некрополей становились злыми духами, которых нужно было все время задабривать.

В русской этнографии жертвенному месту на общинном кладбище соответствовала часовня, в которой перед каждым новым погребением проводили обряд отпевания усопших. Кроме этого, существовали «семейные» жертвенные места на каждой отдельной могиле или группе могил родственников, на которых регулярно, из года в год, проводился обряд поминания предков (в «родительские» дни).

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Плиточные могильники Восточной Сибири имеют три типа культовых мест: а) территория некрополя как священная территория в целом; б) каждое погребение — индивидуальное (семейное) микросвятынище; в) общеродовое святилище применительно ко всему некрополю.

2. Видимыми следами древнего культового места являются ограды, особые скопления с каменными сооружениями (изваяниями), очагами, «дорожками», комплексом жертвенных приношений (для третьего типа) и жертвенного приношения внутри или около отдельных могильных сооружений (для второго типа).

3. Отдельные реликты ритуальных действий на культовых местах могильников эпохи бронзы — раннего железа сохранились до наших дней среди бурятского населения Забайкалья.

2. КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА У ПЕТРОГЛИФОВ

ОПОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Археологическими экспедициями Института общественных наук БФ СО АН СССР, а затем и Этнографического музея народов Забайкалья под руководством автора были не только обследованы все ранее известные петроглифы и обнаружены новые (сейчас их общее количество насчитывает до 150 местонахождений), но и предприняты шурфовки и раскопки на целом ряде пунктов, в основном на местах, где жительство древних поселенцев в известной мере может исключаться (в горах, на перевалах, у подножий труднодоступных скал, в скальных расщелинах и т. п.)⁷². Произведенные раскопки показали, что у подножий всех «селенгинских» петроглифов имеются следы ритуальных жертвенных приношений.

Рассмотрим несколько таких примеров.

Додогол (долина р. Уды). Небольшая скала высотой до 5 м, с группой рисунков бронзового века и тамгообразными знаками более позднего времени. У подножия юго-восточной части скалы имеются несколько плиточных могил и керексуры. Ближе к скале, особенно около ее подножия, расположена большая группа каменных выкладок кольцеобразной формы, которые первоначально были приняты по внешнему виду за надмогильные кладки эпохи поздних кочевников. Однако раскопки одной из них показали, что мы имеем дело с очагами-жертвенниками. Внутри овала из камней диаметром 0,60 м на глубине 0,20 м был раскопан слой золы и углей с обожженными костями жертвенных животных, керамикой раннего железа, обгоревших стволиков деревьев. Дальнейшие раскопки в разных местах местности показали, что близ Додогола имеется крупное святилище. Основу его составляет невысокая скала с типично «селенгинскими» красочными рисунками эпохи бронзы — раннего железа и тамгообразными знаками, возможно древнетюркского времени, выбитыми на вершине утеса. Вокруг него располагаются плиточный могильник и керексуры, с юга опоясывает цепь больших каменных очагов-жертвенников круглой формы из восьми камней.

Проведенная у подножия скалы шурфовка (1,0×2,0 м) дала два слоя жертвенных приношений в виде фрагментов обожженных костей. В нижнем слое обнаружена каменная ножевидная пластинка.

Большие раскопки (16 м²) были проведены на вершине скалы, имеющей вид крупных выступающих глыб камня, напоминающих естественную очажную обкладку. Именно это обстоятельство и позволило устроить здесь большое кострище-жертвенник. При весьма незначительном культурном слое вскрыты довольно мощный слой золы, углей и масса неопределимых расколотых и обожженных костей, среди которых встречаются зубы лошади. Тот же жертвенный материал имелся и в прилегающих к кострищу скальных щелях. Там же найден фрагмент сосуда эпохи раннего железа. В одной из самых крупных изолированных ниш обнаружены следы трупосожжения ребенка (ритуальное жертвоприношение?) — преимуществен-

но это очень мелкие и сильно обожженные фрагменты черепа, молочный зуб, часть бедренной кости и несколько фрагментов круглых железных пластин со следами заклепки посередине, крохотный нож и другие нашивные бляхи.

Санний Мыс (долина р. Уды). Петроглиф на Санном Мысу обнаружен в средней части скалы, которая вплотную подступает и как бы нависает над жилищем палеолитического человека. В эпоху бронзы и раннего железа, когда жилище было покрыто толстым слоем песка, скальные плоскости с основной массой рисунков образовывали подножие утеса. Теперь же, когда этот слой песка убран во время раскопок, наскальные композиции оказались высоко.

До недавнего времени скала с рисунками на Санном Мысу была почитаема бурятами, о чем говорят остатки жертвоприношений, а также разрушенное обо на вершине утеса.

Рисунки, выполненные красной охрой, частью разрушены и не всегда прослеживаются четко. Из наиболее интересных композиций можно отметить рисунок шамана на вершине утеса и изображения человеческих фигур у подножия.

Изучение разреза по стенке раскопа показывает, что от уровня палеолитического жилища до современного подножия скалы залегает довольно мощный слой (до 5,0 м серого песка и скального щебня крупной фракции разрушаемого утеса). Только в верхней части осыпей имеется небольшой слой (до 0,75 м) рыхлых отложений, который подразделяется на светло-бурую и темно-серую супесь, причем последний слой наиболее мощный (до 0,50 м). Именно в нем и встречается жертвенный материал: обломки крупных трубчатых костей с явными следами рубки и каменная индустрия в виде крупных и мелких обработанных кусков сланца, кремня и халцедона. Там же найдены два скребка, отщепы и фрагмент керамики бронзового века с характерным штампом «рубчатая лопаточка».

У подножия утеса имеется большая группа плиточных могил (на Удинском Танхаре их три), частично раскопанных А. П. Окладниковым. Не располагая материалами его исследований, отметим, что в отвале одной из таких могил обнаружена керамика с четко выраженным «вафельным» орнаментом. Наши исследования открыли вблизи петроглифа еще один могильник эпохи позднего средневековья.

Шубугуй (долина р. Шубугуй, притока Уды). Наскальные рисунки на правом берегу р. Шубугуй впервые опубликованы А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской⁷³. В 1977 г. при осмотре подножия утеса с древними рисунками была собрана большая коллекция разновременного материала. Он происходит из откоса проселочной дороги, ведущей к мосту через р. Шубугуй и прилегающей непосредственно к подножию скалы. Стратиграфия разреза следующая.

	Мощность, см
1. Дерн слабый, с редкой травой и валунами	1
2. Супесь серо-коричневая со скальным щебнем и валунами	50
3. Супесь бурая с мелким скальным щебнем и редкими валунами	до 100

В 1979 г. была предпринята попытка заложить шурф непосредственно у подножия скалы с рисунками, но сразу же под дерновым слоем и мелким щебнем пошли крупные валуны, упавшие с утеса. Между двумя валунами найден превосходный наконечник стрелы из халцедона.

Как показало обследование разреза 1977 г., жертвенные остатки находятся только в третьем слое, нижняя граница которого не отработана ввиду крупных валунов. Коллекция подъемного материала состоит в основном из кремневых, халцедоновых и сланцевых отщепов разных цветов и оттенков. Из этого же материала состоят многочисленные ножевидные пластинки и два скребка асимметричных форм. Костный материал принадлежит крупным животным: обломки больших трубчатых костей, зуб и астрагалы лошадей, фрагмент рога (косули, козла?), а также кости птиц. Почти все они обожжены. На наличие в прошлом кострищ говорят кусочки древесного угля. Из более поздних жертвенных приношений следует отметить кусочек плавящего стекла. Скала Шубугуй и найденный на противоположной стороне реки петроглиф Шубугуй-2 в прошлом почитались бурятами улуса Улан-Одон, находящегося неподалеку. Вблизи петроглифов расположен интересный крупный могильник эпохи бронзы и раннего средневековья.

Ангир (долина р. Курбы, правого притока р. Уды). Писаница находится в 4 км ниже улуса Ангир. Описана и опубликована А. Н. Окладниковым и В. Д. Запорожской⁷⁴. У местного населения этот камень пользовался религиозным почитанием и носил название «скотного двора» («Малтай-Шудун»), так как на нем «нарисован скот». Рядом с писаницей высокий утес, на вершине которого найдено почитаемое местными бурятами обо с остатками современных жертвенных приношений. На скальных плоскостях выбиты и нарисованы тексты буддийских молитв, под которыми лежат обрывки священных книг и икон. Между утесом и петроглифом зафиксирован небольшой могильник эпохи бронзы и раннего железа.

У подножия петроглифа был заложен небольшой шурф (0,50 × 0,50 м), который показал мощный культурный слой (до 0,50 м) древнего жертвоприношения — это кости крупных животных. Среди них наиболее интересен фрагмент большой трубчатой кости с явными следами рубки. Встречено также много фрагментов лопаток и зубов. Часть костей обожжена. О наличии кострища говорят кусочки древесных углей и слой сажки. Керамики и орудий не обнаружено.

Бэйзэгтуу (долина р. Селенги). История исследования петроглифа Бэйзэгтуу близ ст. Ганзуринго описана А. Н. Окладниковым и В. Д. Запорожской⁷⁵. Они же отметили такой интересный факт, что наскальные рисунки в этой местности отличаются от прочих композиций Забайкалья особенно крупными размерами. Поблизости от петроглифа на вертикальной стене цели одного из ближайших утесов сохранились строчки молитвы на древнемонгольском алфавите: «Большому хозяину... за тот [твой] подлинный рисунок [портрет]... благодарствую»⁷⁶.

Забайкальские буряты относят начало почитания, по легендам, ко времени Чингисхана, причем указывают, что данную надпись монгольский завоеватель начертал собственной рукой ⁷⁷.

Для выяснения характера древних жертвоприношений у подножия петроглифа был заложен шурф (1,0×0,70 м), который на глубине 0,50 м вскрыл остатки очага средних размеров. Крупные камни, выложенные полукругом, ограничивали распространение древнего кострища. Обнаружены разновременные находки.

Керамика встречена двух типов. Наиболее древний тип представлен орнаментом, характерным для бронзового века (штамп в виде налегающих жгутов, оставленных рубчатой лопаточкой). Керамика этого типа тонкостенная, принадлежит одному сосуду, по всей вероятности триподу, так как три склеенных обломка показывают общую конфигурацию черепков, типичных как раз для жертвенных сосудов.

Наиболее многочисленна керамика более позднего времени, но лежащая рядом с черепками бронзового века. Этот тип керамики принадлежит к разным сосудам, из которых мы пока выделяем три. Первый из них сравнительно тонкостенный, без орнамента, но с горизонтальным дном. Судя по одному из черепков, в районе венчика он имел рельефную полосу, перехваченную зацепами. Примечательно, что и края ровного плоского венчика также перехвачены зацепами. Второй сосуд тонкостенный, без орнамента. Венчик его прямой, слегка овальный по внешнему и внутреннему краям. Третий сосуд этого типа толстостенный, орнамент приближается к хуннскому — еще заметный ряд широких горизонтальных полос, выполненных техникой лощения, и сплошной ряд мелких, но относительно глубоких полос, прочерченных в вертикальном порядке.

Обнаружены камни, обработанные рукой человека: четыре — на дне очажной ямы и два — на очажных камнях. Это крупные отщепы и расколотые по частям гальки из черного лидита — обычного материала, из которого изготовлялись многие орудия каменного века за Байкалом.

Кости обнаружены в центре кострища. Из огромной массы обломков определяются кости дикой козы, домашнего барана, лошади. Много фрагментов бараньих лопаток и черепных костей животных среднего размера (баран, собака или коза). Некоторые трубчатые кости (целые или фрагменты) имеют четкие следы рубки или удара по ним тяжелым предметом. На некоторых, кроме того, видны следы легкого обжига.

Железная пряжка также обнаружена на дне очажной ямы. Аналоги ей встречаются в материалах раскопок хуннских могил Забайкалья.

Омулевка (долина р. Селенги). Петроглиф находится на вершине перевала между р. Селенгой и с. Тарбагатай, в 150 м левее шоссе-ной дороги, ведущей из г. Улан-Удэ. Здесь на фоне горного лесного массива среди небольшой равнины перевала привлекает внимание красивый останец, похожий на «перья» знаменитых Красноярских Столбов. На южной и восточной сторонах скалы были обнаружены

древние рисунки, выполненные красной охрой и характерные для «селенгинской» группы изображений Забайкалья.

В 1977 г. у подножия утеса было заложено три шурфа, два из которых (у южной стороны) имели размеры $0,50 \times 0,50$ м, а третий (у восточной стороны) — $1,0 \times 2,0$ м. Наиболее интересным оказался последний шурф возле наиболее крупных валунов и рисунков. После маломощного несложившегося дерна с редкой степной растительностью пошел черный щебень со следами угольков мощностью 0,25 м. Изредка попадались хорошо сохранившиеся угольки разной фракции. Найдено два осколка обожженной кости. Слой лежал на расплывшемся кострище в виде особо черной супеси линзовидной формы, в котором имелись многочисленные сажистые остатки и угольки. Под кострищем начался желтый песок мощностью около 1,0 м без угля, причем непосредственно под кострищем лежал обломок крупной кости плиоценового возраста. Еще глубже, на 0,50 м, были мелкие обломки других костей. Метровый слой песка подстилал крупные обломки камней, лежащие, вероятно, на древнем цокольном основании. Из вещественных остатков ничего не найдено. Только в 10 м ниже по склону был поднят крохотный обломок халцедоновой ножевидной пластинки. В 1985 г. автором и А. П. Мазиным непосредственно у плоскости скалы заложен раскоп ($2,0 \times 6,0$ м), который вскрыл компактное скопление горшков эпохи бронзы — раннего железа. Там же встречены бронзовые пуговицы и другие предметы.

Янгажинский дацап (долина р. Оронгой). Писаница вблизи бывшего Янгажинского дацана, 51 км от Улаан-Удэ по Кяхтинскому тракту, в местности Нарасын-Тологой, впервые описана А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской⁷⁸. Разведочная шурфовка нами проведена в трех местах.

Вершина скалы (рыхлые отложения) в основном разрушена бульдозером. При осмотре отвалов и стенок карьера обнаружены разрозненные кусочки угля и толстостенная керамика явно позднего происхождения. Из керамики привлекают внимание два черепка, первый из которых представляет собой обломок венчика сосуда с очень широкой выпуклой рельефной линией. Второй черепок относится к одной из боковых стенок горшка. Орнамент его представляет ряд вдавленных вертикальных полос.

Вертикальная щель под рисунками дала только кусочки древесного угля и небольшой отщеп из черной гальки-лидита, а также несколько фрагментов обожженных и расколотых костей.

Площадка у подножия петроглифа при ее шурфовке дала обильные находки, выраженных в виде костей жертвенных животных, густого скопления углей, золы и сажи — вероятных свидетельств древних ритуальных очагов. Из костей любопытен фрагмент с явными следами рубки острым предметом. Керамика красноцветная, с большим вкраплением кварцевых кусочков. Орнаментация близка к неолитической. В данном случае она представляет цепочку продолговатых и почти вертикально вдавленных черточек.

Рис. 18. Разрез жертвоприношений у петроглифа
Сухой Ручей в Забайкалье.

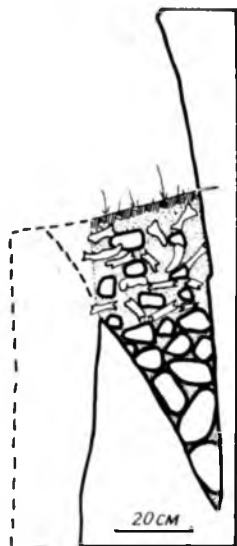
Вблизи петроглифа известны крупный разновременный могильник и современное обо.

Тапхар (долина р. Иволги). Петроглиф находится в 1,5 км северо-восточнее горы Острая Сопка, или в 1 км восточнее возвышенности Тапхар. Рисунки располагаются на стенах небольшой ниши, на дне которой заложен небольшой шурф (1,0×1,0 м). В верхних слоях каменистой осыпи на глубине 2 см найдены две медные монеты советской чеканки за 1937 и 1938 гг. На глубине 10 см в щелях скального цоколя обнаружены кусочки древесного угля, обожженные и расщепленные кости, мелкая речная галька и одна пожевидная пластинка из черного литита.

Сухой Ручей (долина р. Хилук). Южнее с. Сухой Ручей вверх по небольшой речке одноименного названия, являющейся левым притоком р. Хилук, обнаружены рисунки, выполненные красной охрой и разделяющиеся на две композиции. Одна из них находится на высоте 10 м юго-восточной плоскости утеса, путь к которому слишком затруднен. Под рисунком была глубокая щель, образовавшаяся небольшой уступ, крайняя стенка которого частично обвалилась и обнажила стратиграфию заполнения щели. Дно ее завалено упавшими камнями, над которыми лежит слой земли со скальным щебнем. Здесь, в верхнем слое и частично на поверхности заполнения щели, обнаружены большое количество костей животных и древесные угольки, которые представляют, несомненно, остатки древнего жертвоприношения (рис. 18).

Бичура (долина р. Хилук). Крупное местонахождение древних наскальных рисунков открыто на единственной крупной скале, находящейся на правом берегу р. Бичурки, левого притока Хилка, на окраине районного центра Бичуры. У подножия скалы заложено три шурфа. Первый из них вскрыл рыхлые отложения на площадке в средней части скалы. Отложения эти, густо перемешанные со скальным щебнем, частично развеяны ветрами и смыты дождями. Тем не менее в оставшейся части отложения, имеющей мощность до 0,20 м, постоянно встречаются угольки и речная галька. Угли средней фракции, со следами взошедшей земли. В плане шурфа находки сконцентрированы неодинаково: имеется небольшое скопление углей, вокруг которых располагаются гальки, что говорит в пользу существования здесь жертвенного очага.

Второй шурф заложен у подножия утеса. Стратиграфия следующая.

1. Слой черного ила, принесенного весенними паводками	25
2. Продолжение черного речного ила. В то же время он густо насыщен скальным щебнем. В нем встречаются кусочки углей, несколько речных галек и частично обожженные фрагменты костей. Среди галек представляет интерес одна из них со сколами	40
3. Слой светло-желтого ила с черными прослойками и песчаными линзами с мелкими гальками. В верхней границе слоя встречается крупная галька. На глубине 1 м выступила вода и работы были прекращены.	

Третий шурф, давший наибольшее число находок, заложен в 15 м выше по р. Бичурке, на дне карьера, где бульдозером была снята часть осыпей одной из разрушенных скал. В одном месте осыпь была снята до такой степени, что частично вскрыла древнюю поверхность, существовавшую до разрушения скал. Здесь и был заложен шурф (1,50×1,50 м), вскрывший густое скопление валунов. На этих валунах, и особенно между ними, найдено множество расщепленных и обожженных костей животных, среди которых встречаются и целые (ребра, челюсти, фаланги ног, большие трубчатые кости). Определение показало, что все они принадлежат молодым домашним животным, видимо принесенным в жертву на весенних ритуальных праздниках ⁷⁹. Преобладание лошадиных костей голов и ног показывает, что иногда жертвы приносились по принципу «часть вместо целого», как на современных тайлганах бурят. Остальное мясо съедалось при коллективной трапезе, о чем свидетельствуют расщепленные, рубленные трубчатые кости ног и ребер. Много обожженных мелких обломков от крупных костей.

Кости в основном лежали в золистом слое, который имел наибольшую мощность в прискальной стороне шурфа. Там же имелось густое скопление углей, сажки и мелких фрагментов костей. Слой золь с явными признаками мощного кострища уходил далее к стенам шурфа. В целом картина, вскрытая раскопками, такова: большое кострище между валунами, служившими одновременно очажной обкладкой, вокруг которых разбросаны кости животных. Причем следует отметить, что те кости, которые соответствовали принципу «часть вместо целого», находились отдельно, в соседнем углублении между валунами.

Поворот, п. III (долина р. Чикой). Петроглиф впервые описан и опубликован А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской ⁸⁰. Для выяснения характера жертвоприношений у подножия скалы было вскрыто 10 м² площади со сложной стратиграфией, в общем выраженной завалом камней и слоем песка над древними жертвоприношениями. Левая часть раскопа вскрыла два крупных каменных очага овальной формы, примыкавших непосредственно к плоскости с рисунками (рис. 19, 20). Очаги и площадь возле них носили следы кострища, а также были густо усыпаны массой мелких обожженных и расщепленных костей и, что особенно интересно, фрагментами сосудов бронзового века, из которых частично реконструированы два трипода (рис. 21). У малого (правого) очага лежали две бронзовые трубочки. Там же обнаружены три каменные ножевидные пластинки.

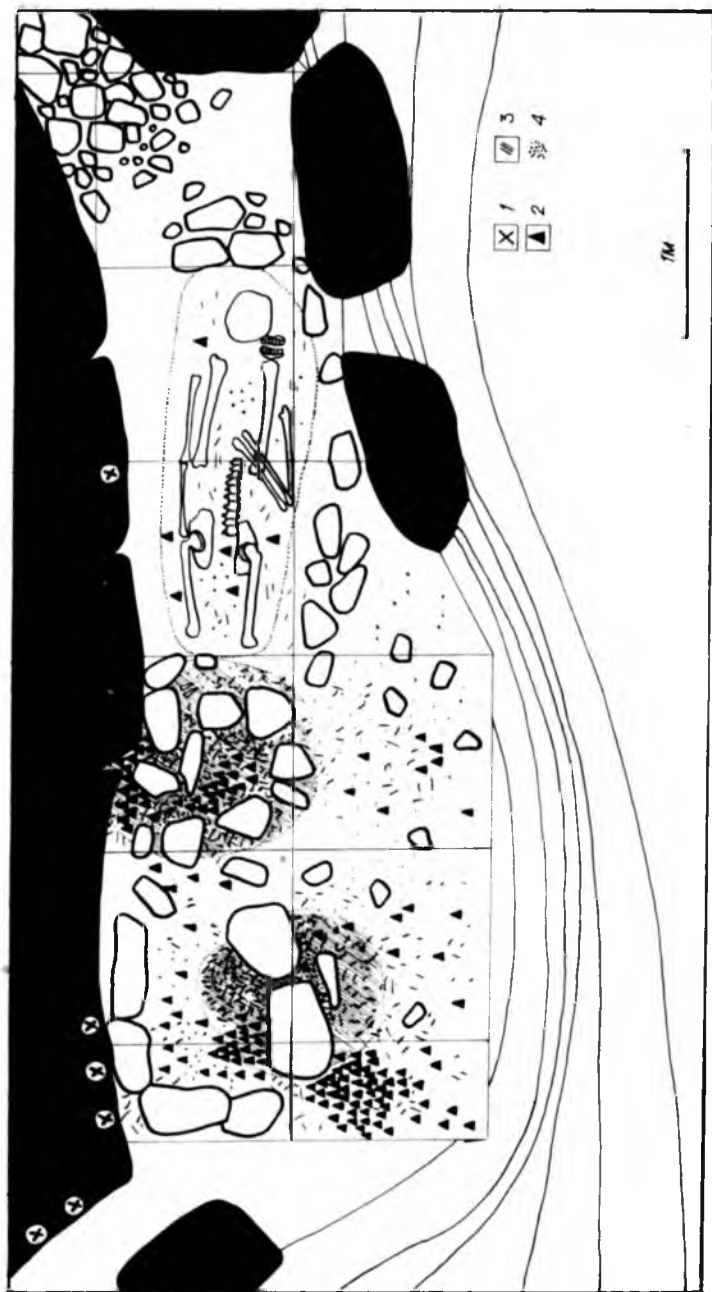

Рис. 19. Петроглиф Поворот, п. III в Забайкалье. План древнего святилища.
1 — наскальные рисунки; 2 — керамика; 3 — извлеченные кости; 4 — кострища.

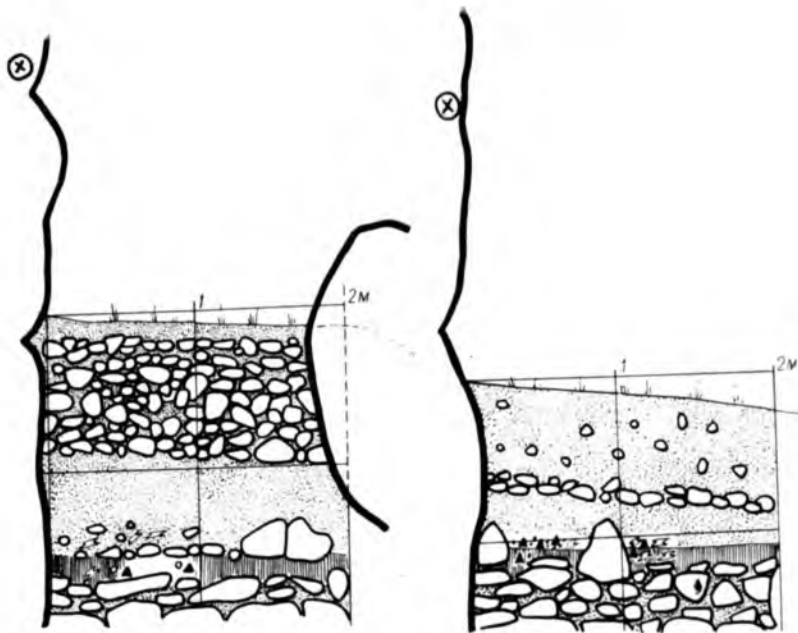

Рис. 20. Петроглиф Поворот, п. III. Разрезы древнего святилища.

Правая часть раскопа, в скальной щели, дала странное захоронение человека. Он лежал горизонтально, ногами к очагам. Левая рука согнута в локте и положена на грудь, правая вытянута вдоль бедра. На следы захоронения указывают каменный полуовал, прилегающий к скале, и нога барана в анатомическом порядке, положенная над покойником. В то же время непонятны следующие детали погребения: отсутствие конечностей рук и ног, ребер и лопаток; оторванные голенные кости, которые в то же время положены под лопатки вдоль туловища; отделенная от черепа лицевая часть, словно освобождающая затылочную часть с мозгом. Сомкнутые верхняя и нижняя челюсти свидетельствуют о том, что отделение лицевой части черепа произошло сразу же после смерти. Если следовать некоторым этнографическим аналогиям принесения в жертву животного, то здесь многое напоминает обряд, когда из грудной клетки вырывались сердце и почки убитого и все это приносилось на алтарь в жертву духам⁸¹. О человеческих жертвах упоминается в бурятской мифологии, свидетельствует о них и шаманская обрядность⁸². Примечательно, что вокруг скелета было найдено много угольков и фрагментов обожженных косточек, которые являются, судя по форме, остатками не обнаруженных нами ребер покойного. Тем не менее данное погребение, вероятно, одновременно с очагами. Встреченные вместе с останками фрагменты керамики несут несколько поздний облик, что подтверждается найденным здесь же фрагментом же-

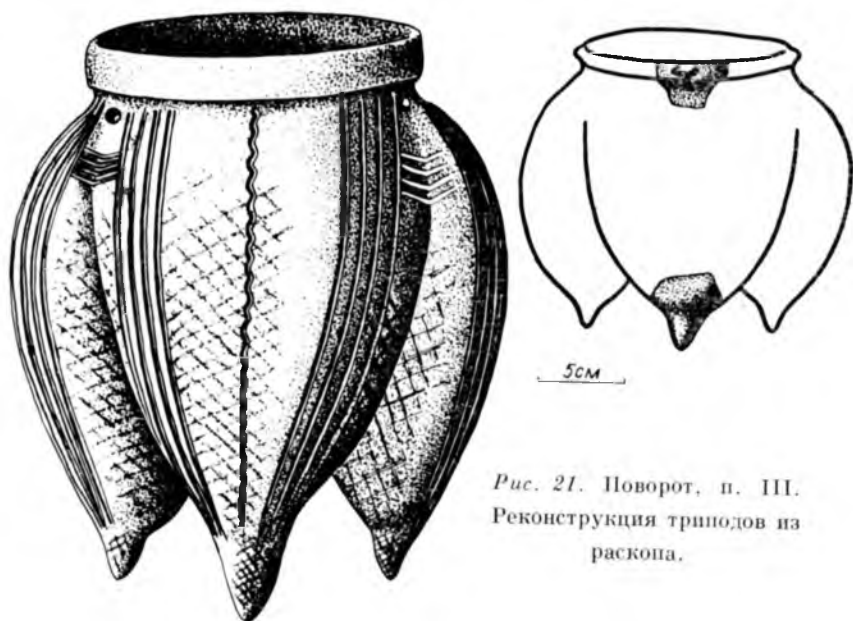

Рис. 21. Поворот, п. III.
Реконструкция триподов из
раскона.

лезного псалня. Интересен и такой факт: непосредственно над скелетом человека на плоскости утеса имелся всего один рисунок, выполненный охрой, — это изображение лошади, возможно принесенной в жертву человеку, что было характерно для погребальной обрядности многих кочевых народов в эпоху бронзы — раннего железа.

Турунтаево (долина р. Итанцы). В левой части предпещерной площадки заложен раскон ($3,0 \times 2,0$ м), который на глубине 0,30 м вскрыл большую очажную каменную кладку округлой формы. Средняя часть очага содержала массу древесных угольков и несколько крупных трубчатых костей, однако основная масса находок лежала на правой границе очажной кладки. Остатки самого кострища лучше всего сохранились в виде мощного зольника ниже и правее скопления находок. В нем также имелось много керамики и обожженных костей животных (рис. 22).

Найденный материал разновременен и разнороден по составу. В основном он представлен керамикой, среди которой есть неолитические образцы с характерным штампом «отступающая лопаточка» в чередовании с еле видимыми налепными валиками. Керамика бронзового века украшена в виде жгутообразных отпечатков. Здесь же встречены обломки сосудов с очень толстыми венчиками и острорельефными линейными валиками. Они могут датироваться ранним железным веком. Здесь же были фрагменты сосуда с интересным и необычным орнаментом в виде двух соединенных спиралей или концентрических кругов под несколькими рядами линейных валиков. Такой орнамент имеет некоторое сходство с наскальными

Рис. 22. Турунтаево. План жертвенника.

рисунками и в современном декоративном искусстве бурят с изображением Солнца и Луны как единого целого в понятии «небо». В районе очага обнаружены также каменные орудия труда. Это два скребка (из сланца и халцедона) с высокими асимметричными туловками. Здесь же найден камень с гладкой полированной поверхностью (рис. 23).

Темниковская пещера (долина р. Темник). Первое упоминание о Темниковской пещере имеется у В. В. Птицына, который посетил ее в 1888 г. и дал подробное описание⁸³. Что же касается раскопок, то об этом исследователь писал так: «Раскопок... в ... пещере я не делал, а на поверхности земли... никаких костей не находил»⁸⁴.

Осмотр, проведенный нами, показал факт глубокого почитания Темниковской пещеры и вообще всей окружающей местности. На дореволюционных картах Забайкалья система скал, в которых находится пещера, носит название Мургуцук, что, вероятно, соответствует бурятскому словосочетанию «Мургулин-цок» («Гора для молений»). Местное население называет это место иногда Галтай, что в буквальном переводе означает: «С огнем». Есть также третье название пещеры — Нухэту-Хайсаган. В глубоких расщелинах утесов до сих пор встречаются священные книги и буддийские надписи.

Во время расчистки густого слоя птичьего помета, о чем писал еще В. В. Птицын, в углу пещеры была обнаружена сильно окислившаяся медная монета досоветской чеканки. Ниже, на глубине от 5 до 10 см, лежала овальная дощечка с процарапанными на ней инициалами и датой — 1941 г. При дальнейшем углублении обнаружены заваленные камнями обломки деревянного футляра от священных буддийских книг. Около камней имелось кострище мощностью зольника до 0,10 м. Здесь же сохранились обломки кола,

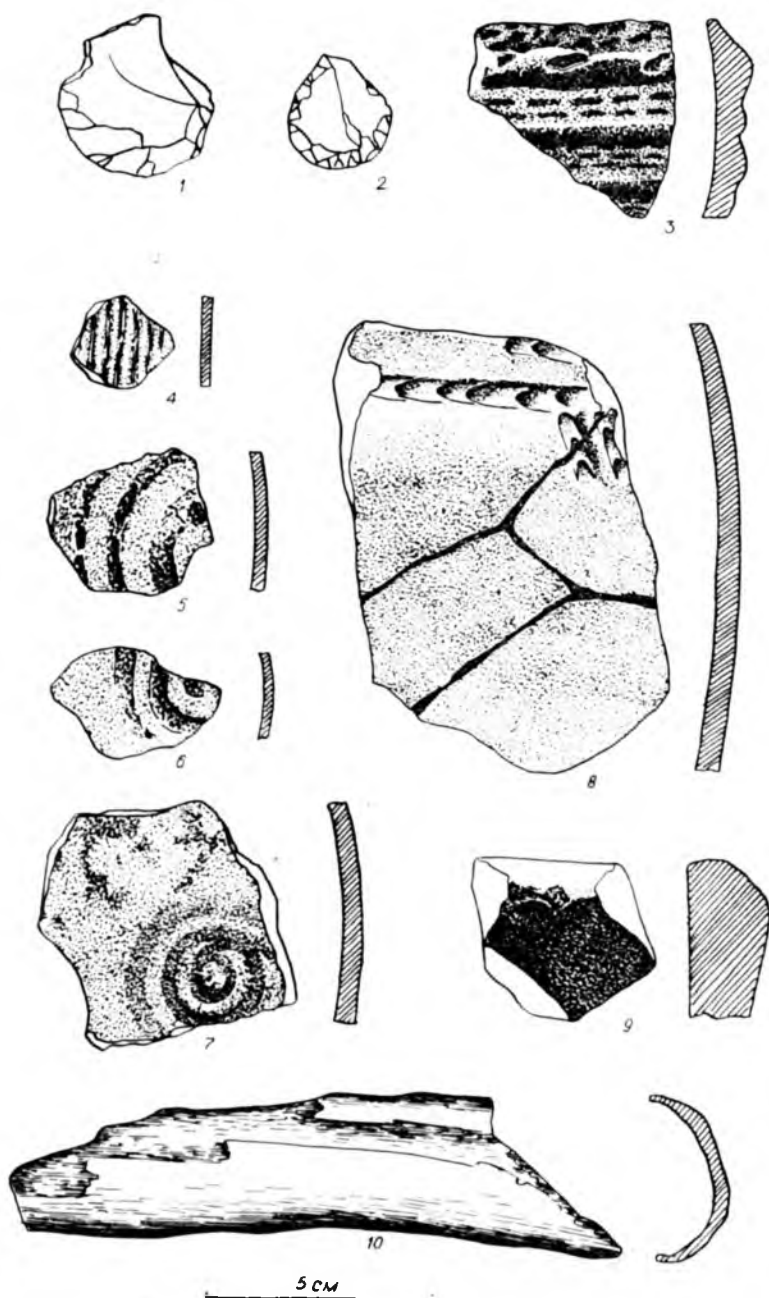

Рис. 23. Турунтаево. Разновременный жертвенный материал из раскопа.
1—2 — каменные скребки; 3—9 — обломки керамики; 10 — кость.

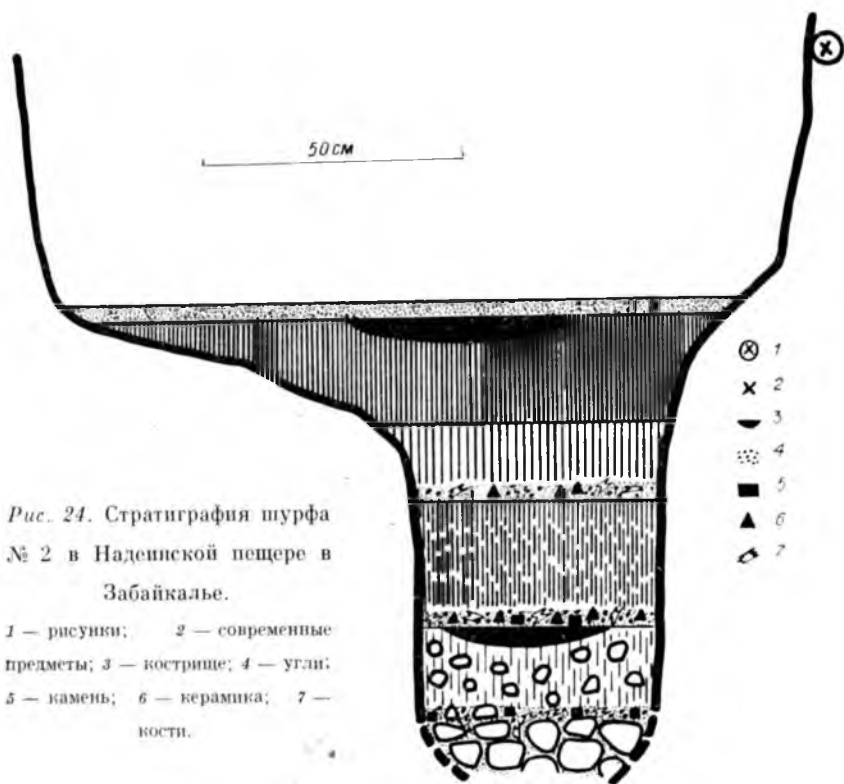

Рис. 24. Стратиграфия шурфа
№ 2 в Надейнской пещере в
Забайкалье.

1 — рисунки; 2 — современные
предметы; 3 — кострище; 4 — угли;
5 — камень; 6 — керамика; 7 —
кости.

на который, возможно, ранее привязывались жертвенные ленточки или нарисованные на холсте иконы, о чем писал В. В. Птицын. На наиболее ровном участке пещеры в заднем углу был заложен шурф, давший следующую стратиграфию.

Мощность, см

1. Пыль, алевроиты черно-серого цвета, помет, проливший, зольник по всей площади шурфа равномерно. 50 % крошка гранитная с фракцией до 20 см. Из находок встречены: медная монета досоветской чеканки, деревянный футляр от священных буддийских книг и датированный 1941 г. деревянный круг с инициалами

10

2. Темный слой плотного птичьего помета, чередующийся черными и серыми прослойками. Имеются остатки зольника мощностью до 10 см. На отметке 0,50 м и ниже появились жженные кости и найдено три отщепца. Обнаружен кусочек окислившейся бронзы в виде тонкой стенки и толстого венчика. На отметке 0,60 м птичий помет имел особенно плотную концентрацию светло-серого цвета. В нем встречаются фрагменты костей, в том числе обожженные. Здесь же прослежены остатки зольника мощностью 5 см

80

3. Песок лессовидный светло-коричневого цвета, очень плотной концентрации. Коллювий. Большие глыбы камня. Работы прекращены на глубине 120 см из-за узкой щели, падающей вертикально вниз.

Надейно (долина р. Куйтунки). Старинные легенды повествуют о древних кладах, зарытых на дне пещеры, и массе жертвопри-

ношений как внутри, так и вне пещеры. Шурфовка, проведенная в двух местах памятника, показала прежде всего дальнейшее сужение щели, образующей вертикальные стены пещеры (от 1,65 м у нынешней дневной поверхности и до 0,30 м на дне шурфа). Такие малые размеры показывают полную непригодность пещеры для жилья человека. Тем не менее шурфовка вскрыла пять слоев с культурными остатками от неолита и до наших дней. Это главным образом расколотые кости животных, каменные орудия труда, керамика, кострища и масса угольков. Стратиграфия шурфа следующая (рис. 24).

	Мощность, см
1. Пыль, слой гуано. Современные жертвоприношения	5
2. Черная земля, плотное гуано. В верхней части слоя — линза кострища. Ниже — остатки ламаистских жертвоприношений	25
3. Темно-коричневая сунесь, дресва. На нижнем горизонте угольки, мелкодробленные кости животных, керамика эпохи раннего железа	18
4. Светло-коричневая сунесь, дресва. На нижнем горизонте угольки, мелкодробленные кости животных, керамика эпохи бронзы	25
5. Предцокольный слой песка с крупными валунами	15

СТРАТИГРАФИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Одной из успешно разрабатываемых тем сибирской петроглифики является выявление на петроглифах Восточной Сибири стратиграфии древних наскальных изображений и их интерпретация. Этот вопрос широко освещен исследователями, прежде всего А. П. Окладниковым⁸⁵. Он показал, что известные петроглифы могут быть сгруппированы на разновременные и разнотемные изображения применительно как к одной скале, так и к отдельным местонахождениям.

В Предбайкалье начало почитания писаниц А. П. Окладников относит к эпохе верхнего палеолита (Шишкино, Долгий порог). Однако следует отметить, что ныне вопрос о действительном наличии представленных образов и, следовательно, их датировке пересматривается. Более убедительным и бесспорным является то, что основная масса древних изображений Предбайкалья, состоящая главным образом из рисунков лосей в стадии гола, датирована эпохой неолита. Отдельные комплексы петроглифов относятся к последующим этапам, вплоть до этнографической современности.

Аналогичная разностильность и стратиграфия выявлены А. П. Окладниковым и на забайкальских писаницах.

Древнейшие наскальные изображения	— конец неолита
Наиболее многочисленная «селенгинская» группа	— бронзовый и ранний железный века
«Няхтинская» группа изображений	— первые века н. э. до эпохи тюрков включительно
Группа петроглифов в долине р. Джиды	— средневековые?

Раннемонгольские рисунки
Поздние изображения

— XI—XII вв. н. э.
— позднее средневековые — этнографическая современность ⁸⁶.

Столь же бесспорен факт наличия разнотемных и разностильных изображений на большинстве отдельно взятых скал. На петроглифе Табангут IV, к примеру, есть несколько камней, где наряду с красочными рисунками «селенгинского» стиля эпохи бронзы — раннего железа имеются выбитые, резные и процарапанные (рельефные) «кяхтинской» группы. На петроглифах Табангут II, Хана-Шулуун, Субуктуй и других выявлены изображения, которые датируются разными эпохами: бронза — раннее железо — тюрки — ранние монголы? — буддизм — современность.

Признак неоднородности изображений встречается на забайкальских петроглифах еще в двух видах:

1) сосуществование с рисунками бронзового и раннего железного веков более поздних рельефных тамгообразных и письменных знаков (Бичура, Айрак, Воронково, Додогол и др.);

2) разнотемность и разноцветность красочных изображений (Абошик, Помохоново, Сарбадуй, Бани-Хара, Темниковская пещера, Городовой утес, Ара-Киреть, Бичура, Хотогой-Хабсагай и т. д.).

Аналогичная картина хорошо прослежена в Предбайкалье А. П. Окладниковым ⁸⁷. На оз. Байкал наши последние исследования также установили факт того, что знаменитые рельефные композиции в бухтах Ая, Саган-Заба, Бурхан и других имеют нижний слой рисунков, которые, будучи, вероятно, более ранними по сравнению с первыми, выполнены красной охрой и очень похожи как на забайкальские аналогии «селенгинского» стиля, так и с известными рельефными ⁸⁸.

Анализ древних петроглифов показывает, что древняя иконография (так мы понимаем сущность наскальных изображений ⁸⁹) хотя и варьирует представленными ниже образами по хронологическим периодам и культурно-ландшафтными регионам Восточной Сибири, однако выражает единую общую идею плодородия скота, родового коллектива, защиты от враждебных сил и др.:

— неолит	— фигуры лосей, оленей и иных животных в состоянии спаривания
— бронзовый век	— постепенное вытеснение прежних образов сюжетами шаманистического содержания, но с прежней идеологией плодородия
— ранний железный век	— сцены религиозно-магического и мифологического характера, появление тамгообразных знаков
— средневековье	— эпическо-мифологические образы, тамгообразные знаки, появление письменности
— этнографическая современность	— письменность, последние отзвуки эпическо-мифологических представлений, появляются бытовые сцены.

Отсюда очевидно, что с падением роли писаниц в качестве культовых святынь магическое значение иконографии ослабевает; на скалах все чаще появляются надписи и чисто бытовые сцены, по-

Т а б л и ц а 2 *

Хронологические вариации технических приемов исполнения наскальных рисунков Восточной Сибири

Эпоха	Предбайкалье		Побережье оз. Байкал		Забайкалье	
	охра	рельеф	охра	рельеф	охра	рельеф
Палеолит?	+	—	—	—	—	—
Неолит	+	+	+	—	+	—
Бронзовый век	+	+	+	+	+	—
Ранний железный век	+	+	+	+	+	+
Раннее средневековье	—	+	—	+	—	+
Позднее средневековье	—	+	—	+	—	+
Этнографическая современность	—	+	—	+	—	+

* Знак — отсутствие, а + присутствие признаков.

следние из которых не связаны, вероятно, с обрядовыми ритуалами.

Любопытно, что одновременно с изменением вариации сюжетов древних наскальных изображений по хронологическим периодам меняются и технические приемы их нанесения (табл. 2).

О ДЕШИФРОВКЕ ПЕТРОГЛИФОВ БРОНЗОВОГО — НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЗАБАЙКАЛЬЯ

В литературе уже отмечалось, что петроглифы бронзового — начала железного веков Забайкалья составляют обособленное звено в общей системе наскального первобытного искусства на территории СССР. Эта кажущаяся обособленность вызвана трудностью понимания смысловой нагрузки сюжетов, которые поражают своей однообразностью. Каждый новый петроглиф неизменно дает уже хорошо известный перечень рисунков: ограды-дворы, фигурки птиц и людей, крестообразные знаки, круги, пятна и проч.

Такая стойкая традиционность привела исследователя забайкальских петроглифов А. П. Окладникова к мнению о том, что наскальное искусство эпохи бронзового века в Центральной Азии есть «искусство иератическое, основанное на немногих застывших ритуальных формулах и условных знаках — сигналах, сквозь которые лишь изредка и с трудом, вопреки его основной направленности, пробиваются отзвуки реальной жизни»⁹⁰.

Возможно, именно это обстоятельство до сих пор не позволяет исследователям прийти к единой точке зрения по вопросу об идейном содержании петроглифов бронзового — начала железного веков за Байкалом. А. П. Окладников предлагал несколько вариантов объяснения смысла древних наскальных композиций. По его первому объяснению: человечки — это онгоны, души предков⁹¹, птицы — птица-предок (орел) и покровитель рода⁹², кресты — знаки-

обереги от сил зла и тьмы, залог счастья и благоденствия⁹³, оградки — символ обилия, плодородия⁹⁴. По другому объяснению: оградки — символ территориальной общности рода, племени, вселенной; человечки и точки, заключенные в ограду. — фигуры людей⁹⁵. По третьему объяснению: точки-пятна — это не только члены родового коллектива, но и символические изображения счетных знаков или поголовья скота⁹⁶.

В целом в композициях писаниц бронзового — начала железного веков, по А. П. Окладникову, «выступает идейный мир древних скотоводов Центральной Азии и Южной Сибири. Главная идея этих писаниц — идея плодородия конного скота, а по конкретному содержанию тех обрядов, с которыми они связаны, писаницы „селенгинского“ цикла всего ближе к обрядности весенних праздников у древних якутов — ысыаху»⁹⁷.

Однако эти гипотетические положения оставляют вне объяснения многие другие детали «селенгинских» композиций. Среди них фрагментарность оградок, наличие пятен-скота вне загонов, пустые окружности, лошади, всадники и т. д.

Пытаясь раскрыть идейное содержание петроглифов Забайкалья, мы применили три метода математической классификации, самопроверяющие друг друга: 1) сопоставление сводных таблиц; 2) система перфокарт; 3) картирование. Эта методика отработывалась пока на трех наиболее распространенных элементах сюжета древних композиций.

Изображения оградок. Оградки, по А. П. Окладникову, — это «традиционное» изображение для писаниц «селенгинской» группы петроглифов Забайкалья. Он же сделал первую попытку визуально классифицировать их, отмечая, что эти «оградки настолько индивидуальны по очертаниям, а тем более по их заполнению и сочетаниям с другими изображениями, что их трудно свести в какие-либо точно определенные группы или типы»⁹⁸.

Метод математической классификации позволил убедиться в том, что все выявленные разновидности оградок не образуют каких-либо обособленных «провинций». Это может говорить о том, что древние художники-скотоводы трактовали идею ограды самым произвольным образом, и ограды эти действительно глубоко индивидуальны, как ограды-загоны и у современных скотоводов Забайкалья.

Подсчет изображений оградок по каждому петроглифу в отдельности показал, что их численность в известной степени прямо пропорциональна распространению степных пространств Забайкалья и в целом «тяготеет» к югу, к основной степной провинции Центральной Азии. Так, если в долине р. Уды всего один петроглиф (Хотогой-Хабсагай) дает более десяти изображений оград, то юг Бурятии (долины рек Хилка и Чикоя) — уже шесть таких мест. Сюда же, к югу, «тяготеют» и петроглифы, на которых изображено по пяти и более оградок. Все это может свидетельствовать в пользу того, что юг Западного Забайкалья был населен гуще в силу благоприятных физико-климатических условий для занятия скотоводством.

Странную картину дает долина р. Селенги. Этот район Бурятии имеет хорошие пастбищные условия, ничуть не хуже, а может быть, даже и лучше (имеется в виду водопой), чем в долинах рек Уды, Хилка, Чикоя, Джиды. Но проведенная нами классификация показала, что именно петроглифы долины р. Селенги дают наименьшее число изображений оградок — от трех до одной штуки. Мы считаем, что причина такого малого содержания предполагаемых стад скота на «стационаре» заключается в невозможности скотоводов обеспечить охрану своего достояния от случавшихся (а вероятно, это происходило часто, как читаем в документах XVII в.)⁹⁹ набегов южных соседей, которые продвигались на север и обратно по долине р. Селенги как по естественному степному коридору. Содержание же стада в долинах притоков Селенги, причем далеко от устьев, в отдалении от «столбовой» дороги, могло в известной степени обеспечить спокойное кочевание.

В этой связи весьма характерны сюжеты некоторых петроглифов, где идея охраны скота (пятиен и лошадей) видна довольно четко. В качестве примера укажем на петроглифы оз. Хубсугул в МНР, где на фоне стада, лошадей, загонов, юрт и т. д. изображен человек, направляющий туго натянутый лук в сторону второго человека, приближающегося к стаду¹⁰⁰. Подобных композиций довольно много на петроглифах бронзового и раннего железного веков Монголии. Есть они и в Забайкалье, хотя не столь четко выражены. Идея охраны скота от набегов чужеземцев звучит в многочисленных преданиях и в шаманских призываниях бурят¹⁰¹.

О том, что в указанных оградах-загонах видим именно скот, убедительно говорит серия некоторых композиций на петроглифах Забайкалья и Монголии. Здесь имеются реалистические рисунки загона скота в ограду, выгона его в степь, пересчет и др. Особенно ярко эта идея передана на петроглифе Мугур-Саргол в Туве, где имеется серия изображений реалистически переданных юрт с примыкающими к ним загонами-оградами, заполненными такими же точками.

Интересно отметить, что традиция подобного изображения скота сохраняется у тюркских народов до сих пор. Например, таджикские новогодние рисунки, назначение которых объясняется ярко выраженной «производственной» магией, культом плодородия, имеют почти аналогичные сюжеты на забайкальских и монгольских писаницах. Круг, заполненный точками, около которого нарисованы пастух с собакой, должен, по верованиям таджиков, способствовать размножению скота и обеспечивать в то же время охрану последнего (рис. 25, 1)¹⁰². «Круг означает ограду или загон для скота, точки — условные изображения овец, баранов, коз», — писал А. П. Окладников, специально изучавший этот вопрос¹⁰³.

Общее, что можно отметить между современным таджикским ритуальным рисунком и аналогичными изображениями «селенгинской» группы петроглифов, — это разрыв в круге-загоне. Так же как и на рисунке Ш. Алибахшеева, они должны означать вход-врата в загон (рис. 25, 2).

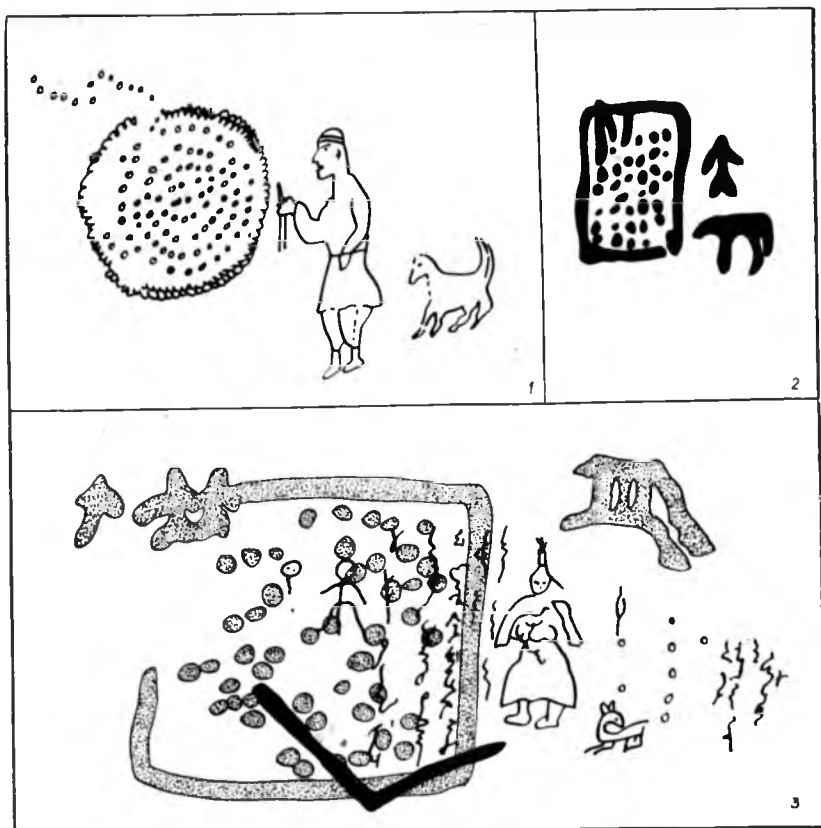

Рис. 25. Изображения со скотоводческой тематикой.

1 — современный таджикский рисунок; 2 — изображение бронзового века (Забайкалье); 3 — рисунок бронзового века и средневековья (Монголия).

Композиции, имеющие много общего с рисунком Ш. Алибахшеева, часто встречаются и на рисунках «селенгинской» группы изображений. Среди них отметим сюжет на скале Их-Тэнгэрийн-ам (падь Великого Неба), где вместо пастуха мужчины изображена женщина с собакой, выгоняющая из ограды скот. Два маленьких человечка, изображенные у открытых ворот загона, направляют пятна-скот в поле¹⁰⁴. Фигура женщины, возможно, есть более поздняя пририсовка к древней композиции. Однако немаловажно указать в этом случае на старомонгольскую надпись, которая выполнена той же краской, что и образ женщины. Выше мы уже разбирали, что надпись — это пышное обращение к божествам даровать изобилие и счастье. Примечательно и то, что этот смысл, вложенный в уста женщины, покрывает изображения точек-скота в загоне. Нетрудно понять, что обращавшийся к богам с просьбой о ниспослании жизненного благополучия с явным смыслом написал поверх загона, полного скота — главного и единственного источника жиз-

ненного благополучия степного кочевника-скотовода. Поэтому-то обращавшийся к богам с мольбой не случайно связал понятие счастья с реальным рисунком скота в загоне (рис. 25, 3).

Не случайно, видимо, и понятие изгороди (загона) у некоторых скотоводческих народов Сибири всегда ассоциировалось с понятием о размножении скота. Традиционная формула якутского благопожелания «иметь скот в изгороди» исходит из древнего заклинания: «Выращивай скот с неразрушаемой изгороди!» У бурят овал-изгородь также имела символическое значение, у нее не было ни начала, ни конца. Строя такую изгородь, они надеялись, что счастье их будет без конца. Поэтому все юрты имели частные или общественные изгороди *тухэрээн-хурээ* в виде овала¹⁰⁵.

Среди подобных рисунков эпохи бронзового века можно отметить писаницу в пещере Острая Сопка близ пос. Иволгинского в Бурятии. Отличий от таджикского рисунка или изображений в Их-Тэнгэрийн-ам здесь практически нет, если не считать характерную для «селенгинских» петроглифов архаичную позу человека. Вместо собаки, но, как правило, ниже человека и правее от загон-двора со скотом изображена лошадь.

Подобных, но несколько усложненных композиций массового плана очень много в пещере Баин-Хара в Сутайской долине. Это одно из немногих мест среди «селенгинских» петроглифов, где изображения, несмотря на присущий им архаизм, условность, схематизм, все же не лишены реальной жизненной силы. Баин-Хара — это ясно ощущуемое дыхание, динамизм, гимн степному миру. Бескрайняя ширь стеней, тучность стад, резвость лошадей, полет орлов и счастье кочевника-скотовода.

Здесь почти нет или совсем мало закрытых дворов. Настежь распахнутые ворота дают расплывшемуся в загонах скоту полную свободу: в ряде оградок пятен мало, они сконцентрированы у выхода и рассеяны по всей плоскости скалы-степи. Человечки-пастухи поторапливают скот, другие уже гонят застоявшиеся стада на пастбища, чтобы молодое поколение жирело, набирало силы из сочной, питательной, дающей жизнь степной травы. Как и подобает, везде за пастухами следуют их верные помощники в чабанском деле — лошади и собаки.

На других рисунках, наоборот, тучные стада скота собираются во дворы-загоны, которые широко распахнуты. Человек с длинной палкой в руке подгоняет отстающих, направляя их в раскрытый загон. Примечательно, что после человека нет ни одной точки — пастух-хозяин не пропускает ни одной головы¹⁰⁶.

Следует отметить, что в Баин-Харе и в других местах Забайкалья и Монголии много сюжетов, где основной идеей изображений является пересчет поголовья. Такой пересчет, как известно, является одной из главнейших составных частей и современного овцеводства.

В связи с рисунками оград, полных скота, очень любопытны представления, например эвенков, об увеличении стад животных. Известно, что идея приумножения поголовья диких зверей — основы жизненного благополучия у кочевых охотников — также яв-

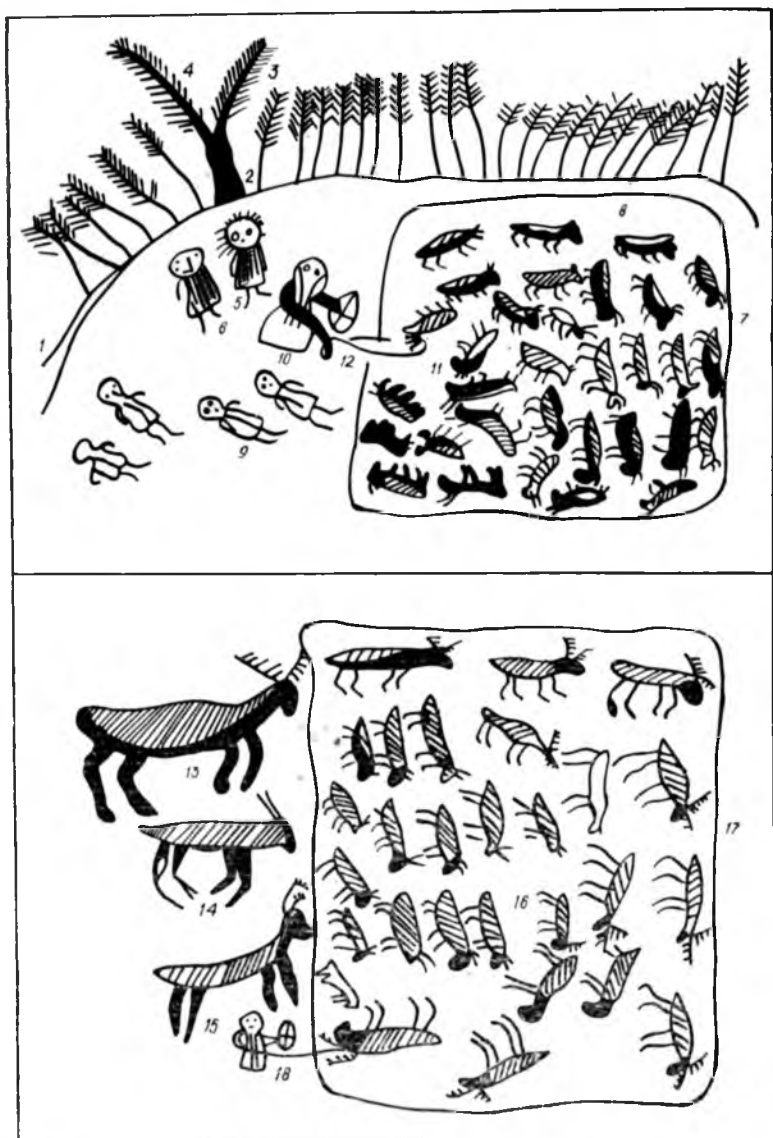

Рис. 26. Изображения со скотоводческой тематикой. Современный эвенкийский рисунок.

1 — гора Уром; 2 — священное дерево-бугады; 3—4 — растущие из ствола этого дерева, кедр (3) и сосна (4); 5 — хозяйка Земли дунне мушун; 6 — старик, муж хозяйки Земли; 7 — изгородь-засека, охраняющая табуны копытных зверей хозяйки Земли; 8 — табуны копытных зверей хозяйки Земли; 9 — помощники старика, мужа хозяйки Земли, помогающие пасти табуны копытных зверей; 10 — шаман Пиля, просящий у хозяйки Земли зверя для предстоящего промысла сородичей; 11 — шаман Пиля, ловящий ремненным арканом-бубном и колотушкой дозволенное хозяйкой Земли количество зверей для промысла и уносящий их в бубне в виде шерстинок; 12 — ворота в изгороди-засеке; 13—15 — родовые бугады-энн-ты, изображенные в виде гигантских лосей и диких оленей, у которых шаман Пиля просит зверя для промысла; 16 — стада диких копытных зверей, охраняемые под землей их божест-

лялась руководящей при шаманских камланиях «добывания удачи». Интересен в этом отношении эвенкийский рисунок, рассказывающий, как шаман Пиля ходил к родовым духам — хозяйке Земли и хозяйке Вселенной и рода — просить зверей для промысла со-родичам (рис. 26)¹⁰⁷.

В этом рисунке ясно прослеживаются детали как общего, так и частного характера, которые объединяют современный эвенкийский рисунок и композиционные изображения, оставленные художниками эпохи бронзового — раннего железного веков центрально-азиатских степей.

Изображения людей. Классификация многочисленных изображений людей на петроглифах эпохи бронзы — раннего железа Забайкалья позволила разделить их на четыре основные группы: 1) фигуры одиночные; 2) фигуры парные; 3) композиции из трех фигур; 4) композиции из четырех и более фигур. Их подсчет показал, что на петроглифах преобладают парные фигуры (160 шт.), на втором месте фигуры одиночные (72 шт.), на третьем — «строенные» (66 шт.) и на последнем — композиции из более чем трех фигур (61 шт.).

Это позволяет думать, что перед нами не просто фигуры людей — предков (по А. П. Окладникову), а некоторое подобие «семейного» портрета. Главным фактом, позволяющим так думать, является прежде всего преобладание из двух фигур, да и не просто фигур, а с явной попыткой выделить вторую фигуру — «главу семьи». В одном случае он изображается в виде более крупной фигуры (40 шт.), в другом — фигурой с фаллосом (33 шт.). Но абсолютное большинство подобных изображений не имеет признаков различия (87 шт.). Однако предыдущие два варианта этой композиции говорят, безусловно, о том, что перед нами фигуры мужа и жены.

Три, четыре и большее количество фигурок соответствуют, вероятно, более крупной семейной ячейке. Эта мысль подтверждается теми композициями, в которых две фигуры показаны наиболее крупно (и одна с фаллосом), а другие между ними — мельче.

Принцип «семейственности» фигур людей логично исходит из основного сюжета, который носит «селенгинская» группа петроглифов Забайкалья: загоны, полные скота; тучные стада в степи; юрты и т. д. Нами подсчитано, что в связи с оградками изображение семьи из пяти и более человек встречается 4 раза, из четырех человек — 12 раз, из трех — 18, из двух — 44, из одного — 53 раза.

Такое обособление семей по материалам петроглифов Забайкалья вряд ли можно назвать случайным. Оно исходит из самой сути общественной жизни скотоводческих народов. Об исторической закономерности выделения семьи говорит Н. Н. Аристов: «Хотя многочисленность рода и давала ему силу, но хозяйственные усло-

---

венными владычицами — родовыми бугады-анинты: 17 — изгородь-засека, охраняющая стада копытных зверей; 18 — шаман Пиля, держащий ремешком арканом-бубном и колотушкой тех копытных зверей, которых позволила ему поймать родовая бугады-анинта.

вия пользования пастбищами и другие причины не позволяли роду сохранять неопределенное время всю целостность и вызвали рано или поздно разделение его на большие и меньшие самостоятельные части»¹⁰⁸.

Для скотоводов миграция, как правило, из обширных плодородных, но густо заселенных степей в менее благоприятные, зато пустынные долины рек имела решающее значение для их экономики. Здесь важную роль играли не столько трудности адаптации к новой, менее благоприятной жизненной среде, сколько невозможность в этой обстановке вести многочисленное скотоводческое хозяйство. Поэтому, вероятно, на писаницах степной «периферии» нет такого обилия пятен-точек, какие мы встречаем в долине Селенги и в степях Центральной Азии. О малочисленности скотоводческих общин-семей в таких «периферийных» зонах говорит как малое количество петроглифов, так и подавляющее большинство в них сюжетов, изображающих парную или одиночную семью.

Изображения животных. Классификация изображений животных по материалам петроглифов «селенгинского» стиля исследователями еще не проводилась. Это объясняется тем, что данный вопрос является наиболее трудным для разрешения. Если оградки, фигуры людей или силуэты птиц можно сравнительно легко выделить из общей массы древних изображений, как это было сделано выше, то классификация рисунков животных должна проводиться по иному принципу. Сейчас пока трудно ответить, какой из принципов наиболее эффективен, но совершенно ясно то, что здесь должен доминировать принцип разделения изображений фигур на определенные, хорошо известные фаунистические виды и подвиды.

И вот здесь мы встречаемся с тем, что зачастую приводит исследователей к ошибочным выводам. Мы имеем в виду принцип отождествления силуэтов фигур с силуэтами современных или вымерших животных. Небольшой этюд В. Н. Чернецова, посвященный этому, показывает, что одна и та же фигура животного на петроглифе может объясняться разными исследователями по-разному¹⁰⁹.

Главная причина таких разночтений заключается, вероятно, не только в том, что животные изображены грубо, архаично, примитивно и упрощенно, но и в том, что большинство фигур не связывается с каким-либо конкретным объектом, позволяющим с большей долей вероятности объяснить ту или иную фигуру.

В некотором роде исключения составляют те животные, которые даже в искаженной прорисовке не могут избежать особых, специфических, только им присущих деталей. Так, например, силуэт фигуры мамонта нельзя перепутать ни с одним другим животным, как бы схематически он ни изображался. Также невозможно представить лося без ветвистых рогов. Материалы петроглифов Западной Сибири¹¹⁰ и Приангарья¹¹¹ показывают, что, несмотря на искаженные пропорции туловища или его фрагментарность, почти безошибочно можно определить, какие из представленных на писаницах фигуры изображают лося и оленя. Возможно также определить половую принадлежность фигур животных.

Вообще отмечено, что на петроглифах СССР преобладают фигуры тех видов животных, которые доминируют в том или ином ландшафтном регионе. Охотники побережий Северного Ледовитого океана рисовали охоту на морских животных — китов, белух и т. д.; жители тундр изображали северного оленя; таежные кочевники запечатлели на скалах в основном лосей и оленей; древние народы Средней Азии и Кавказа — горных козлов, куланов и другие виды животных этого географического района. То же самое можно отметить в отношении некоторых областей Северной и Центральной Азии.

Что касается петроглифов эпохи бронзы и раннего железа Забайкалья и Монголии, то здесь изображения животных находятся в явном меньшинстве по сравнению с другими композиционными деталями. С учетом новых открытий их насчитывается 196 шт., между тем как другие композиционные детали (точки-пятна, птицы, человечки и т. д.) составляют явное большинство: оградки — 193, птицы — 401, человечки — 890, счетные пятна — 3 тыс. шт.

Классификация изображений животных на отдельные фаунистические виды показала, что на петроглифах представлены следующие животные: козлы — 18, олени и лоси — 31, медведи — 3, собаки — 4, всадники на лошадях — 7, лошади (?) — 125, куланы (?) — 6, фигуры неопределенные — 2.

Самым трудным для классификации оказалось огромное количество фигур (125 шт), которые имеют самые различные очертания и плохо группируются между собой. Привязка этих фигур к силуэтам тех или иных животных неизбежно привела бы к заранее неверным результатам. Отмечено в то же время, что это отнюдь не таежные животные, мало походят на собак и козлов. Больше всего у них сходства со степными животными типа куланов.

Привязку этого типа изображений мы сделали к хорошо читаемым фигурам лошадей и всадников. Изучая рисунки животных, которые безошибочно определяются как лошади в связи с их непосредственным единством с человеком, мы отметили, что в своем большинстве эти фигуры мало чем похожи на действительные силуэты лошадей. Аналогичную же картину нам дало знакомство со всадниками на петроглифах Монголии (Хачурт, Их-Тэнгэрийн-ам, Хубсугул и др.).

Однако фигуры, твердо определяемые по этому признаку как лошадиные, имеют много общего с рассматриваемым кругом древних изображений (по трактовке голов, ушей, хвостов, задних ног, нередко туловища). Кроме того, фигуры такого рода, как и фигуры всадников, в подавляющем большинстве «приписаны» к изображениям оградок (60 %) и к пятнам (30 %). Но то и другое, как мы предварительно считаем по современным аналогиям, связано с идеей увеличения поголовья скота.

Из сказанного выше мы делаем предположение, что в данного рода изображениях нужно видеть прежде всего лошадей.

При изучении изображений животных на петроглифах эпохи бронзы—раннего железа Забайкалья мы отметили такой интересный

момент, как принцип парности фигур (в стадии гона). Так, если фигур одиночных насчитывается 68 шт., то парных — 126. Кроме того, десять композиций имеют трехкратное число фигур животных, а четыре — четырехкратное и больше. Любопытно еще и то, что парные фигуры размещены в двух позициях.

1. Животные по горизонтальной линии — 23 пары: животные, изображенные холками друг к другу, — 3 пары; животные, идущие след в след (самец настигает самку), — 20 пар.

2. Животные по вертикальной линии (друг над другом) — 32 пары.

Важно отметить и явное преобладание типично степных животных над таежными. В парных фигурах степных животных — 41, таежных — 21; в композициях с трехкратным числом фигур — соответственно 7 и 4, с четырехкратным и более — 5 и 2.

Такое преобладание типично степных видов над таежными заметно и при классификации изображений парных фигур: по горизонтальной линии размещено 16 пар степных и 14 пар таежных животных, по вертикальной — соответственно 25 и 7.

Причину парности фигур животных, вероятно, нужно изучать с точки зрения желания древних художников таким образом решить вопрос об увеличении поголовья скота и зверей. Правомерность такой мысли становится очевидной на примере трехфигурных композиций, в которых третье животное намного меньше по сравнению с первыми, трактованными в стадии оплодотворения. Нечто подобное наблюдается и на примере композиций, где изображено четыре и более фигур животных.

Следует отметить, что процесс гона самца за самкой трактуется по материалам петроглифов Западного Забайкалья несколько в ином плане, чем в таежной полосе Сибири. На писаницах Забайкалья очень мал процент композиций, на которых сцены гона трактованы идентично прибайкальским сюжетам — длинной вереницей лосей или оленей. Таких композиций мы насчитали только четыре: два — на петроглифе Ангир и по одной — на скалах у с. Поворот и Тэмээн-Шулуун. Зато другие изображения сцен гона несут какой-то местный отпечаток. Степные кочевники Забайкалья трактовали идею гона животных в основном так же, как их соседи в Центральной Азии и жители Казахстана и Кавказа (самец как бы покрывает тело самки).

Можно предположить, что древние художники эпохи бронзы — раннего железа Забайкалья при изображении сложных сцен руководствовались гораздо большим схематизмом, чем их соседи из таежного Прибайкалья. Если таежные охотники рисовали на скалах столько фигур зверей, сколько желали видеть, то степные кочевники, изобразив самца и самку в стадии оплодотворения, а иногда пририсовав к ним крохотную третью фигуру детеныша, считали, что этим достаточно передали идею увеличения поголовья животных.

Интересную картину выявила классификация изображений животных в их единстве с сопутствующими деталями. Оказалось, что

60 % фигур животных на петроглифах Забайкалья тесно связаны с изображениями оградок, 30 % фигур переданы в сочетании с пятнами-скотом, 9,5 % фигур трактованы в одиночном порядке, 0,5 % фигур заключены в оградки.

Отсюда следует, что животные, которых изобразили художники бронзового — раннего железного веков, в основном рассматривались не как объект для таежной охоты, а как характерные элементы ведения скотоводческого хозяйства (90,5 %).

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ — ПИКТОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО КУЛЬТУРЫ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ

Изучение новых петроглифов Забайкалья в последние годы позволило пересмотреть привычный взгляд на проблему построения наскальных композиций. Выяснилось, что хотя многие писаницы и представляют собой разрозненные остатки былых «полотен», тем не менее сохранилось немало цельных композиций, которые построены по единому канону, а представленный набор рисунков (элементов) четко разделяется на два яруса (по вертикали сверху вниз): 1) набор символов, олицетворяющих понятие Неба как божества: Солнце, Луна, орлы, антропоморфные существа, горизонтальные полосы и т. д.; 2) набор символов, олицетворяющих понятие богатства степняка-скотовода: пятна — скот в загонах и в поле, хозяин — владеец и его семья, орел — тотем (защитник рода, племени, небесное божество).

Первый (верхний) ярус символов может передавать образ божества, к которому обращается проситель; во втором (нижнем) сконцентрирована желаемая цель, испрашиваемая у данного божества.

Небезынтересно указать, что и шаманские молитвы народов Центральной Азии также имеют двухъярусное вертикальное построение. У бурят, к примеру, такие молитвы состоят: из обращения к небесным богествам и из испрашиваемой у них цели. Приведем для иллюстрации сокращенный устный вариант:

1. О Вечное Синее Небо! (Либо конкретное лицо из верхнего мира).
2. Нас, бедных, сделайте богатыми,
Нас, не имеющих детей, сделайте имеющими детей.
Сделайте имеющими табуны, наполняющие загоны...¹¹²

Или (после обращения к небесным духам-божествам):

Расплодите наш скот и табуны,
Сделайте нас богатыми и счастливыми,
Размножьте наших внуков и правнуков,
Сделайте нас многочисленными и здоровыми...¹¹³

Письменная (наскальная) запись этого обращения звучит у народов Центральной Азии еще короче: «Силю Вечного Синего Неба да будет счастье!»¹¹⁴.

Набор символов и вертикальная двухъярусность их расположения в наскальной композиции очень статичны. В качестве при-

меров можно привести многочисленные композиции аналогичного характера на петроглифах Центральной Азии и Забайкалья, что свидетельствует о явно традиционном представлении о том, каким образом можно записать рисунками обращение к божествам.

Поскольку второй ярус изображений-символов нами разобран ранее, то коснемся немного сущности первого яруса, вобравшего в себя символы понятия Неба как всемогущего духа-божества.

Понятие Неба как верховного божества передается на петроглифах эпохи бронзы — раннего железа разными, но в целом однозначными символами: солнце + луна + орел + человечки; орел + солнце + луна (крест) + человечки; солнце + луна + два слоя неба; антропоморфный человек + солнце или человек-солнце.

Важно отметить, что некоторые символы понятия Неба известны и в шаманской иконографии бурят — онгонах. Более того, на петроглифах бронзового — начала железного века Забайкалья и Центральной Азии уже видим антропофизацию понятия Неба. Под человечками с «солнечными» головами или без таковых можем видеть образы сынов Неба, спустившихся на землю и сделавших различные географические объекты (горы, скалы, озера, реки, урочища и т. д.) своим местом жительства. Именно к ним как к сынам Неба и всемогущим владыкам родовой территории обращали буряты-шаманисты свои молитвы.

Вот, например, отрывок из обращения к духу писаницы Саган-Заба на Байкале:

Сээг!
С лучами матушки — Золотое солнце,
Со светом батюшки круглой Луны,
Благословением батюшки Эсэгэ-Малана,
Благословением матушки Эхэ-Юран,
Пусть спускается с молнией,
Пусть устанавливается бурханом.
Имеющий местопребывание между гор
(престол, седалище)
Бурхан, имеющий изображение среди скал,
Старец Буурал,
Буга хатан...¹¹⁵

Или другой отрывок обращения к духам писаницы Ая на Байкале:

Эрген Белый господин,
Счастлирое Белое божество!
Седовласая Белая госпожа!
Стережете эту местность,
Охраняйте наши веси!
При наличии золотых небес
Вы поселились в местности Ая,
При наличии ханского неба
Вы избрали гористую местность...¹¹⁶

Тесная взаимосвязь, единство Орла и Неба, точнее, представление о священном златокрылом Орле как деривате Неба было верно подмечено, но далее не развито А. П. Окладниковым на примере многочисленных этнографических параллелей бурят, ибо именно у них

«в силу своей многовековой оторванности от общей массы монгольских племен, с наибольшей полнотой сохранивших все свои эти следы первобытной жизни и религии монголов, уцелел ярко выраженный культ орла»¹¹⁷. И у якутов, по данным Г. В. Ксенофонтова, есть аналогичное представление о птицах обширного Неба Аан-Чалбэй и Ала-Ньюонгсол с золотыми крыльями¹¹⁸.

Отсюда, как писал А. П. Окладников, «естественно отождествление неба и солнца с птицей». Более того, «златокрылый орел старой монгольской легенды и есть само сияющее, живое и благотворное божество солнца», иными словами — «сама небесная стихия, само „Вечное Небо“, к которому ежедневно обращались монголы XII—XVI вв. ... как к высшему божеству»¹¹⁹.

Применение широких этнографических аналогий позволило А. П. Окладникову точно нащупать смысл изображений птиц на петроглифах Забайкалья и Монголии и дать им правильное смысловое объяснение. По его мнению, в фигуре летящей птицы можно, как в пиктограмме, прочесть ту традиционную формулу древней степной религии, которая тысячу лет спустя появилась в памятниках монгольской письменности — «Силоу Вечного Синего Неба да будет счастье!». «Хищная птица, гордо парящая над всеми остальными рисунками — пятнами и человечками, фигурами животных в наскальных изображениях по берегам Селенги, Джиды и Уды, может быть, следовательно, расшифрована как носитель светлой небесной силы, как залог плодородия и счастья, как верховный покровитель скотоводческих общин, устраивавших в древности свои торжества у подножия этих расписанных красной охрой гранитных скал. Изображение птицы было не чем иным, как молитвой небу, а одновременно магической формулой, заклятием...»¹²⁰.

Полученный материал, таким образом, позволяет говорить о петроглифах бронзового — раннего железного веков Забайкалья и Центральной Азии не столько как о памятниках древнего наскального искусства, сколько как о памятниках пиктографического письма, расшифровывающегося современными шаманскими молитвами.

Давая определение этому виду средства общения, известный исследователь первобытного и традиционного искусства В. Б. Мириманов писал: «Первоначальным типом [письма] было пиктографическое письмо, состоящее из отдельных конкретных изображений. Этот первоначальный тип письма еще теснее связан с первобытным изобразительным искусством, от которого это письмо начинает постепенно отделяться примерно в начале мезолита... У некоторых народов Крайнего Севера... пиктограмма и в наше время по-прежнему продолжает играть роль письменности»¹²¹.

В Бурятии пиктографическое письмо дожило практически до современности. Обнаруженные памятники наскальной живописи XVIII—XIX вв. также представлены композициями двухъярусных символов понятий Неба и испрашиваемой цели¹²². Священное почитание петроглифов эпохи бронзы и раннего железа как письменности сохраняется в Забайкалье до сих пор. Все подобные скалы имеют два специальных термина: у восточных бурят — «бичиг», у запад-

ных — «зураг», но с едиными смысловыми корнями «писать», «рисовать, чертить, писать». Важно, что история семантического развития древнейшего корня «зур-» вплоть до наших дней сохранила его культовое назначение и религиозно-мистическую, «толковательно-предсказательную окраску», который в сочетании с другими окончаниями дает понятие «астрология», «историческое предание», «толкование», «объяснение» и др.¹²³.

Таким образом, наскальные рисунки эпохи бронзы — раннего железа (культуры плиточных могил) Забайкалья и Центральной Азии представляют собой памятники древнейшей пиктографической письменности. Относящиеся к типу культовой иконографии, данные рисунки являются обращением к небесным духам-божествам с конкретной мольбой о даровании семейного счастья и жизненного благополучия. Наиболее хорошо сохранившиеся образцы древних композиций имеют двухъярусное вертикальное построение и могут быть прочитаны с применением современных шаманских молитв. Традиция пиктографии, вероятно, сохранялась жрецами вплоть до появления и развития тюрко-монгольской письменности. Дальнейшее исследование пиктографии очень важно для познания различных сторон материальной и духовной жизни так называемых бесписьменных народов Центральной Азии и Южной Сибири.

НАСКАЛЬНЫЕ НАДПИСИ РАЗНЫХ ЭПОХ — ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ ТРАДИЦИОННОСТИ ПОЧИТАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ

Не менее важным источником в деле изучения преемственности почитания древних жертвенных мест у подножий петроглифов являются надписи на скалах. В ряде случаев они даже полнее и красноречивее самого лучшего наскального рисунка свидетельствуют о том, что святилища близ утесов действительно играли важную роль в общественной жизни древних этносов. Такие надписи очень часто сопровождают петроглифы Северной и Центральной Азии, поясняя смысл изображенного и показывая тем самым глубокую преемственность культа почитания того или иного священного места.

Надписи, начертанные, к примеру, на скале Их-Тэнгэрийн-ам («Падь Великого Неба»), находятся в определенной смысловой связи с рисунками бронзового — раннего железного веков. Согласно предварительному переводу Ц. Дамдинсүрэн, они передают традиционную ритуальную формулу-молитву древних монголов — их заклятья и благопожелания, которые впервые встретились европейцам в пайцзах монгольских ханов. Смысл надписи на скале Их-Тэнгэрийн-ам может быть передан так: «Силою Вечного Синего Неба и при помощи великого счастья перед этой скалой преклонимся во имя счастья!»¹²⁴.

Последующие надписи на скале Их-Тэнгэрийн-ам сделаны позже тюрков и ранних монголов — на старокитайском и тибетском языках:

1) «...весь жертвенный предмет соизвольте... данный... добродетельность» — на кит. яз.;

2) «Вечного Неба соизволением данный великий Сумегес¹²⁵. Сюда приходившие и мимо проходившие отсюда (из этого места), поклонившись, если принесут жертвы, великая благодарность будет» — на тиб. яз.;

3) «Силою этой молитвы из 18-ти адов да будут освобождены» — на тиб. яз.;

4) «Благодаря этой молитве да будут перерождаться в стране высшего Будды. Да будут перерождаться в стране Сукевади (рая)» — на тиб. яз.¹²⁶

А. П. Окладников, изучавший петроглифы Их-Тэнгэрийн-ам, придавал большое значение факту преемственности смысла древних изображений. «Не случайно уже то обстоятельство, — писал он, — что монгольские надписи и рисунки XIII—XIX вв. находятся на том же месте, что и писаницы скотоводов бронзового века. Связь между ними намеренно подчеркнута и самим древнемонгольским художником. Он повторил на своем рисунке характерные пятна-точки бронзового века, а также угол магической „ограды“. Близок и поныен ему был, очевидно, и внутренний смысл древнейших писаниц-заклинаний, у которых была та же цель — обеспечить счастье людям, обилие молока и кумыса и вообще плодородие.

Так же как и в бронзовом веке, небольшая падь Их-Тэнгэрийн-ам была местом культа Неба. А у черной скалы совершались праздничные жертвоприношения. Во время торжеств пелись древние эпические песни, где вспоминалось самое начало вселенной и славилась прародительница живых существ — лань!»¹²⁷

Древнетюркская руническая надпись на святилище-петроглифе Вичикту-Бом (Алтай) сохранилась почти полностью и представляет собой обращение к богоствам:

Высоко наполнись изобилие;
Главный враг — мой, мир сделай;
Удача-дружба, установись [досл.: «наличной сделай»];
Пожелай хотя бы первой степени насыщения;
Довольство сделай;
Богатый Кёй [Обильный?];
Священный Кёй [Обильный?] ¹²⁸.

Мы привели три аналогии сопредельных территорий, потому что непосредственно в регионе Восточной Сибири древние наскальные надписи в связи с петроглифами изучены крайне недостаточно. Тем не менее даже то немногое, что уже известно исследователям, позволяет с уверенностью считать надписи одним из важнейших источников в деле изучения проблемы хронологии почитания древних жертвенных мест у подножий писаных скал.

В районе Байкала эти надписи в основном создавались ламами-буддистами на шаманских святилищах с целью уменьшения «силы колдовских, бесовских печатей». Они, как правило, выражают священную формулу-молитву «Ом мани падме хум» — табуированное имя Будды. Тем не менее на петроглифах Забайкалья встречаются и

более обширные тексты, написанные на старомонгольском и тибетском языках, которые еще не прочитаны, но, судя по аналогиям, могут быть выражениями личных благопожеланий. Надписи эти обычно нарисованы белой краской или выбиты на скалах. Имеется небольшое количество мест, где такие тексты написаны темной охрой. Буддийские тексты встречены в основном на таких петроглифах, которые оказались вблизи действующих дацанов или на пересечении оживленных дорог — Темниковская пещера, окрестности Улан-Удэ, Усть-Кяхты, Оронгой, Иволги и некоторые участки долины рек Уды и Селенги. Определенный центр надписей разных эпох и народов сложился на о. Ольхон, на стенах Мангутской и Баргузинской пещер, а также в некоторых других местах. Часть надписей легендарно связывается с именем Чингисхана.

К числу древних надписей следует отнести многочисленные тамгообразные знаки и памятники рунического письма, первые из которых отмечены в Забайкалье, а вторые хорошо изучены в Приангарском крае. Тамгообразные знаки в большом количестве присутствуют на петроглифах рубежа нашей эры в районе Усть-Кяхты, но отмечены они и как второй пласт на рисунках эпохи бронзы — раннего железа. Даже в том случае, что древняя эпиграфика Восточной Сибири в основном еще не прочитана, она служит ярким доказательством живучести традиции культового почитания писаных скал.

В этом нас убеждают те из надписей, которые уже дешифрованы. В 1981 г. Н. М. Ядрищев нашел среди изображений Улан-Хады на Байкале древнюю надпись на старомонгольском языке, которая выражает ту же идею, что и в Их-Тэнгэрийн-ам. Перевод старомонгольской надписи, сделанной черной тушью на петроглифе Хотогой-Хабсагай в Удинской долине, в варианте Г. Л. Ленхобоева гласил:

Широкая страна [котловина,— имеется в виду долина р. Оны].

Хозяин горы, человек медным ружьем владеющий,

Перед ним поклоняющаяся женщина по имени Тангардан.

Своей менструальной кровью [ее осквернившая].

Этой горе она жертвует медное ружье

И прощения просит у хозяина горы, Лусун-хапа.

Просит, посылая это медное ружье, чтобы он

Не посылал шитхуров [т. е. чертей, злых духов.— А. Т.].

«Если чтение этой надписи в какой-то мере правильное,— писал А. П. Окладников,— оно подтверждает наличие религиозного культа, шаманистического по происхождению, который связан с Хотогой-Хабсагаем»¹²⁹. Хронология почитания этой священной скалы по древним рисункам и надписи следующая: петроглифы эпохи бронзы и раннего железа — старомонгольский текст — буддийский текст — современность.

Аналогичная картина наблюдается на писанице Бэшэгтуу, где отмечена древняя монгольская надпись конца XII — начала XIII в., выполненная темно-вишневой охрой и связываемая местным населением с именем Чингисхана. Предварительный перевод ее, сделанный Ц. Б. Цыдендамбаевым, гласит: «Большому хозяину... за тот [твой] подлинный рисунок [портрет]... благодарствую»¹³⁰. Надпись эта

является связующим звеном в доказательстве долговременности почитания культа писаной скалы Бэшэгтуу: бронзовый и ранний железный века — средневековые — буддизм — современность.

Безусловно, что продолжение работы по дешифровке древней эпиграфики даст немало интересного материала для решения вопроса о долговременности почитания культовых святилищ Восточной Сибири, связанных со скалами-петроглифами. Это тем более важно, что нечто подобное зафиксировано и в отношении «таежных» петроглифов Северной Азии и Восточной Сибири, однако к более тщательному изучению данного вопроса ученые еще не приступили.

В Якутии, к примеру, хорошо известны «рунообразные» или им подобные знаки, часть из которых поддается расшифровке. Композицию загона зверей в ловчие изгороди на писанице Давыдово (р. Лена) сопровождает слово «алкатим», что с древнетюркского буквально означает «я благословил». Слово это по созвучию схоже со старинным якутским выражением «алгыс», означающим торжественное обращение к богам, а именно молитву. Вложенная в уста богини-деятельницы охотничьей добычи, счастья, удачи (женщина, которая гонит стада в ловчие засеки), эта руна должна означать, следовательно, «я благословляю вас удачей»¹³¹.

Рисунки и руны с аналогичным содержанием имеются на о. Писаном и в других местах долины р. Лены, часть из которых еще ждет расшифровки исследователя.

Важно, что древние сказания ясно говорят о магическом значении древних письменных знаков на скалах Восточной Сибири. В якутской поэме «Сун-Дьяһын» Агья-богатырь встречает у восьмь-русового Араат-моря человека, который «стоит и на каменном столбе письмена пишет». Имя его «Небесных велений ведатель и письменоводец», или иначе — «Рока писец»¹³². В другой былинке этот писец велений оказывается самым Дьылга-Тойоном, божеством судьбы. «Я про Ньургун-баатыра, — говорит он, — написал на чистом каменном столбе, имеющем четыре грани о восемь острий, алой кровью верхних мест, чтоб он стал вождем в мощных битвах, чтоб он осудил злодеев разных стран, чтоб он укротил обманщиков в тех краях»¹³³.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЧИТАНИЕ «СТЕПНЫХ» ПЕТРОГЛИФОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Места сосредоточения петроглифов среди местного населения Забайкалья овеяны легендами и пользуются традиционным культовым почитанием. Причем важно отметить, что в одних случаях, как показали исследования С. П. Балдаева, А. П. Окладникова, Г. Л. Ленхобоева и др.¹³⁴, жители хорошо знают о существовании древних наскальных рисунков; в других же — не подозревают о их бытии. Но в тех и других случаях их объединяет общее представление о каких-то кладах, и что особенно любопытно, о древних вещах, зарытых у подножий скал или в пещерах. Например, о петроглифе Баян-Уула (Баин-Дзурхен), что близ Усть-Кяхты, говорили, что в старые времена здесь, в гроте-пещере, жил какой-то буддий-

ский монах-отшельник «тойи». Вместе с тем этот отшельник изображался с чертами разбойника. В гроте он будто бы прятал наворованное добро. Местные жители неоднократно рыли здесь ямы в поисках спрятанных сокровищ.

В пещере Баян-Дэлгэр, находящейся неподалеку от первой, рассказывали, что однажды из Селенгинского дацана была получена бумага, гласящая о том, что в этой пещере спрятан клад. Искатели сокровищ добрались до огромной каменной плиты (позднее оказавшейся полом пещеры), но поднять ее не сумели. Следы кладонскательских ям сохранились до сих пор ¹³⁵.

Следы аналогичных кладонскательских раскопок заметны также вблизи петроглифов Субуктуй, Усть-Кяхта, п. III, Бургэт-Байца и в других местах. О последней Э. Р. Рыгдылон в свое время писал: «...Возле этой скалы заметны заросшие ямы кладонскателей» ¹³⁶.

Про пещеру близ с. Наденно говорили, что в старину там находили бронзовые вещи, видели на священном дереве медный котел как жертвоприношение местному духу горы. О железной кольчуге, шапке и железных унтах, которые лежали у подножия петроглифа Тэмээн-Шулуун, рассказывал А. Н. Окладников информатор Г. Л. Ленхобоев. Примечательно, что у местных жителей существовала интересная легенда о мальчике-слуге, которого хозяин преподнес священной скале в качестве жертвы, для того чтобы было снято «заклятие с военных доспехов» ¹³⁷.

Многое сделал в изучении этнографического почитания петроглифов Забайкалья краевед Г. Л. Ленхобоев, которому удалось записать от оронгойских стариков целый цикл издревле существовавших преданий. В своей рукописи собиратель упоминает наскальные рисунки в пещере Гун-Саба, Острая Сопка, на скалах Тэмээн-Шулуун, Тамгату, Дрэвин-Шулуун, Малый Алтаи, Гэр-Шулуун, Баршагар (бассейн рек Иволги и Оронгой), Ангир, Хэлтэгэй-Байца, Лысая Гора, Наденно, Буй, Гол-Тологой, Бэшэгтэ-Байца (бассейны рек Уды и Хилка).

Записи Г. Л. Ленхобоева показывают, что вокруг древних памятников наскального искусства в среде забайкальских бурят сложился особый «вполне законченный и оригинальный цикл преданий и легенд». Бурятские старики видели в наскальных рисунках своего рода пиктографические летописи, рассказывающие о жизни (точнее, о перекочевке в Приангарье) древних обитателей долины р. Селенги и ее притоков. Они даже пытались по-своему «прочитать» эти летописи далеких предков, запечатленные на камне.

Любопытно, что оронгойские старики держали местонахождения петроглифов в большой тайне: они были твердо убеждены, что за разглашение табу виновного настигнет кара духа — хозяина рисунков. Только перед своей смертью старики поведали сокровенную тайну предков Галдану Ленхобоеву и даже показали любознательному мальчику священные изображения на скалах ¹³⁸.

Анализируя предания оронгойских бурят в отношении древних писаниц, можно установить три основных легендарных этапа в их создании. Первый относится к далекому времени междоусобных

войн, в частности, освободительной борьбы предков бурят с «войсками Таньчи-Хубин-хана», задолго до появления на исторической арене Чингисхана. Второй этап датируется предельно точно 1212 г., когда Чингисхан «решил уяснить своих предков». Третий этап связывается с установлением буддизма на местной, шаманской почве. два последних этапа, судя по их легендам, связаны не с созданием новых писаниц, а с нанесением на древние рисунки каких-то «очистительных» надписей и изображений, типа того как православные миссионеры рисовали кресты на писаных скалах, уменьшая тем самым «колдовскую силу бесовских печатей»¹³⁹.

Если многие «степные» петроглифы Забайкалья связываются одной старинной легендой, то часть других писаниц упоминается в каких-то отрывочных преданиях, не дошедших до нас полностью. Однако буряты относили события этих преданий ко времени войны с Таньчи-Хубин-ханом или считали их, по крайней мере, предшествующими эпохе Чингисхана. Одним из таких почитаемых мест являлся петроглиф Тумээн-Тологой. Рассказывали, что в далекие времена здесь погибло 10 тыс. «беданских» воинов, в память о которых и дано название места. «Предки эти, — писал Г. И. Ленхобоев, — эту скалу считали священной и, проезжая мимо, оставляли деньги и водку, чтобы задобрить злых духов; такой обычай сохранился у старых людей и доныне»¹⁴⁰.

Соседняя скала, Алтан, названа так якобы потому, что у ее подножия сын Хурсар-мэргэн-хана некий Чикам-Бурал спрятал 80 верблюжьих вьюков золота. Малая сопка, Бага-Алтан («Малое золото»), стоящая вблизи Алтана посреди болотистой низменности Оронгой, также почиталась местными бурятами. Она связана с именем страшного волосатого людоеда, который хотел резать сына Айдарай-баяна — хозяина-богача верховьев Оронгой.

Третий этап истории петроглифов Оронгойской долины связывается с деятельностью некоего ламы, который не поленился объездить все известные памятники древнего наскального искусства края и начертать на них белой краской или выбить по камню священные буддийские изречения. Этот этап, впрочем, характерен для всего Забайкалья, Байкала и отчасти Приангарья, ибо почти на всех осмотренных нами петроглифах можно заметить следы «освящения» их буддистами, а позже или одновременно — православными миссионерами.

О культе священных писаных скал в степном районе долины Енисея у хакасов сообщал еще М. А. Кастрен: «Поклонялись в прежние времена также и высоким скалам, святость которых обозначалась намалеванными или высеченными фигурами... Рассказывают, что еще и ныне в иной день многие татарские поколения собираются у подножия „писаных скал“ или возле каменных изваяний, чтобы отметить свои праздники»¹⁴¹. Еще ранее А. П. Степанов (1835 г.), а позднее Н. И. Попов (1876 г.) писали, что один из утесов в узкой долине недалеко от р. Абакан, весь исписанный петроглифами (тамгами), даже называется арбаты (отсюда название речки, урочища и деревни Арбаты), что по-русски значит «жертвоприношение»¹⁴².

Д. А. Клеменц описал поклонение утесу Иней-тас («Каменная старуха») на р. Кюг, где само очертание скалы напоминало «закутанную с ног до головы фигуру женщины», которой хакасы «приносят ежегодно жертвы»¹⁴³. По данным этого автора, «около утеса есть площадка, огороженная камнями, усыпанная песком и заставленная грубыми изваяниями животных». Д. А. Клеменц вывез оттуда в Минусинский музей 16 каменных фигурок баранов и людей.

Культовые моления (*тайыг*) хакасы до недавнего времени устраивали возле писаных скал на горе Оглахты по Енисею и возле Сулекской Писаной скалы в долине Черного Юся ¹⁴⁴. При каждом посещении они рисовали на священных утесах свои родовые тамги ¹⁴⁵.

В культе священных скал, по данным Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева, прослеживаются прямые генетические связи хакасов XVIII—XIX вв. с их непосредственными предшественниками и предками. Исследователи установили, что такие же, а точнее, те же самые священные скалы с надписями и рисунками существовали у хакасов и в средневековье, в IX—X вв., когда они также после молитвенных празднеств, жертвоприношений (*тагыр*) оставляли на скалах свои тамги. Их надписями и тамгами покрыты, например, известные средневековые хакасские святилища на скалах Хая-Бажы в Туве, Сулекской и Тепсейской в Хакасии ¹⁴⁶. По дважды повторенной енисейской надписи, вырезанной над рисунками Сулекской писаницы, установлено, что средневековые хакасы такие священные скалы называли словами «Бенгю хая», т. е. «Вечная скала», «Памятник, оставляемый на века». Любопытно, что на Писаной горе (хак.: «Пичиктыг хая») Сулека средневековая писаница и рисунки современных хакасов, как бы подчеркивая преемственность, располагаются на двух соседних плоскостях одной и той же скалы ¹⁴⁷. Обе они покрыты не только рисунками, но и тамгами.

В 20-х гг. С. А. Теплоухов в Хакасии «натолкнулся на пастуха, который старательно вычерчивал свою тамгу на писанице весьма почтенной древности»¹⁴⁸.

Обобщая выше изложенный материал, можно сделать такие выводы.

1. Места сосредоточения петроглифов Восточной Сибири издавна пользуются у местных жителей особым почитанием. Как правило, такие места совпадают с современными культовыми святилищами бурят, хакасов и тувинцев, причем наиболее крупные комплексы рисунков находятся на таких священных местах, которые имеют большую общественную значимость у современного населения края.

2. Важным источником в деле изучения традиционности существования одного и того же культового места являются наскальные надписи разных эпох (от древнетюркских до старомонгольских, санскритских и современных русских), которые представляют собой записи молитв к духам скал и местности.

3. О том, что и сами древние изображения разновременны, говорит стратиграфия наскальных композиций: палеолит? — неолит — бронзовый и ранний железный века — первые века нашей эры до эпохи тюрков включительно — раннемонгольские рисунки — изображения этнографической современности. Столь же бесспорен

факт разнотемности и разностильности изображений. Зачастую рисунки разных эпох и стилей тесно сосуществуют на одной скале как отдельными группами, так и вторыми или третьими пластами, перекрывая более ранние изображения. В тематике представленных разновременных образов ярко выражена идея плодородия зверей (неолит и отчасти бронзовый век) с постоянным наполнением и последующим вытеснением сюжетами религиозно-магического и мифического содержания вплоть до тамгообразных знаков (древнетюркское время) и реальных бытовых сцен (позднее средневековье — современность). Одновременно с изменением вариации сюжетов древних наскальных изображений меняются и технические приемы их нанесения (охра — выбивание — процарапывание).

4. Среди «степных» петроглифов Восточной Сибири особенно хорошо изучены «селенгинские» изображения Забайкалья, выполненные красной охрой и датированные временем эпохи бронзы и раннего железа, причем на каком-то этапе они дали начало и сосуществовали с так называемой кяхтинской группой петроглифов, дожившей в Забайкалье вплоть до конца древнетюркского времени.

5. Дешифровка идейного содержания «селенгинских» петроглифов показывает, что в статичности представленных сюжетов видим пример пиктографического письма. Наиболее цельные композиции подчинены принципу двухъярусности рисунков. Первый (верхний) ярус содержит набор рисунков, дающих понятие Неба как единого божества, к которому обращается проситель. Второй (нижний) ярус содержит набор символов, передающих понятие испрашиваемой цели: увеличения поголовья стад домашнего скота, повышения рождаемости родового коллектива, защиты от враждебных сил.

6. Таким образом, даже внешние признаки петроглифов показывают их глубокое значение в качестве священных мест коренных этнических групп края. И действительно, первые же раскопки у подножий скал с рисунками показали бесспорный факт наличия здесь древних жертвенных мест. Наши последующие исследования подтвердили и значительно обогатили выявленную картину. Важным моментом является то, что многие жертвенные места у подножий петроглифов или в пещерах имеют многослойность жертвенных приношений начиная от эпохи неолита и вплоть до нашей современности включительно. Второй важный момент заключался в том, что основная масса этих жертвоприношений датирована, как и сами петроглифы, эпохой бронзы и раннего железа. Характер жертвенного материала традиционен: кости животных, посуда, орудия труда, другие предметы. В обрядовых действиях широко применялись кострища и очаги, другие виды наземных каменных и деревянных сооружений.

ГЛАВА V

РОЛЬ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ В ЖИЗНИ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

КОНЦЕНТРАЦИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В ОДНОМ МЕСТЕ

Археологи зачастую рассматривают тот или иной объект в отрыве от комплекса разновременных памятников и природного ландшафта. С одной стороны, это кажется правильным, поскольку на территории Восточной Сибири действительно имеется немало одиночных или одновременных памятников археологии. С другой — есть много примеров концентрации разновременных археологических объектов в одном месте (особенно в лесостепных районах Забайкалья). Среди них отметим следующие.

1. Вокруг *Горы Суслова* по р. Селенге располагаются: палеолитическое поселение — пещера — петроглифы бронзы — раннего железа со следами жертвенных приношений — керексуры с очагами-жертвенниками — два плиточных могильника с культовыми местами — средневековые захоронения — старобурятские могилы — обо.

2. Вокруг *Санного Мыса* по р. Уде сконцентрированы: многослойные поселения палеолита, неолита, бронзы и раннего железа — петроглиф «селенгинского» типа со следами жертвенных приношений — три плиточных могильника — жертвенный очаг со следами жертвоприношений — керексуры — «фигурные» могилы эпохи бронзы — раннего железа — средневековый могильник — старобурятское кладбище — обо.

3. У горы *Баин-Хара* по р. Тугуй зафиксированы: две пещеры с наскальными рисунками «селенгинского» стиля и со следами жертвенных приношений — плиточные могильники — керексуры — средневековый могильник — старобурятское кладбище — обо.

4. Вокруг горы *Боргой-Сельгир* по р. Дзиде находятся: палеолитическое поселение — петроглифы «селенгинского» и «кяхтинского» типов — плиточные могильники с оленными камнями — керексуры — средневековый некрополь — старобурятское кладбище — обо.

5. Вокруг горы *Янгажинский Танхар* по р. Оронгой сконцентрированы: находки орудий труда палео-неолитического облика — пещера с «селенгинскими» петроглифами и жертвенными приношениями от неолита до наших дней — керексуры — средневековые захоронения — средневековые культовые сооружения — ритуальные площадки этнографической современности — каменные «стены» неустановленной хронологии и назначения — обо — субургаи.

В таежной зоне Восточной Сибири концентрация разновременных памятников археологии также зафиксирована, но этот факт в комплексе еще не изучался. В качестве примера укажем на гору у с. Шишкино на р. Лене, вокруг которой А. П. Окладниковым отмечены: верхнепалеолитическое поселение и петроглиф — стоянки, погребения и петроглиф эпохи неолита и бронзы — глазковское культовое место — курыканское городище и петроглифы — петроглиф и могильник эпохи средневековья — шаманская роща, шаманские могилы, жертвенники-шэрээ, остатки жертвенных приношений этнографической современности.

Этих немногочисленных примеров вполне достаточно, чтобы констатировать факт сосредоточения разновременных памятников археологии в компактном месте, а точнее, у подножий эффектных скалистых гор. Трудно спорить с теми оппонентами, которые считают все это лишь следствием использования скальных валунов для устройства надмогильных и иных каменных сооружений. Другие оппоненты выводят подобное сосредоточение разновременных памятников через призму эстетического восприятия местности.

При внимательном рассмотрении ситуаций расположения памятников археологии сопредельных регионов устанавливается, что подобные сосредоточения древних объектов не являются характерной деталью только для Восточной Сибири. Ранее на ту же проблему в отношении Алтая обратил внимание В. Д. Кубарев, хотя он выделяет памятники, близкие по хронологии и их культовому содержанию. «Все эти памятники,— пишет он,— расположены по берегам рек, у подножия выделяющихся формой священных в древности гор, на скальных выходах которых *обязательно* (выделено нами.— А. Т.) имеются многочисленные рисунки-петроглифы»¹. В качестве примера укажем на местность Барбургазы, где вокруг родовой горы находятся крупные курганные могильники со сложным культовым комплексом, а на горной вершине — петроглиф с ритуальной площадкой и жертвенным алтарем. Кроме того, там же зафиксированы культовые места этнографической современности и теленгитские могилы ².

Наблюдения, проведенные В. Д. Кубаревым на Алтае, позволили автору прийти к важному выводу о том, что сосредоточение разнотипных памятников вокруг священных родовых гор является признаком существования здесь в древности крупнейших культовых центров. Начиналось все с того, что у подножия скалы в эпоху бронзы устраивали могильник и культовое место с каменными изваяниями. Тогда же возникли и петроглифы, затем подновляемые или дополняемые новыми изображениями во время поминальных тризн. «Этот процесс,— пишет В. Д. Кубарев,— продолжался вплоть до наших дней, о чем свидетельствуют теленгитские могилы и рисунки с шаманскими сюжетами»³.

Важно подчеркнуть, что аналогичные выводы были получены и Г. Мэнсом относительно территории Монголии. Им установлено, что большинством разновременных поминальных, ритуальных и погребальных памятников этого сопредельного региона Центральной

Азии группируются весьма компактно по берегам рек и других источников воды, располагаются в непосредственной близости к горам, на скальных выходах которых в большинстве случаев имеются наскальные рисунки — петроглифы. Шурфовка древних жертвенных мест у подножий скал с петроглифами установила, что практически все писаницы в прошлом служили культовыми центрами. По данным наблюдений Г. Мэнэса, можно проследить все этапы возникновения и дальнейшего развития таких святилищ, если обратиться к одному из них — на р. Тамир. На надпойменных террасах этой реки в местности Хэрээгийн-узуур, Их-Тамир-сомона, которая близко подступает к подножию невысоких гор с петроглифами, устроены десятки огромных по размерам керексуров, сконцентрировано множество оленных камней. Неподалеку от них расположен знаменитый древнетюркский поминальный комплекс Бугудский.

Изучив собранный материал, Г. Мэнэс пришел к выводу, что археологические памятники, образующие определенную локализацию на местности и имеющие единый типологический облик, отражают родовой характер обитания древних коллективов на определенном отрезке времени. Поэтому горы с писаницами служили культовыми центрами для жертвоприношений своей родовой горе, в архаичном понятии равнозначной своей родовой земле, выраженной конкретными адекватными понятиями «елгий нутаг», «нутаг ус», «газар ус», «эх нутаг»⁴.

Модель образования культовых мест у священных гор, разработанная В. Д. Кубаревым на Алтае и Г. Мэнэсом в Монголии, может быть применена и в Восточной Сибири. Как мы показали выше, раскопки у целого ряда петроглифов выявили многослойность жертвенных приношений от неолита (а может быть, и даже палеолита) до наших дней, в то время как сами рисунки датируются эпохой бронзы — раннего железа. Это может говорить о том, что представление о священной горе (например, в Забайкалье) возникло задолго до того, как появилась традиция нанесения рисунков. Практически повсюду петроглифы «селенгинского» типа сосуществуют с плиточными могилами и керексурами, появившимися у родовой горы одновременно с иконографикой или позже того, как начали почитаться сами горы (скалы). Те же многослойные жертвоприношения рисуют продолжение традиции обожествления географического объекта, в то время как нанесение изображений было прекращено. Вместе с тем те же слои по времени совпадают с более поздними некрополями, появившимися на территории плиточных могильников и близ шаманских культовых мест — обо, бариса, шаманских рощ и могил, священных деревьев и т. д.

Изучив факт сосредоточения разновременных памятников археологии в одном месте, мы пришли к выводу, что почитание гор (скал) в Забайкалье от неолита (палеолита) до современности явилось причиной появления петроглифа (раннешаманской иконографии и пиктографии) и всех последующих могильных комплексов с их культовыми местами, видимо подчиненных к святилищу на родовой (племенной) горе.

РОЛЬ СВЯЩЕННОЙ РОДОВОЙ ГОРЫ В ЖИЗНИ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Приведенные выше материалы показали, что скалы (горы) с петроглифами или без них являются наиболее древними и, пожалуй, наиболее почитаемыми священными местами предков. Истоки их обожествления заложены в то далекое время, когда скалы играли важнейшую роль в жизни древнейших людей, поскольку были основным источником сырья для изготовления каменных орудий труда и местами первоначального проживания (в пещерах) до изобретения наземных каркасных жилищ⁵. «В истории человечества не было другой эпохи, когда связи с горой и пещерой были бы столь тесными, сложными и жизненно важными для людей»⁶.

Вероятно, именно с тех далеких эпох идет представление о священных скалах как религиозно-общественных центрах этнических групп, местах обитания предка-тотема⁷. На примере звенков правота такой мысли подтверждается исследованиями С. М. Широкогорова⁸, А. Ф. Анисимова⁹, А. П. Окладникова и А. И. Мазина¹⁰. Проанализировав имеющийся материал о культе скал (гор) у народов Сибири, А. П. Окладников делает следующий вывод: «Священные скалы лесных племен Сибири поэтому, следовательно, и были центром общественной мысли, общественных культур первобытных племен, в особенности самого главного из них — производственного культа, что они считались местопребыванием самого божества-тотема лесных охотников»¹¹.

Одним из первых обратил внимание на важную роль гор как родовых священных мест у монголоязычных народов Г. Н. Потанин. Он писал, что «монгол и урянхаец видит в урочище цельное и неразделимое тело: горы, скалы, вода, лес, степь этого урочища — как будто его неотделимые члены. Такое урочище живет самостоятельною жизнью; у него есть душа. Так как урочища сливаются в целые страны, то рядом с представлениями о духах мелких урочищ в народном воображении создаются духи, соответствующие этим обширным представлениям»¹².

Н. П. Потапов еще в 1946 г. попытался реконструировать знания древних об окружающем мире. По его словам, первобытная община занимала определенную территорию с расположенными на ней постоянными местами культа, местами постоянных и временных поселений, специально улучшенные пещерные капища, искусственные жилища и временные охотничьи лагеря, местами промысла зверя, выходами кремня, пригодного для производства орудий и т. д. Такая территория носила характер семейно-родового и племенного владения и, в силу первобытного мировоззрения, воспринималась как центр культурно освоенного мира. Подобная территория, служившая реальной экономической базой первобытного коллектива, естественно пользовалась почитанием и, вероятно, олицетворялась в образе женщины.

Почитание родоплеменной территории обычно связывается с культом гор. Н. П. Потапов по этому поводу писал, «что почитание

определенных гор... как родовых явилось отражением общей родовой собственности на определенную (преимущественно охотничью) территорию. Почитаемая родовая гора... как своеобразный родовой пенат... явилась отражением той общности родовой территории, которая была так понятна и доступна каждому члену рода и каждым четко осознавалась. В таком освещении становится объяснимым и факт непрерывной связи почитаемой родовой горы с родовой территорией»¹³.

Добавим в этой связи, что географические названия Центральной Азии и Восточной Сибири дают прекрасный пример территориальной раздробленности аборигенных народов. В Монголии и в Забайкалье, к примеру, много объектов, имеющих одинаковые географические названия. Среди них, например, Ваянгол, Нур — река, долина, озеро в Бурятии; Арбаты — урочище, река и деревня в Хакасии; Чуру — ручей, мыс и скала в Якутии.

Другой характерный пример: одна и та же река имеет по своему течению несколько локальных названий, как будто цельность реки не ощущается; напротив, одно и то же имя дается и близлежащим к реке горам, озеру, степи, лесу, улусу и т. д. На изменение характера реки влияет и местность, на которой она протекает. Так, например, в Монголии р. Тургун по течению меняет свое название на Шибир и Кунделен; Хоебин переходит в Куйртыс и Чебеты; Шинкит в нижнем течении называется Кысыл. Точно так же оз. Хубсугул называется и Косогол.

На территории Восточной Сибири подобная топонимия еще не изучалась. Однако мы можем сказать, что р. Уда по своему течению меняется на Тасеево и Чуну; Бирюса — на Опу. Оз. Байкал называлось разными именами, среди которых Ламу (эвенкийское), Байгал (бурятское), Байгалай-далай (монгольское).

К сожалению, дробность географического названия, видимо, уже не может быть изучена в полной мере, так как при составлении карт названия упорядочиваются, из них выбираются и закрепляются самые известные. Эта дробность говорит о том, что территориальная ограниченность родовых групп не дала возможности выработать единые географические топонимы рекам и озерам. Река, протекая по землям тех или иных этнических групп, принимала то название, которое существовало в данной местности.

И. Л. Кызласов, обобщивший огромный фактический материал о культе гор у хакасов, писал: «Имеющиеся фольклорные и этнографические данные позволяют утверждать, что древние предки хакасов имели развитые и очень сложные представления о родовой горе и пещере как источнике происхождения рода, центре, концентрирующем все его биологические и экономические потенции,местилище душ умерших»¹⁴. Глубоко прав ученый, когда говорит, что подобные пережиточные представления о родовой горе и пещере можно найти у многих народов Восточной Сибири: хакасов, тувинцев, тофов, алтайцев, шорцев и др.

Если говорить о бурятах, то нужно признать, что сбором подобных данных еще никто специально не занимался. Между тем

в древнем фольклоре находим почти все те реликты представлений о родовой горе и пещере, которые выявил И. Л. Кызласов применительно к хакасам. В качестве примера можно назвать национальный эпос «Гэсэр», где описывается священная гора с живой водой и зеленым деревом. Отведав этой воды, герой становится сильнее прежде; конь, съев листья с дерева, также становится более могучим. Той же живой водой герой окропляет кости погибших у подножия горы, отчего богатыри оживают. В том же эпосе сестра Гэсэра идет к высокой горе, которая, открывшись, принимает тело умершего брата и опять закрывается. Героини сказок «Айдурай Мэргэн» и «Аламын Мэргэн» обращаются к священной горе: «Раскройся, гора Анье, и отдай кости брата, спрятанного в тебе!». Целая серия преданий говорит о священных горах как жилищах прародителей родов и племен. Например, об утесе Бурхан на о. Ольхон говорили, что там в пещере жили орлы и лебеди — предки хоринцев; в Тункинской долине называют гору «Улукгуй» (от «Улгээ» — колыбель) как местожительство тотема-быка¹⁵.

Характерным примером почитания гор и других географических объектов не только у бурят, но и у других народов Центральной Азии служит сохранившийся культ обо. «Обо — не только место пребывания бога или духа, но и религиозный центр, храм, святыня в рамках определенной этнической или административно-территориальной единицы», — пишет исследователь бурятского шаманизма Т. М. Михайлов¹⁶. Его предшественник Д. Банзаров подчеркивал, что для сооружения обо выбиралось место «величественное, возвышенное, гористое, обильное травами и водой, большей частью при дорогах, для того, чтобы всякий проезжающий мог положить на него какую-нибудь вещь, например, волос от гривы коня, как жертву богу, пребывающему в обо, чтобы снискать покровительство и в путешествии»¹⁷. В. П. Дьяконова выводит этот культ из дошаманистических представлений, относящихся к почитанию природы, в том числе к культу гор, скал, рек и т. д. Она же писала, что в прошлом культ обо носил родовой характер¹⁸.

Будучи родовыми и даже племенными святынями, горы играли важнейшую консолидирующую роль в жизни древних этносов. Интересный, хотя и несколько фантастичный пример тому находим в летописях Юаньской монгольской династии. В гл. 122 речь идет о целой системе священных гор (скал) в бассейнах рек Селенги и Толы. Информаторы пишут, что именно вокруг этих святынь и консолидировалось этническое ядро уйгуров, что подтверждается и другими источниками. Танская империя прежде, чем предпринять поход против возвысившихся на исторической арене уйгуров, в их земли направила «соглядатаев», которые, увидев утес Кутлук-Таг («Гора счастья»), единодушно решили: «Величие и могущество Голина состоит в этой горе; эту гору надо уничтожить, чтобы ослабить это царство».

«Тогда люди Тан, — говорится в источнике, — раскалили его сильным огнем и полили вином и уксусом. Тогда камень распался и его унесли на носилках. Тут испустили жалобные вопли птицы и

четвероногие животные в царстве уйгурском. По прошествии 7-и дней Юйлунь Тэгин умер. Возможные несчастья и бедствия появились, народ жил в беспокойстве, и часто погибали занимавшие престол». В конечном итоге племя уйгуров было вынуждено покинуть родину, проклятую оскорбленными предками-богами за то, что они не сумели отстоять их святыню¹⁹.

Безусловно, по той же причине местные сибирские народы очень ревностно относились к своим племенным и родовым святыням, уклонялись от роли проводников, не позволяли осквернять их. Одним из примеров тому в Восточной Сибири могут служить события 1648 г. у Верхоленска²⁰ и Иркутского острога²¹, приведшие к восстаниям под знаком защиты языческих святынь.

О том, какое исключительно важное значение в прошлом в жизни бурят играли священные родовые горы (скалы), свидетельствуют слова шаманских призываний-обращений к обитающим в них духам:

Вы сделали
Нашей надеждой и опорой.
Все худое и враждебное
Вы отправляйте подальше,
Все хорошее и светлое
Вы направляйте к нам.
На охоте помогайте нам.
Зверей гоните на нас.
Дома дайте благополучие! (петроглиф Урак).

Или:

Когда наступает тяжелый год,
Даите нам защиту,
Когда приходит хворый год,
Охраняйте нас от болезней.
Расплодите наш скот,
Сделайте нас богатыми.
Расплодите наше потомство,
Сделайте нас многочисленными! (петроглиф Сахюрта)²².

Существование таких священных центров показывает, что жизнь этнических групп нельзя рассматривать через призму миграций с одного места на другое по воле случая. Наоборот, эти группы обитали в компактных районах и были привязаны к святыням своих предков. Только голод, вызванный природными стихиями, вынуждал племена и роды уходить на территории соседних групп. Поиски средств существования и охрана территориальных границ (а следовательно, и родового тотема на святилище) являлись основными факторами возникновения войн в древности. Глубокая вера в своего тотема и священный долг в охране святилища являлись причиной территориальной ограниченности и раздробленности родовых масс. Даже уйдя под натиском монголоязычных племен далеко на север, вниз по Лене²³, якуты до сих пор сохранили, например, воспоминания о стране Кудай дойду, или Худай куола, что, по данным Т. М. Михайлова, является реальным топонимом в Прибайкалье Кудинской долины, считавшейся в эпоху курыкан (предков части бурят и якутов) главнейшим культовым местом

с тремя священными горами Байтаг, Идыга и Манхай (с древнетюркского «кудай» (худай) — «божественный», «священный», «бог»)²⁴. На основании этого Т. М. Михайлов заключает, что «Кудинскую долину, действительно, можно рассматривать как священное место, ибо в ней расположены знаменитые в прошлом культовые места Манхай, Идыга, Байтаг и др.»²⁵ Считаем необходимым кратко охарактеризовать священные горы Кудинской долины и почитание их местным населением.

Манхай (Укыр-Манхай). Название возводится к тюркским языкам, где слово «мана» означает «окружить забором», «караулить», «оберегать», «охранять», а окончание «-кай» (якут. — «хай») — «скала», «утес», «гора», «загородка», «загон для маралов»²⁶. Эта гора считается святыней всего бурятского племени, местом захоронения материнского послёда, предка булагатов²⁷. В недавнем прошлом, по сведениям С. П. Балдаева и Т. М. Михайлова, булагаты, расселившиеся по Иде, Осе и другим местам Приангарья, специально ездили в долину Куды для принесения жертв на горе Манхай, считая ее обиталищем духа предков, т. е. «близкой, родной, священной»²⁸. Манхай знаменит и в археологическом отношении: здесь найдены погребения бронзового и раннего железного веков, городище, рунические знаки и наскальные рисунки древнетюркского времени²⁹.

Недалеко от Манхая находится гора **Идыга** (Идыгэ, Эдэгэ), на которой, по словам местного населения, также имелись древние рисунки, позднее разрушенные, как и на Манхасе. Т. М. Михайлов переводит слово «ыдыг» с древнетюркского со значением «священный»³⁰. Он сравнивает его с тувинским «ыдыг-таг», переводимым как «священная гора». На этих горах проводились моления с жертвенными приношениями домашними животными. Аналогичные топонимы со значением «священный» встречаются в древнетюркских рунических текстах — Тамар-ыдык, ыдык Оттукан и т. д. В якутском языке, по словам Э. К. Пекарского, слово «ытык» означает: 1) «жертва», «жертвенный»; 2) «почитаемый», «уважаемый», «святой», «священный»; 3) в соединении с другими словами употребляется как часть имени, для выражения почитания: «ытык хайа» — «почитаемая гора»³¹. По словам В. В. Радлова, «ыдык» означает: 1) «посланная от бога судьба»; 2) «посланный (богом)», «счастливый», «благословленный», «благой»³². Гора Ыдыга в прошлом служила местом для ежегодных родовых жертвоприношений. Как пишет Т. М. Михайлов, выражение «Идэгэ Булезн» — «родной, почитаемый Булезн» — часто встречается в шаманских призываниях булагатов. Местные жители считали Идыга местом, откуда вышла (букв.: «произошла на свет, родилась») какая-то группа монгол-бурханов, называемых часто «хара (шара) монгол» — «черные (желтые) монголы» и считающихся покровителями скота и домашнего благополучия. В прошлом, а иногда и поныне, при особо тяжелых случаях (частый падеж скота, смерть детей и т. п.) в Ыдыгу приезжали из разных концов Эхирит-Булагатского округа и даже с о. Ольхон, чтобы поклониться «родине» монгол-бурханов³³. По мнению

А. П. Окладникова, монгол-бурханы, т. е. хара-монголы, — это курыканы, предки якутов и бурятского племени хори и булагатов³⁴.

Не менее знаменита городищем, наскальными рисунками и надписями древнетюркского времени еще одна гора Кудинской долины — *Байтаг*, что в переводе означает «Богатая гора». Эта гора является местом совершения жертвоприношений почти со всех родов эхиритского племени. Ее значение для эхиритов было таким же, как значение горы Манхай для булагатов. До революции, как отмечает Т. М. Михайлов, здесь устраивались грандиозные молебны. Жертвоприношения также не знали себе равных: только на одном большом летнем тайлагане здесь приносились в жертву до 100 лошадей и до 300 голов овец. Со всех концов Приангарья сюда собирались тысячи людей. Грандиозный праздник сопровождался массовыми гуляньями, состязаниями в борьбе, конными скачками, стрельбой из лука, национальными плясками³⁵.

Подобная причастность к священному месту предков сохраняется до сих пор. К примеру, буряты в силу своего традиционного полукочевого образа жизни в прошлом часто меняли места жительства. Если новый район кочевий оказывался далеко от древних родоплеменных святилищ, то перекочевывавшая община организовывала новое культовое место, однако в основу обо или очагов-жертвенников закладывала камни, специально привезенные с прежнего святилища. Во время крупных религиозных празднеств переселившаяся община отправляла на старые места делегацию для поклонения бывшим святилищам. Например, аларские буряты направляли посланцев в Тункинскую долину для поклонения скале Улукгуй («Колыбель»); некоторые хорийские роды Агинских степей на юге Читинской области почитали святилища о. Ольхон.

МОГИЛЬНИКИ И СВЯЩЕННАЯ РОДОВАЯ ГОРА

Поскольку священная родовая гора мифологически считалась местом обитания не только общинных божеств, но и душ умерших соплеменников, вполне закономерно наличие у ее подножия разновременных некрополей. Итак, будучи источником рода, священная гора была и могилой ее членов. Мы уже отмечали выше, что начиная с эпохи неолита по всей территории Восточной Сибири наблюдается факт совпадения территории могильников с местонахождениями петроглифов. В эпоху бронзы — раннего железа этот факт наиболее отчетливо фиксируется на Байкале и в Забайкалье, причем плиточные могильники совпадают по времени с «селенгинскими» наскальными изображениями. В эпоху средневековья традиция петроглифов угасает, но это совершенно не влияет на размещение некрополей в тех же местах, где находились плиточные могилы.

Не менее ярким примером единства некрополей со священной родовой горой могут считаться так называемые шатровые курыканские могилы на Ольхоне, раннебурятские погребения в скальных щелях на Ольхоне и в Забайкалье. И. Л. Кызласов установил по-

добную традицию и в Хакасии. Так, умерших детей (до полугода), выкидыши и плаценту хакасски хоронили только в расщелинах скал. (Вспомним точку зрения В. В. Свирина о ритуальном характере шатровых могил на Ольхоне, в которых, по его мнению, хоронили материнский послед.) Аналогичные забайкальским гротовые средневековые погребения Хакасии содержат останки не только детей, но и взрослых. Потревоженные человеческие костяки с неясной датировкой являются частой находкой в пещерах и скалах не только в Хакасии, но и в Забайкалье. Следует специально рассмотреть вопрос о постоянном наличии на древних культовых местах у петроглифов Забайкалья человеческих скелетов, которые мы в силу ряда специфических черт пока принимаем за человеческие жертвоприношения.

Находясь явно в подчиненной роли к священным родовым горам, все могильники от неолита до современности тем не менее имеют свои святилища на некрополях. Специфика их рассмотрена ранее. Можно только напомнить, что эти культовые места, видимо слишком простые в неолите, с эпохи бронзы — раннего железа превратились в сложные архитектурные сооружения для отправления на них номинальных культов. Уже на плиточных могильниках видим специальные культовые площадки с очагами-жертвенниками, оленными и иными камнями, «дорожками», вымостками, устоявшимся комплексом жертвенных приношений. Устройством оградок, «прижимающих» территорию некрополя к священной скале (петроглифу), вероятно, намеренно подчеркивается мифологическое единство некрополя как вместилища душ умерших соплеменников со священной родовой горой.

С течением времени смысл «ухода» умерших в родовую гору, видимо, начал забываться и на смену представлению о горе как «могиле» приходит миф о горе — «потустороннем мире». В «Книге гор и морей», созданной на рубеже нашей эры в странах Юго-Восточной Азии, при описании Северного моря (Байкала) встречаем указание на священные горы со входом в темное царство мертвых, где владыками преисподней служат страшные драконоподобные чудовища³⁶. Если разработать только эту мифологическую версию древних, то при внимательном анализе петроглифов эпохи неолита—бронзы Восточной Сибири можно найти немало фактических доказательств в пользу существовавшего представления о «потустороннем море мертвых», куда души умерших попадают по мифической шаманской реке «мертвых». Описание темной страны, черных людей и животных, черного солнца и всего темного, противоположного «белому» свету, безусловно, свидетельствует о том, что это «море мертвых» мысленно размещалось под землей со входом через пещеру. Причем «море мертвых» нельзя понимать однозначно как обитель душ предков в виде неких рыб. Это есть «потусторонний мир», где прибывающие покойники размещаются на береговой возвышенности. Не зря, видимо, многие, если не все, некрополи эпохи неолита — бронзы расположены у подножий гор или утесов, роль которых как священных родовых центров подчеркивается наличием

на них петроглифов и комплекса разновременных жертвенных приношений.

Немаловажным свидетельством социального единства древних этнических групп и привязанности их к общеродовой горе-прародительнице служит сам характер расположения могил на некрополе. В эпоху неолита — ранней бронзы по всей территории Восточной Сибири довольно легко можно проследить три типа планировки древних кладбищ:

1) аморфную — могилы даже при соблюдении единой ориентации могут располагаться на территории некрополя сравнительно бессистемно; 2) гнездовую — могилы расположены обособленными группами на одном некрополе; 3) рядную — могилы, пусть и без соблюдения одинаковых расстояний между ними, располагаются одним или несколькими рядами через все кладбище³⁷.

Аморфная структура кладбища свидетельствует о наличии в эпоху раннего неолита еще патриархальной родовой общины, явно незнакомой с имущественным и социальным расслоением внутри коллектива родственников.

Гнездовая планировка, как более поздняя по сравнению с первой, доказывает становление четкого и устойчивого посемейного деления коллектива.

Наиболее специфична и показательна для социальных характеристик рядная планировка, которая в условиях раннего бронзового века (глазковское время) подтверждает формирование стойкой надстроечной организации «военного типа» у древнего населения Восточной Сибири. Термин «военный тип» не следует понимать однозначно: такой организацией, где роль участника строго регламентирована, может быть коллективная охотная облава, называемая в старинных бурятских преданиях *зэгтэ-аба*. Характерно, что ряды могил глазковского времени нередко связаны со значительными каменными сооружениями (например, Верхоленинский могильник), требующими относительно больших коллективных усилий. Следовательно, прав был А. П. Окладников, который высказал предположение о том, что огромные некрополи в устьях сибирских рек служили в основном для погребений не рядового населения, а, возможно, вождей и старейшин родовых групп, шаманов и других людей, пользовавшихся особым уважением соплеменников.

Этносоциальное единство коллектива просматривается и на плиточных могилах Забайкалья. Как рассмотрено выше, захоронения в основном встречаются компактными группами, чаще всего стройными рядами, вытянутыми по одной или нескольким линиям. Исключительный интерес представляют некрополи, расположенные по принципу окружности. Это напоминает старинные бурятские улусы, располагавшиеся куреном (*айл*) в условиях передвижения по чужой территории. Однако на таких некрополях сосуществуют эффективные могилы с оленными камнями, или балбалами, и неприметные, расположенные, как правило, по краям, что свидетельствует об этносоциальном неравенстве. Разграбленность плиточных могил в древности не дает возможности проследить этносоциальное не-

равенство на погребальном инвентаре, но замечено, что в крупных могилах всегда встречаются остатки богатых жертвенных припошений в виде частей животных над каменным перекрытием могильной ямы.

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И СВЯЩЕННАЯ РОДОВАЯ ГОРА

Эта проблема является менее всего изученной как в археологии, так и в этнографии. Однако известно, что каждый бурятский улус имеет свои обособленные обо и бариса. Обо находятся на вершинах родовых гор и посещаются только жителями близ лежащего населенного пункта. Бариса размещается непосредственно на территории улуса и служит священным местом для совершения самых различных культовых действий, в том числе поминовения предков улусной общины и *эжинов* (духов) родовой горы.

С почитанием культа священной родовой горы связаны так называемые *хадайн онгоны* (горные онгоны), хранимые в долбленых деревянных ящичках или в сумке на столбах вблизи зимнего улуса. Само название свидетельствует о том, что эти онгоны считались у бурят посредниками между владыками священной родовой горы и этнической группой, покровителями всех жителей улуса или отдельной семьи.

Немногочисленность имеющегося материала пока не позволяет переносить этнографические аналогии на археологию. Тем не менее можно выдвинуть рабочую гипотезу о связи древних поселений со священными родовыми горами: 1) для эпохи неолита — ранней бронзы важен факт того, что во многих случаях поселения находятся в непосредственной близости с петроглифами; 2) культовые места тех же поселений имеют прямые аналогии с жертвенниками у петроглифов и у могильников. То есть это те же кострища и очаги, жертвенные ямы, наземные деревянные сооружения, кости животных, орудия труда и др. Напомним в этой связи, что между обо на горах и бариса у современных поселений бурят также нет существенных архитектурных различий.

Говоря об эпохе бронзы — раннего железа в лесостепных районах Восточной Сибири, а точнее, о культуре плиточных могил с относительно развитым скотоводческим хозяйством, по нашему мнению, археологические факты можно прямо накладывать на этнографию современных бурят. Расположение «семейных» могил в устьях горных долин при выходе рек в степи, наличие в тех же местах «индивидуальных» петроглифов, отсутствие явных следов contemporaneous поселений свидетельствуют о том же сезонном кочевании с зимних пастбищ на летние, какое мы наблюдаем у бурят. Современные бурятские летники располагаются практически на местах древних сезонных поселений скотоводов эпохи бронзы — раннего железа. А если таковые поселения действительно существовали, то святилищем у далеких предков бурят были те же самые скалы-петроглифы, которые и сегодня служат местом поклонения

духам родовых гор и хозяев общинной территории. О непрерывной традиции обрядовых действий свидетельствуют многослойные жертвенные приношения от неолита (эпохи бронзы) до наших дней.

ОБРАЗ СВЯЩЕННОЙ РОДОВОЙ ГОРЫ В АРХИТЕКТУРЕ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ

Пока мы не можем с достаточной полнотой реконструировать древние святилища Восточной Сибири, но полученный в ходе исследований материал показал перспективность сравнения культовых мест эпохи бронзы — раннего железа со средневековыми шаманско-ламаистскими обо, дожившими до наших дней во многих местах Центральной Азии и юга Сибири. Эти обо являются, как известно, моделью мифической священной горы Сумеру, вершина которой через «мировое дерево» уходит в заоблачный мир божеств.

Слово «обо» (бур.); «овоо, ова» (монг.); «оба, ова, она, ува, ови» (тюрк.) означает: 1) куча, груда, насыпь, курган; 2) сопка, где совершается религиозный обряд; 3) жертвенная груда камней; 4) алтарь хозяина места, владеющего данной местностью; 5) примитивные святилища в честь духов — хозяев местности³⁸. В Монголии и в Забайкалье обо до сих пор увенчиваются черепами лошадей и рогами оленей³⁹, а также имеют другие виды жертвенных приношений, напизанные на деревянные колья.

Наши исследования в целом подтверждают выводы авторов относительно глубоких исторических корней возникновения обо. Груды камней, например, встречены среди комплекса жертвоприношений в слоях бронзового и раннего железного веков у подножий и в пещерах некоторых скал с петроглифами. Термин «обо» часто встречается в древних рунических текстах, культ его дожил до наших дней в своем ярком выражении, впитав в себя религиозные достижения предыдущих эпох.

В сопоставлении древних и современных культовых мест исключительный интерес представляет тибетский трактат «Сумати-мани-пранджи»⁴⁰ о правилах сооружения обо, согласно которому обязательны следующие ритуальные обряды и архитектурные элементы.

1. Подношение жертв духам в священных сосудах — *бумбах*, закапываемых в землю в основании каждого обо — «для усмирения или приручения духов земли». Такие сосуды закапывались к востоку от осевого стержня обо. Среди умиловительных жертв называются мясо животных, молочные продукты, драгоценности и др.

2. Установка *срогшина* — осевого стержня обо с надписями. Как гласит текст правил, без бумб и срогшина с соответствующими надписями обо бесполезны, обряды, совершаемые на нем, не имеют действенной силы добра, более того, они могут вызвать неприятные последствия. «Срогшин» — букв.: «дерево жизни» или «главное, стержневое, жизненное (т. е. мировое) дерево». Дерево это добывается на восточной стороне священной горы, ему придается четырехгранная форма. К этому столбу в определенном порядке прикрепляются деревянные дощечки с призываниями и заклинаниями об

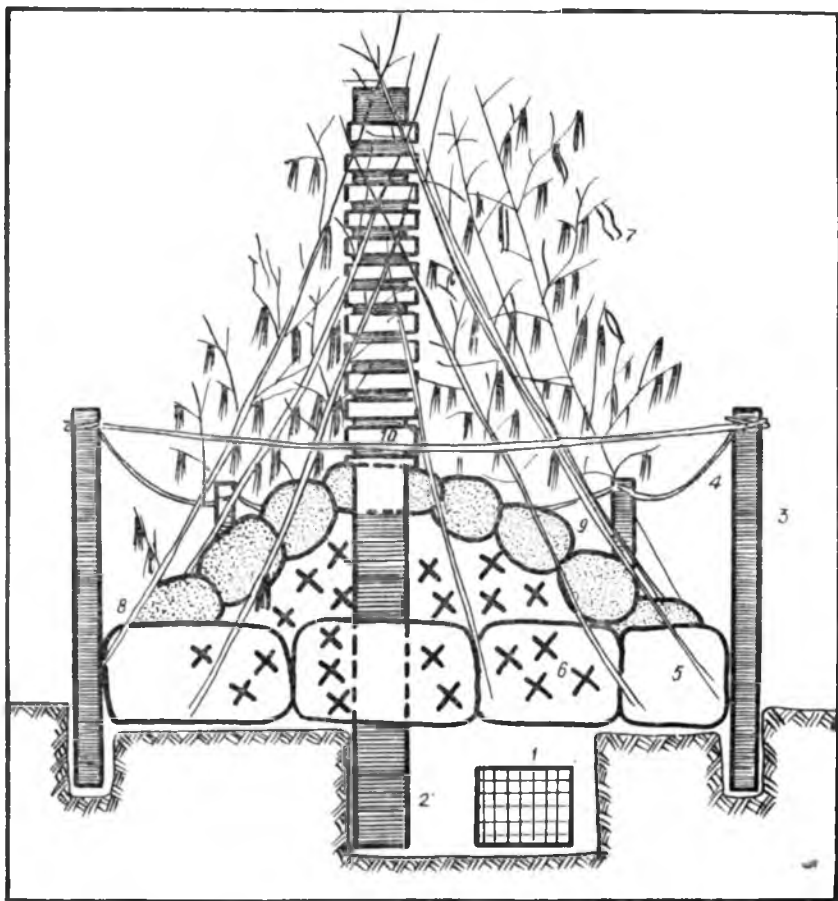

Рис. 27. Правила сооружения обо по тибетскому трактату «Сумати-мани-пранджи».

1 — сосуд с жертвами для хозяев местности; 2 — осевой стержень обо; 3 — четыре столба, соединенные нитями разных цветов (согласно странам света); 4 — нити, соединяющие столбы; 5 — каменное ограждение; 6 — фигурки различных животных из теста и дерева; 7 — привязанные к деревьям жертвенные дары (шерсть животных, деньги, лоскутки и др.); 8 — стволы молодых деревьев; 9 — каменное прикрытие жертвенных даров; 10 — дощечки с призываниями и заклинаниями к духам обо об увеличении численности людей и скота.

увеличении численности людей и скота, обертываемые разноцветными лентами материн.

3. Затем берутся изображения домашних и диких животных из теста и дерева, и все это кладется к основанию срогшина, вокруг которого делается каменное ограждение и покрытие из камня в виде пирамиды.

4. Обо украшается стволами молодых деревьев, к которым прикрепляются шерсть различных животных, связки денег, разноцветные ленточки и др.

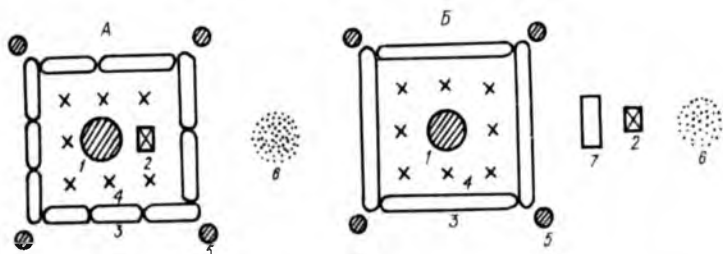

Рис. 28. Общие конструктивные элементы древних и современных жертвенных мест Восточной Сибири.

А — план построения обо в честь духов-хозяев земли согласно буддийского обрядника (см. рис. 27); Б — план жертвенного места на древнетюркском могильнике (по В. Д. Кубареву).
1 — «мировое дерево»; 2 — священные сосуды; 3 — каменная ограда; 4 — жертвенные приношения; 5 — угловые столбы; 6 — кострище; 7 — идол.

5. Вокруг обо ставится четыре столба, соединенные между собой лентой или нитью, цвет которых на каждой стороне должен соответствовать странам света (рис. 27).

У бурят к юго-западному столбу, кроме прочего, привязывался белый оседланный конь, подвешивалась железная маска, а для жертвоприношений использовали шкуры овец и различные виды птицы. На каждой из четырех сторон обо воздевали на шестах шкуры животных. Рядом (обычно с восточной стороны) находился жертвенный очаг и место для участников ритуальных церемоний.

План такого обо воспроизведен на рис. 28. Оказалось, что почти аналогичный план имеет жертвенное место на древнетюркских могильниках Алтая, где единственным отличием является установление каменного изваяния и священного сосуда перед поминальной оградой, но опять-таки с восточной стороны объекта (рис. 29). Описание обо по тибетскому трактату «Сумати-мани-прандхи» объясняет, почему В. Д. Кубарев обнаружил внутри таких оградок наряду со стволами дерева кости жертвенных животных, кусочки ткани, остатки угловых кольев, а также ритуальный очаг, священный сосуд, не говоря уже об ориентации памятника. Видимо, и развал камней внутри и вне оградки может представлять остатки каменного перекрытия.

Аналогичная картина реконструируется по материалам памятников Восточной Сибири. Среди них можно назвать петроглифы, у подножий которых обнаруживаются остатки кольев, шпикэны, кости жертвенных животных по принципу «часть вместо целого» и др. Данная реконструкция может быть сходна с той, которая и ныне наблюдается на бурятских обо, устроенных рядом с петроглифами (например, Поворот, п. II).

Что касается культовых мест на могильниках эпохи неолита, то на них и в наши дни встречаются кольца с остатками жертвенных приношений. Современные бурятские погребения у священных гор практически всегда имеют конструкции, внешние напоминающие формы обо. А. П. Окладников считал, что аналогичная картина наблюдалась и на неолитических кладбищах Восточной Сибири.

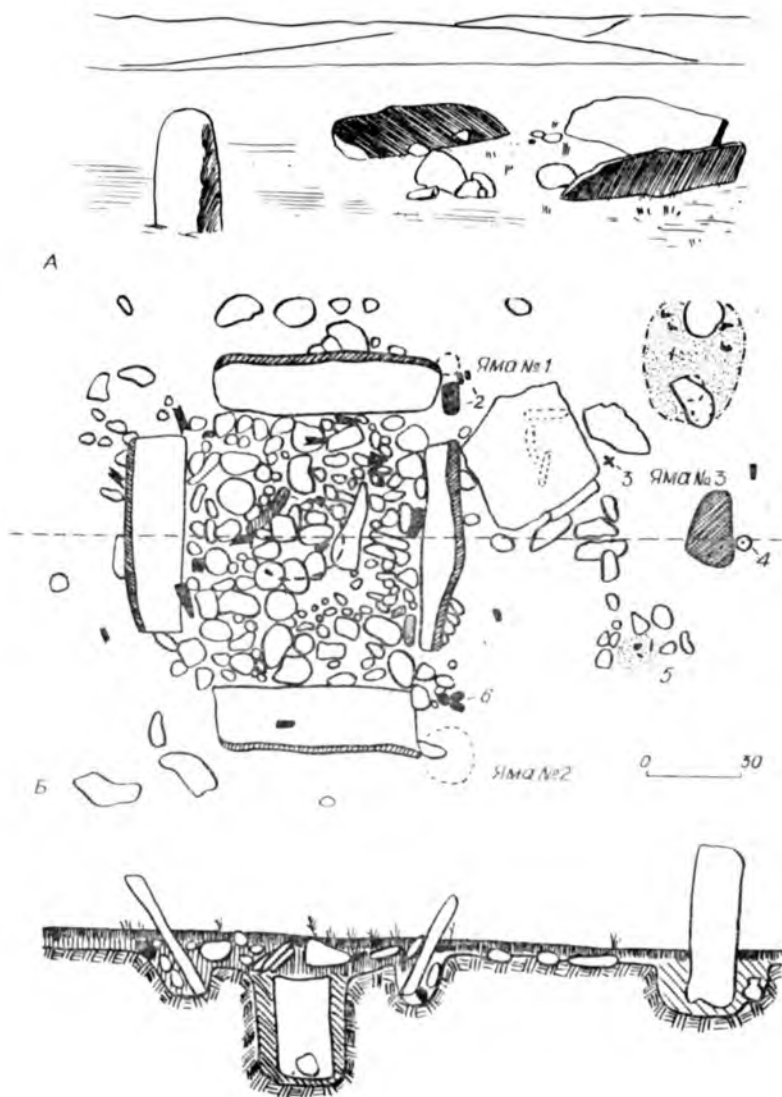

Рис. 29. Жертвенное место № 1 на древнетюркском могильнике Юстыд (Восточный Алтай) (по В. Д. Кубареву).

А — общий вид; Б — план; В — разрез.
 1 — кострище, в яме обломок челюсти лошади и отдельные зубы; 2 — зубы лошади, каменная вернотерка; 3 — фрагмент керамики; 4 — серебряный сосуд (глубина 0,35 м); 5 — слабое кострище с углями; 6 — тазовая кость лошади.

Э. А. Новгородова пишет: «...самые ранние погребения конца бронзового века в Монголии в виде оленных камней и керексурсов, поставленных на могилах вождей, сходны по конструкциям с древ-

нейшими жертвенниками, которые и сегодня почитаются местными жителями». Здесь имеются в виду, конечно, традиционные обо ⁴¹.

Сложнее дело обстоит с реконструкцией облика древних культовых мест, связанных с поселениями. Материалы этнографии свидетельствуют, что такие места мало чем отличались от современных, представленных в виде обо (бариса), однако переносить этот образ в древние эпохи мы не можем за неимением достаточных оснований, хотя ямы с ритуальными захоронениями животных и других жертвенных приношений могут быть расценены и как сокровищницы у основания древнего святилища.

Особо следует сказать о жертвенном месте в жилище. Во второй главе мы уже отмечали, что наблюдается некоторое сходство конструктивных элементов между жилищами эпохи палеолита и аборигенов Восточной Сибири этнографической современности. Некоторые ученые оспаривают возможность такого сходства (например, Г. И. Медведев). Но есть и сторонники, доказывающие правомерность сравнительного анализа памятников с большим хронологическим разрывом (например, В. Е. Ларичев, М. М. Герасимов, Н. П. Егунов). Если принять точку зрения последних, то появляется соблазнительная возможность переносить этнографический материал на археологию верхнего палеолита. Мы видим перспективность такого сравнения уже потому, что выявляемая на мальтинском, буретьском и других палеолитических поселениях культовая атрибутика во многом может быть объяснена через этнографический материал (например, погребение ребенка внутри жилища, ритуальные комплексы на территории поселения, жертвенники и др.).

Вместе с тем мы предлагаем еще один путь, который даст возможность приблизиться к объяснению конструкции чумообразных жилищ как этнографической современности, так, вероятно, и более древних эпох. Мы обращаем внимание на конструкцию жилища-чума шамана, напоминающую по форме и структурным элементам обо: конусообразность чума, «мировое дерево» — *туру* внутри жилища, жертвенные дары у подножия этого дерева, очаг-жертвенник, особое место для шамана и участников церемоний, сцены магическо-мифологического характера на крышах чума и т. д.

К сожалению, традиционные жилища народов Сибири изучены в основном через архитектурное искусство, и мы знаем очень мало о том, как эта архитектура согласовывалась с религиозно-мифологическими принципами.

Подводя итог нашим исследованиям, мы приходим к твердому убеждению, что проблему реконструкции святилищ древних племен Восточной Сибири следует решать на основе сходства их с шаманскими сооружениями, поскольку последние являются реликтами культовой архитектуры, вобравшими в себя все достижения последующих эпох. Но прежде чем реконструировать прошлые формы святилищ, нужно изучить архитектурно-планировочную структуру современных. Уникальный текст тибетоязычного обрядника «Сумати-мани-праджди» и других сочинений старины центрально-азиатских народов дает благодатную почву для таких исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный историко-этнографический материал наглядно показал, что все известные ныне типы древних памятников (петроглифы, могильники, поселения, жилища) тесно связаны с существовавшими при них комплексами культового характера: святилищами, культовыми местами, жертвенниками и т. д. Более того, выявились факты, когда часть подобных объектов в перспективе можно будет выделить в особый тип памятников археологии.

Являющиеся по сути дела новым археологическим объектом исследований, памятники культового характера выделяются в один из важнейших источников изучения ранних форм религиозно-мифологических представлений коренных народов Восточной Сибири и Северной Азии в целом. Стало очевидным, что традиционное акцентирование внимания некоторыми исследователями лишь на проблемах бытовавших верований, пантеона духов, обрядности, института жречества дает односторонние результаты. Речь идет о существующей практике произвольного «наложения» этнографического материала на археологические данные. Очень слабо решается проблема генезиса древних культовых (священных) мест.

Ограниченный объем книги не позволил изложить материал в широкой исторической ретроспективе от палеолита до этнографической современности, когда с особой яркостью прослеживаются исторические изменения в конструкциях культовых мест и в существовавшей обрядности. Поэтому мы ограничились рассмотрением проблемы святилищ охотничье-рыболовных и скотоводческих племен Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. В готовящейся к изданию книге мы намерены особо изучить данную проблему применительно к средневековью. Там же найдут отражение и такие важные вопросы изучаемого круга памятников, как классификация культовой атрибутики (кострищ и очагов-жертвенников, иконографии, наземных каменных и деревянных конструкций, ритуальной посуды, комплекса жертвенных приношений и т. д.); реконструкция обрядовых действий; выявление пантеона духов; изучение института жречества; реконструкция элементов религиозно-мифологических представлений.

Материал настоящей книги показывает, что палеолитический человек Восточной Сибири уже имел развитую структуру культовых мест, которые пока можно связывать лишь с поселениями и жилищами. В эпоху неолита святилища фиксируются уже на всех типах известных археологических памятников — на петроглифах, в жилищах, на могильниках и поселениях. Кроме них, отдельные изолированные места обнаружены и на вершинах гор. В эпоху бронзы — раннего железа объекты культового характера традиционно сохраняются, но дополняются целым рядом существенных деталей. На плиточных могильниках это особые площадки с каменными изваяниями (материальным воплощением образа умерших), жертвенниками и другими наземными сооружениями. Говоря о «селенгинских» петроглифах, следует особо подчеркнуть, что в статичности представленных сюжетов виден пример пиктографического письма культового содержания, которое можно расшифровать в связи с позднейшими шаманскими молитвами духам писанных скал.

Исследование древних культовых комплексов Восточной Сибири наглядно показывает, что религия обладает достаточно консервативной силой. Наиболее отчетливо это выражено в многослойности жертвенных приношений. В ряде случаев (особенно на святилищах у петроглифов) скопления артефактов, разделенные стерильными прослойками или без них, датируются широким историческим диапазоном — от эпохи неолита до этнографической современности. Помимо этого, традиционность почитания одного и того же места отчетливо заметна на примерах разностильности и разновременности наскальных изображений, разноязычности и разновременности надписей.

Священная обязанность четкого соблюдения незыблемости религиозной системы оказала существенное влияние и на консерватизм архитектурных конструкций древних святилищ. Как теперь вполне очевидно, через все эпохи от палеолита до бронзы (и далее) красной нитью прошла идея трехчленной структуры культовых объектов. Это позволяет моделировать их с учетом трех обязательных элементов:

- 1) идола — почитаемого объекта: «мирового дерева», сэргэ-коновязи, шкур животных на шестах, скал с рисунками, изваяний, стел с надписями для более поздних эпох, онгонов и т. п.;

- 2) жертвенного очага-алтаря — мест принесения (подношения) жертвенных даров, угощения почитаемых духов, хранения ритуальных предметов;

- 3) общественного места для участников праздника и проведения массовых или индивидуальных культовых действий.

Трехчленная структура таких мест прошла все этапы развития святилищ, начиная от примитивных дошаманистических объектов (характерных для эпохи камня и бронзы) и заканчивая храмами современных классических мировых религий — буддизма, христианства и др. Эта структура хорошо прослеживается и на примере современных шаманских святилищ аборигенных народов Восточной Сибири, в том числе бурят и эвенков.

Священная забота о «кормлении» и сбережении родовых святынь и глубокая вера в обратном благотворном влиянии почитаемых духов на жизнь и благополучие родового коллектива явились питательной средой в деле жизнестойкости древних культовых мест и традиционности обрядовых действий, с ними связанных.

Автор далек от мысли давать в настоящей книге готовую установку в изучении древних святилищ на территории Восточной Сибири. Вполне естественно, что при более углубленном исследовании проблемы какие-то положения будут совершенствоваться, обрастать новыми фактами, получают иное объяснение. Но безусловно, что новые открытия углубят наше представление о древних святилищах Сибири, шире раскроют истоки современного шаманизма Северной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). — Новосибирск, 1980. — С. 6.

² См.: Тиваненко А. В. Древние жертвенные места Восточной Сибири (по археологическим материалам Предбайкалья и Забайкалья): Дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1983; *Он же*. Древние культовые святилища — новый тип археологических памятников Забайкалья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. — Новосибирск, 1979. — С. 135—144; *Он же*. Древние жертвенные места Забайкалья // Археология и этнография Восточной Сибири. — Иркутск, 1978. — С. 72—73.

ГЛАВА I

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. — Иркутск, 1941. — С. 523.

² Список литературы по данному вопросу см. в кн.: Михайлов Т. М., Хороших П. П. Бурятский шаманизм. Указатель литературы (1774—1971 гг.). — Улан-Удэ, 1973.

³ Радлов В. В. Сибирские древности. — СПб, 1888. — Т. 1, вып. 1. — С. 108—109.

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1. — С. 535—536; Радлов В. В. Сибирские древности. — С. 69—71; Окладников А. И. Шиникские писаницы. — Иркутск, 1959. — С. 9—10.

⁵ Радлов В. В. Сибирские древности. — СПб, 1894. — Т. 1, вып. 3. — С. 87.

⁶ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. — Улан-Удэ, 1958. — С. 9.

⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. — С. 518—519, 521.

⁸ Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы. — М.; Л., 1966. — С. 52, примеч.

⁹ Там же. — С. 62—63.

¹⁰ Путешествие через Сибирь русского посланника Н. Спафария в 1675 г. — СПб, 1882. — С. 85.

¹¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. — С. 532—535.

¹² Крашенинников в Сибири... — С. 84.

¹³ Там же. — С. 95—96. Обследованные С. П. Крашенинниковым «теплые воды» — это Былыринские углекислые источники в долине р. Кыры (ныне Читинская область).

¹⁴ Вадецкая Э. Б. Сказы о древних курганах. — Новосибирск, 1981. — С. 15.

¹⁵ Там же. — С. 16.

¹⁶ Уманский А. О судьбе собраний П. К. Фролова // Алтай. — 1962. — № 1 (20). — С. 115—116; Копылов А. И. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. — Новосибирск, 1975. — С. 206.

¹⁷ Попов А. В. Очерк палеоэтнологических исследований и достижений Восточно-Сибирского отдела РГО за 75 лет. 1851—1926 // Изв. ВСОРГО. — 1926. — Т. 1. — С. 43—99.

¹⁸ Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. — СПб, 1830. — С. 65.

- ¹⁹ Калашников И. Т. Дочь купца Жолобова.— Иркутск, 1985.— С. 69—70, примеч.
- ²⁰ Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: Очерки и впечатления.— Спб., 1912.— С. 75; Хороших П. П. Олений камень из Забайкалья // СА.— 1962.— № 3.— С. 291—292.
- ²¹ Этнографическое путешествие Кастрена по Западной Сибири // Геогр. известия.— 1848.— Вып. 2.— С. 151; Из Финляндской археологической литературы // Изв. Археол. комиссии.— Спб., 1911.— Вып. 38.— С. 44—45; Кастрен М. А. Путешествие Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазины земледелия и путешествий: В 6 т. // Геогр. сб. И. Фролова.— М., 1860.— Т. 6, ч. II.— С. 459.
- ²² Давыдов Д. П. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа // Зап. СОРГО.— 1856.— Т. 2.— С. 91, 99—100; Окладников А. П. Олений камень с реки Иволги // СА.— 1954.— Т. 19.— С. 207—220.
- ²³ Витковский П. И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСОРГО.— 1880.— Т. 20, № 1.— С. 7.
- ²⁴ Кузнецов А. К. Дополнение к статье «Чудские бугры» (рукопись).— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 42, № 44; Он же. Предисловие к атласу археологических предметов (рукопись). Архив Читинского краевед. музея; Он же. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Изв. ВСОРГО.— Иркутск, 1893.— Т. 24, № 2.— С. 2, 7, 12.
- ²⁵ Кирилов П. В. Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе // Изв. ВСОРГО.— 1897.— Т. 28, № 2.
- ²⁶ Список литературы по данному вопросу см. в кн.: Окладников А. П. Шишkinsкие писанины.
- ²⁷ Хангалов М. И. Собр. соч.— Улан-Удэ, 1959.— Т. 2.— С. 121.
- ²⁸ Агапитов Н. И. Прибайкальские древности: Изображения на утесах Байкала // Изв. ВСОРГО.— Иркутск, 1881.— Т. 12, № 4/5.— С. 3—4.
- ²⁹ Т. С. [Тимофей Савенков]. Байкал // Сибирь.— Новоиколаевск, 1925.— С. 16—17.
- ³⁰ Петри Б. Э. Далекое прошлое бурятского края.— Иркутск, 1922.— С. 98—99.
- ³¹ Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья.— Иркутск, 1928.— С. 13—16.
- ³² Ленхобоев Г. Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят // Зап. БМНИИ.— Улан-Удэ, 1955.— Вып. 12.— С. 128.
- ³³ Там же.— С. 128.
- ³⁴ Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Палеолит СССР. Материалы по истории родового общества.— М.: Л., 1935.— С. 93—100; История Сибири.— Новосибирск, 1967.— Т. 1.— С. 55—56.
- ³⁵ История Сибири.— С. 57.
- ³⁶ Абрамова З. А. Палеолитическое искусство Сибири.— Иркутск, 1960.— С. 6.
- ³⁷ Окладников А. П. Жертвенное место глазковцев на р. Лене // Изв. ВСОГО.— 1971.— Т. 68.— С. 201.
- ³⁸ Сергеев Г. П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935—1936 гг. (рукопись).— Архив Бурят. респ. объединения музеев.
- ³⁹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Л., 1969.— Ч. 1; 1970.— Ч. 2.
- ⁴⁰ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 112.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Окладников А. П. Олень Золотые Рога.— Л., 1964.
- ⁴³ Окладников А. П. Жертвенное место глазковцев на р. Лене.— С. 201.
- ⁴⁴ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы средней Лены.— Л., 1972.— С. 81.
- ⁴⁵ Окладников А. П. Петроглифы Ангары.— М.; Л., 1966.— С. 103.
- ⁴⁶ Окладников А. П. История Якутской АССР.— М.; Л., 1955.— Т. 1.— С. 315; Он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— М.; Л., 1950.— Ч. 1, 2.— С. 315; 1955.— Ч. 3.— С. 105—106.

- ⁴⁷ Мартынов А. И. Археология СССР.— М., 1973.— С. 79.
- ⁴⁸ Хлобыстин Л. П. Древние культуры побережья озера Байкал: Каменный и бронзовый века: Дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1964.— С. 7.
- ⁴⁹ Там же.— С. 17.
- ⁵⁰ Окладников А. П. Петроглифы Байкала.— Новосибирск, 1974.
- ⁵¹ См.: Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 1, 2.
- ⁵² См. работы Тиваненко А. В.: Изучение новых петроглифов в Западном Забайкалье // Науч.-теорет. конф. Секция археологии: Тез. докл., 29 марта — 1 апр. 1977.— Иркутск, 1977.— С. 45—47; Новые петроглифы Западного Забайкалья // АО 1977 г.— М., 1978.— С. 278—279; Исследование петроглифов в Северной Бурятии // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 276; Северобайкальский очаг «селенгинских» петроглифов // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 276—277; Работы Этнографического музея народов Забайкалья // АО 1980 г.— М., 1981.— С. 217—218; Новые памятники древнего наскального искусства Забайкалья // Материальная культура и искусство народов Бурятии.— Улан-Удэ, 1982.— С. 74—96; Новые памятники древнего наскального искусства Западного Забайкалья.— Улан-Удэ, 1984.— (Каталог, дополнение); Новые петроглифы побережья оз. Байкал // Древнее Забайкалье и его культурные связи.— Новосибирск, 1985.— С. 154—161.
- ⁵³ См. работы Тиваненко А. В.: Древние жертвенные места Забайкалья // Археология и этнография Восточной Сибири.— Иркутск, 1978.— С. 72—73; Древние культовые святилища — новый тип археологических памятников Забайкалья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна.— Новосибирск, 1979.— С. 135—155; Древние жертвенные места Восточной Сибири (по археологическим материалам Предбайкалья и Забайкалья): Дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1983.
- ⁵⁴ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья.— Новосибирск, 1976; Они же. Писаницы бассейна реки Алдан.— Новосибирск, 1979; Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов (конец XIX — начало XX в.).— Новосибирск, 1984.
- ⁵⁵ Зубков В. С. О погребальном обряде на могильнике Усть-Имный (верхняя Лена) // Археология и этнография Восточной Сибири.— Иркутск, 1978.
- ⁵⁶ См. работы Тиваненко А. В.: Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // V конф. молодых науч. сотрудников, посвящ. 50-летию образования БурАССР.— Улан-Удэ, 1973; То же // Краеведение Бурятии.— Улан-Удэ, 1979.
- ⁵⁷ Конопацкий А. К. Древние культуры о. Ольхон и Приольхонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1979.— С. 34, 39, 44—45, 84.
- ⁵⁸ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии.— Новосибирск, 1979.
- ⁵⁹ Милайлов Т. М., Коновалов П. Б. Этнографические и археологические исследования // Развитие науки в Бурятии.— Улан-Удэ, 1982.— С. 96.
- ⁶⁰ Полевая документация хранится в Этнографическом музее народов Забайкалья в г. Улан-Удэ.
- ⁶¹ Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы.— Новосибирск, 1980.— С. 71, 95, 111, 119—120.
- ⁶² Окладников А. П. Варварина Гора — новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом // АО 1973 г.— М., 1974.— С. 216.
- ⁶³ Окладников А. П., Конопацкий А. К. Работы в Приольхонье // АО 1977 г.— М., 1978; Конопацкий А. К. Древние культуры о. Ольхон и Приольхонья.
- ⁶⁴ Конопацкий А. К. Древние культуры о. Ольхон и Приольхонья.— С. 85.

ГЛАВА II

¹ Герасимов М. М. Мальтинская палеолитическая стоянка и ее место среди памятников Сибири // Науч. конф. по истории Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1960.— С. 63.

² Ларичев В. Е. Дом из бивней мамонта.— Красноярск, 1981.— С. 119.

- ³ *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство Сибири // Науч. конф. по истории Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1960.— С. 6.
- ⁴ *Ларичев В. Е.* Дом из бивней мамонта.— С. 119.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Устное сообщение Г. И. Медведева.
- ⁷ *Ларичев В. Е.* Дом из бивней мамонта.— С. 119.
- ⁸ *История Сибири.*— Новосибирск, 1967.— Т. 1.— С. 56.
- ⁹ Там же.— С. 55.
- ¹⁰ *Ларичев В. Е.* Дом из бивней мамонта.— С. 119.
- ¹¹ *Абрамова З. А.* Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний палеолит) // Древние культуры Приангарья.— Новосибирск, 1978.— С. 13.
- ¹² *Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Милнук Г. Н., Савельев Н. А.* Стоянки Ангара-Бельского района // Мезолит Верхнего Приангарья.— Иркутск, 1971.— С. 59.
- ¹³ Там же.— С. 62—96, табл. 20.
- ¹⁴ *Мещерин М. П.* Палеолитические жилища Забайкалья // Проблемы археологии Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1985.— С. 20—22.
- ¹⁵ *Окладников А. П., Варварина Гора* — новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом // АО 1973 г.— М., 1974.— С. 215—216; *Окладников А. П., Кириллов Н. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы.— Новосибирск, 1980.— С. 32.
- ¹⁶ *Кириллов Н. И.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье.— Иркутск, 1979.— С. 13.
- ¹⁷ *Окладников А. П., Кириллов Н. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы.— С. 10—11.
- ¹⁸ *Петрин В. Т.* Об одной особенности обитания на палеолитической стоянке Могочино // Палеолит Сибири.— Новосибирск, 1983.— С. 85.
- ¹⁹ *Окладников А. П., Молодин В. И.* Палеолит Барабы // Палеолит Сибири.— Новосибирск, 1983.— С. 101—102, 105.
- ²⁰ *Абрамова З. А.* Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР.— М., 1984.— С. 327.
- ²¹ *Володатовский А. Ю., Орехов А. А.* Наивно-реалистические представления народов северо-востока Азии (по археологическим источникам) // Проблемы археологии Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1985.— С. 14.
- ²² *История Сибири.*— С. 66.
- ²³ *Окладников А. П., Молодин В. И.* Палеолит Барабы.— С. 101—102.
- ²⁴ *Окладников А. П., Варварина Гора* — новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом.— С. 215—216; *Окладников А. П., Кириллов Н. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы.— С. 32.
- ²⁵ См.: *Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Милнук Г. Н., Савельев Н. А.* Стоянки Ангара-Бельского района.— С. 62—96.
- ²⁶ *Володатовский А. Ю., Орехов А. А.* Наивно-реалистические представления народов северо-востока Азии...— С. 14.
- ²⁷ *Лисицын Н. Ф.* Каменный век Абакано-Енисейского междуречья // Вопр. археологии Хакасии.— Абакан, 1980.— С. 16.
- ²⁸ *Рогачев А. И., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР.— М., 1984.— С. 194.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.— С. 191.
- ³¹ Там же.— С. 195.
- ³² Там же.— С. 194.
- ³³ Там же.— С. 208.
- ³⁴ Там же.— С. 190.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.— С. 185, 188, 190—191.
- ³⁷ Там же.— С. 196.
- ³⁸ Там же.— С. 191.
- ³⁹ *Мизайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древних времен по XVIII в.).— Новосибирск, 1980.— С. 93.
- ⁴⁰ Там же.— С. 68—122.

⁴¹ Зыбковец В. Ф. Человек без религии. У истоков общественного сознания. — М., 1967. — С. 49; Ефименко И. И. Первобытное общество. — Киев, 1953; Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. — Л., 1979.

⁴² Гусейнов М. М. Ахызская пещера — многослойный памятник ашельского периода в СССР // АО 1971 г. — М., 1972; Он же. О тайнике ахызантропов в ашеле // Учен. зап. КазГУ. — 1973. — № 8.

⁴³ Векуа А. К., Тушабрамишвили Д. М. Уникальная культовая пещера // Изучение пещер Колхиды. — Тбилиси, 1978; Маруашвили Л. И. Климатические изменения в позднем антропогене в свете новых данных по Грузии // Там же; Маруашвили Л. И., Мамацашвили Н. С., Векуа А. К., Тушабрамишвили Д. М. История развития пещерной системы и ее окрестностей // Там же; Любин В. И. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. — М., 1984. — С. 67.

⁴⁴ Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. — С. 216.

⁴⁵ История Сибири. — С. 55—56.

⁴⁶ Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта: Предварительный отчет о работах в 1928—1932 гг. // Палеолит СССР. — Л., 1935. — С. 93—100.

⁴⁷ Фролов Б. А. О чем рассказала сибирская мадонна. — М., 1981. — С. 69.

⁴⁸ См., например: Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. — М., 1968; Он же. Памятники первобытного искусства на территории СССР. — М., 1966; Он же. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. — 1967. — № 3.

⁴⁹ Абрамова З. А. Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. — М., 1984. — С. 353.

⁵⁰ Там же. — С. 327.

⁵¹ Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Мизнюк Г. И., Савельев Н. А. Стоянки Ангара-Бельского района. — С. 62—96, табл. 20.

⁵² История Сибири. — С. 56—57.

⁵³ Абрамова З. А. Поздний палеолит азиатской части СССР. — С. 329.

⁵⁴ Рогачев А. И., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. — С. 214.

⁵⁵ Там же. — С. 231.

⁵⁶ Там же. — С. 232.

⁵⁷ Там же. — С. 235.

⁵⁸ Устное сообщение Г. И. Медведева.

⁵⁹ История Сибири. — С. 46.

⁶⁰ Васильев С. А., Ермолова Н. М. Майнинская стоянка — новый памятник палеолита Сибири // Палеолит Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 72.

⁶¹ История Сибири. — С. 50.

⁶² Рогачев А. И., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. — С. 194, 208.

⁶³ История Сибири. — С. 56.

⁶⁴ Фролов Б. А. Познательное начало в изобразительной деятельности палеолитического человека // Первобытное искусство. — Новосибирск, 1971. — С. 112; Он же. Мотивы первобытного анималистического творчества // Звери в камне. — Новосибирск, 1980. — С. 42; Ларичев В. Е. Древнее познание. — М., 1985; Он же. Пещерные чародеи. — Новосибирск, 1980.

⁶⁵ Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система верхнепалеолитического человека Сибири (Опыт расшифровки спирального орнамента ачинского ритуально-символического жезла). — Новосибирск, 1983. — С. 5. — (Препринт).

⁶⁶ Там же. — С. 20.

⁶⁷ История Сибири. — С. 51.

⁶⁸ Бадер О. И. Палеолитическая гравировка из Индигирского Заполярья // Археология Сев. и Центр. Азии. — Новосибирск, 1975. — С. 30—33.

⁶⁹ Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. — М., 1962. — С. 4—3. — (Свод археологических источников; Вып. А).

⁷⁰ Бадер О. И. Каповая пещера: Палеолитическая живопись. — М., 1965.

⁷¹ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. — Киев, 1969.

⁷² Окладников А. П., Кириллов П. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. — С. 49—50.

- ⁷³ *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР.— С. 78.
- ⁷⁴ *Фролов Б. А.* О чем рассказала сибирская мадонна.— С. 30.
- ⁷⁵ *Абрамова З. А.* Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии.— М.; Л., 1966.— Рис. 1.
- ⁷⁶ *Рогачев А. Н., Аникивич М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма.— С. 230, примеч.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Фролов Б. А.* О чем рассказала сибирская мадонна.— С. 30, 32.
- ⁷⁹ Там же.— С. 32.
- ⁸⁰ *История Сибири.*— С. 57.
- ⁸¹ *Рогачев А. Н., Аникивич М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма.— С. 232.
- ⁸² *Цыбиков Г. Ц.* Культ огня у восточных бурят-монголов // Бурятоведческий сб.— Иркутск, 1927.— Вып. 3, 4.— С. 63—64.
- ⁸³ *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма...— С. 89.
- ⁸⁴ *Богораз В. Г.* К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии.— М., 1910.— Кн. 1, 2.— С. 9.
- ⁸⁵ *Борисковский И. И.* Древнейшее прошлое человечества.— С. 218.

ГЛАВА III

- ¹ *Ларицев В. Е.* Неолитические поселения Прибайкалья (по данным раскопок 1957—1959 гг.) // Науч. конф. по истории Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1960.
- ² *Свицин В. В.* К итогам археологических исследований на Байкале // Вопр. истории Сибири.— Иркутск, 1971.— С. 64, рис. 1.
- ³ *Горюнова О. И.* Неолит и бронзовый век западного побережья оз. Байкал // Проблемы археологии Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1985.— С. 103; *Чистяков А. А., Горюнова О. И.* Неолитические памятники Приольхонья (К археологической карте района) // Там же.— С. 68.
- ⁴ *Ларицев В. Е.* Неолит Восточного Забайкалья и вопрос о так называемой «микролитической культуре» (по материалам поселений около озер Иргень и Кенон) // Науч. конф. по истории Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1960.— С. 32.
- ⁵ *Ивашина Л. Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии.— Новосибирск, 1979.— С. 106.
- ⁶ *Ивашина Л. Г.* Поселения эпохи неолита — раннего металла у озер Кулькисон и Харга // По следам древних культур Забайкалья.— Новосибирск, 1983.— С. 45.
- ⁷ *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии.— Улан-Батор, 1967.— С. 90.
- ⁸ *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья.— М., 1975.— С. 93—94.
- ⁹ *История Сибири.*— С. 119—127.
- ¹⁰ Там же.— С. 131.
- ¹¹ *Окладников А. П.* Многослойное поселение Санний Мыс на р. Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археол. экспедиции.— Новосибирск, 1971.— Вып. 2.— С. 15.
- ¹² *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала.— Новосибирск, 1974.— С. 74.
- ¹³ Раскопки 1966 г. Полевая документация хранится в архиве автора, коллекции — в Иркутском областном музее краеведения.
- ¹⁴ *Петри Б. Э.* Неолитическая колония в бухте Песчаной на Байкале // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та.— Иркутск, 1921.— Отд. 1, вып. 2.— С. 3.
- ¹⁵ *Дорж Д.* Неолит Восточной Монголии.— Улан-Батор, 1971.— С. 81—82.
- ¹⁶ *Ларицев В. Е.* Неолитические поселения Прибайкалья...— С. 36.
- ¹⁷ *Гуляев В. М., Кононова Т. И., Кубенко Н. В. и др.* Раскопки многослойной стоянки Стрижова Гора в долине р. Кан // АО 1975 г.— М., 1976.— С. 211.

¹⁸ Генералов А. Г., Савельев Н. П., Шмыгун П. Е. Работы в бассейнах рек Кана и Бирюсы // АО 1977 г.— М., 1978.— С. 218.

¹⁹ Там же.

²⁰ Соколов В. Н. Исследования в зоне Усть-Илимского водохранилища // АО 1977 г.— М., 1978.— С. 277.

²¹ Горюнова О. И., Савельев Н. А. Новая многослойная стоянка на Среднем Байкале // АО 1975 г.— М., 1976.— С. 227—228.

²² Горюнова О. И., Погоков Г. П., Филиппук Н. П., Рожкова И. А. Раскопки многослойной стоянки Берлога на Среднем Байкале // АО 1977 г.— М., 1978.— С. 220.

²³ Шмыгун П. Е. Работы на Северном Байкале // АО 1977 г.— М., 1978.— С. 285.

²⁴ Федосеева С. А. Работы Южного отряда Приленской экспедиции // АО 1977 г.— М., 1978.— С. 281.

²⁵ Антипина Н. В. Работы Верхневилуйского отряда // АО 1977 г.— М., 1978.— С. 164.

²⁶ Семенова В. А. Раскопки многослойной стоянки Тоора-Даш в Западной Туве // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 270; *Он же*. Раскопки стоянки Тоора-Даш // АО 1980 г.— М., 1981.— С. 208.

²⁷ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии.

²⁸ Константинов М. В., Константинов А. В., Семин Л. В., Лыцусь А. И. Изучение многослойного поселения Студеное в Забайкалье // АО 1976 г.— М., 1977.— С. 206.

²⁹ Ветров В. М. Усть-Каренский комплекс стоянок на Витиме // Новое в археологии Забайкалья.— Новосибирск, 1981.— С. 20.

³⁰ Трифонов А. П. Многослойные археологические памятники Нижняя Джилинда I и II // Отчетная науч.-теорет. конф. Археология, этнография, историкоисследование.— Иркутск, 1979.— С. 29.

³¹ Тарасов Л. М., Силицына Г. В. Неолитическое поселение Надь Шелот // Древние культуры Приангарья.— Новосибирск, 1978.— С. 115.

³² Крижевская Т. Я. К вопросу о производственной деятельности неолитического человека Прибайкалья (по археологическим раскопкам Ангарской экспедиции 1951—1959 гг.) // Древние культуры Приангарья.— Новосибирск, 1978.— С. 25—27; Абрамова З. А., Ларичев В. Е., Седякина Е. Ф. Новые данные по древней истории Прибайкалья (по данным раскопок 1958—1959 гг.) // Науч. конф. по истории Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1960.— С. 10.

³³ Окладников А. П., Конопацкий А. К. Работы в Приольхонье // АО 1977 г.— М., 1978.— С. 265—266; Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала.— Новосибирск, 1983.

³⁴ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии.— С. 19—20.

³⁵ Свиинин В. В. Археологические исследования на северном побережье Байкала в 1963—1965 гг. // Отчеты археол. экспедиций за 1963—1965 гг.— Иркутск, 1966.— С. 52—54.

³⁶ Тиваненко А. В. Древние наскальные рисунки Забайкалья: Отчет о работе археологической экспедиции Этнографического музея в 1978 году.— Улан-Удэ, 1979 (рукопись).— Этнографический музей народов Забайкалья в г. Улан-Удэ.

³⁷ Архив ЛОИА, ф. 42, № 296, с. 15—17.

³⁸ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии.— С. 37; Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепной Забайкалья.— М., 1981.— С. 90.

³⁹ Аксенов М. П., Ветров В. М., Шмыгун П. Е. Исследования в долине р. Витим // АО 1974 г.— М., 1975; Ветров В. М., Трифонов А. П. Археологические исследования в верхнем течении р. Витим // Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Иркутск, 1975.— Вып. 3; Аксенов М. П., Ветров В. М. Исследования в горно-таежных районах долины р. Витим // АО 1976 г.— М., 1977; Ветров В. М., Инешин Е. М. Археологические памятники верхней и средней долины р. Витим // Тез. докл. к науч.-практ. конф.— Иркутск, 1977; Ветров В. М., Смотров В. И. Ритуальный комплекс в устье р. Каренги // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии.— Иркутск, 1980.—

- С. 28—30; *Ветров В. М.* Усть-Карентский комплекс стоянок на Витиме // Новое в археологии Забайкалья. — Новосибирск, 1981. — С. 19—26.
- ⁴⁰ *Ивашина Л. Г.* Раскопки в Еравне // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 207.
- ⁴¹ *Ивашина Л. Г.* Исследования в Бурятии // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 233.
- ⁴² *Семина Л. В.* Неолитический слой на стоянке Черемушки // Отчетная науч.-теорет. конф. Археология, этнография, источниковедение. — Иркутск, 1979. — С. 53; *Она же.* Неолитическое поселение Черемушки на реке Хилок // Новое в археологии Забайкалья. — Новосибирск, 1981. — С. 39.
- ⁴³ *Окладников А. П.* Из области духовной культуры неолитических племен долины Керулена: ритуальные захоронения остатков животных // Археология и этнография Монголии. — Новосибирск, 1978. — С. 202.
- ⁴⁴ *Окладников А. П., Кириллов Н. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. — Новосибирск, 1980. — С. 98.
- ⁴⁵ Там же. — С. 90—91.
- ⁴⁶ *Кириллов Н. И.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье. — Иркутск, 1979. — С. 32.
- ⁴⁷ *Ларичев В. Е.* Неолитические поселения Прибайкалья... — С. 35—40.
- ⁴⁸ *Окладников А. П.* Из области духовной культуры неолитических племен долины Керулена... — С. 199.
- ⁴⁹ *Окладников А. П.* Ленские древности. — М.; Л., 1950. — Вып. 3. — С. 90—95.
- ⁵⁰ Там же. — С. 30—36.
- ⁵¹ Там же. — С. 30.
- ⁵² *Манжигеев Н. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. — М., 1978. — С. 36.
- ⁵³ Там же. — С. 47.
- ⁵⁴ Там же. — С. 64.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Хангалов М. И.* Собр. соч. — Улан-Удэ, 1958. — Т. 1. — С. 212—213.
- ⁵⁷ *Манжигеев Н. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. — С. 94, 105—106.
- ⁵⁸ Там же. — С. 92.
- ⁵⁹ Устные сообщения Т. М. Михайлова, К. Д. Басасвой и Н. В. Именохоева.
- ⁶⁰ О культе коновязи у бурят и якутов см.: *Мигайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древних времен по XVIII в.) — Новосибирск, 1980. — С. 191; *Иванов С. В.* Якутские коновязи // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л., 1976. — С. 213—224; *Лельчук Л. Г.* Якутские и бурятские коновязи // Там же. — С. 225—230.
- ⁶¹ См.: *Современный быт и этнокультурные процессы в Бурятии.* — Новосибирск, 1984. — С. 112; *Хангалов М. И.* Собр. соч. — Улан-Удэ, 1959. — Т. 2. — С. 112.
- ⁶² *Тимонов С. И.* Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. — Новосибирск, 1984. — С. 58—60.
- ⁶³ *Манжигеев Н. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины.
- ⁶⁴ *Тиваненко А. В.* Этнографический музей народов Забайкалья. — Улан-Удэ, 1985. — С. 17—20.
- ⁶⁵ *Давлет М. А.* Петроглифы Енисея: Дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1982 (рукопись). — С. 344.
- ⁶⁶ *Левашова В. П., Рыгдылон Э. Р.* Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее // КСИИМК. — 1952. — Т. 11, вып. 3. — С. 136.
- ⁶⁷ *Окладников А. П.* Шинкипские писаницы. — Иркутск, 1959. — С. 93; *Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее // Тр. Археол. о-ва. — М., 1910. — Т. 14. — С. 116—117; *Равдоникас В. И.* Следы тотемических представлений наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // СА. — 1937. — Т. 2. — С. 12—13.
- ⁶⁸ *Давлет М. А.* Петроглифы Енисея... — С. 344.

- ⁶⁹ *Потапов Л. П.* Лук и стрела в шаманстве алтайцев // СЭ.— 1934.— Т. 18.— С. 64—76.
- ⁷⁰ *Давлет М. А.* Петроглифы Енисея... — С. 344.
- ⁷¹ *Коломякова Е. В.* Стоянка бронзового века на Кайской горе // Проблемы археологии Сибири и Д. Востока.— Иркутск, 1985.— С. 70—71.
- ⁷² *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— М.; Л., 1955.— Ч. 3.— С. 406.
- ⁷³ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети).— Новосибирск, 1974.— С. 56—57.
- ⁷⁴ Там же.— С. 66.
- ⁷⁵ Там же.— С. 79.
- ⁷⁶ *Зубков В. С.* О погребальном обряде на могильнике Усть-Ямный (верхняя Лена) // Археология и этнография Восточной Сибири.— Иркутск, 1978.— С. 30—32.
- ⁷⁷ Сводка составлена по кн. *Окладников А. П.*: Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети); Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска).— Новосибирск, 1976; Верхоленинский могильник — памятник древней культуры народов Сибири.— Новосибирск, 1978.
- ⁷⁸ *Хлобыстин Л. П.* Древние культуры побережья озера Байкал: Каменный и бронзовый века: Дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1964.— С. 9—10, 17.
- ⁷⁹ *Конопацкий А. К.* Древние культуры Байкала.— С. 31—35, 42—48.
- ⁸⁰ Там же.— С. 37—39; 20, рис. 2.
- ⁸¹ Там же.— С. 35—37; 36, рис. 24—25.
- ⁸² *Тиваненко А. В.* Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // Краеведение Бурятии.— Улан-Удэ, 1979.— С. 181—188.
- ⁸³ *Свинин В. В.* Энеолитический памятник на Шаманском Мысу (Южный Байкал) // Вопр. истории Сибири.— Иркутск, 1975.— С. 45—55. Автор принимал участие в раскопках В. В. Свинина в 1966 г. на Шаманском Мысу.
- ⁸⁴ *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— Ч. 3.— С. 407.
- ⁸⁵ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети).— С. 121.
- ⁸⁶ Там же.— С. 406.
- ⁸⁷ *Коломякова Е. В.* Стоянка бронзового века на Кайской горе.— С. 70—71.
- ⁸⁸ *Конопацкий А. К.* Древние культуры Байкала.— С. 31—35.
- ⁸⁹ *Хлобыстин Л. П.* Древние культуры побережья озера Байкал... — С. 9—10.
- ⁹⁰ Там же.— С. 17.
- ⁹¹ *Хороших И. П.* По пещерам Прибайкалья (Экскурсии в пещеры Прибайкалья).— Иркутск, 1955.— С. 32.
- ⁹² *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала.
- ⁹³ *Тиваненко А. В.* Новые петроглифы побережья оз. Байкал // Древнее Забайкалье и его культурные связи.— Новосибирск, 1975.— С. 159; 160, рис. 3.
- ⁹⁴ *Хороших И. П.* По пещерам Прибайкалья... — С. 32.
- ⁹⁵ *Ивашина Л. Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии.— С. 71, рис. 53.
- ⁹⁶ *Тиваненко А. В.* Исследование петроглифов в Северной Бурятии // АО 1978 г.— М., 1979.— С. 276.
- ⁹⁷ *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья.— Л., 1969.— Ч. 1.— С. 75; *Окладников А. П.* Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия.— М., 1928.— Кн. 3.— С. 68.
- ⁹⁸ *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья.— Ч. 1.— С. 74—75; 191, табл. 87, рис. 6.
- ⁹⁹ Полевые материалы автора.
- ¹⁰⁰ *Тиваненко А. В.* Новый энеолитический могильник на берегах Байкала.— С. 181—188.
- ¹⁰¹ *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары.— М.; Л., 1966.— С. 13, рис. 2; Он же. Петроглифы верхней Лены.— Л., 1977.— С. 5 (карта).
- ¹⁰² *Окладников А. П.* Шинкинские писаницы.

- ¹⁰³ *Окладников А. П.* Жертвенное место глазковцев на р. Лене // Изв. ВСОГО. — 1971. — Т. 68. — С. 197—201.
- ¹⁰⁴ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серова до Братска). — С. 105.
- ¹⁰⁵ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). — С. 65.
- ¹⁰⁶ *Окладников А. П.* Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серова до Братска). — С. 13—86.
- ¹⁰⁷ *Окладников А. П.* Верхоленский могильник... — С. 91.
- ¹⁰⁸ Там же. — С. 103.
- ¹⁰⁹ Там же. — С. 106.
- ¹¹⁰ Там же. — С. 107.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² *Окладников А. П.* Шишкинские писаницы.
- ¹¹³ *Ивашина Л. Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. — С. 71.
- ¹¹⁴ *Герасимов М. М., Черных Е. Н.* Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. — С. 23—48.
- ¹¹⁵ *Ивашина Л. Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. — С. 29.
- ¹¹⁶ Там же. — С. 22.
- ¹¹⁷ *Сморова В. И., Смотров Г. И., Горюнова О. И.* Раскопки могильника Улярба на оз. Байкал // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 224.
- ¹¹⁸ *Конопацкий А. К.* Древние культуры Байкала. — С. 17; *Свинин В. В., Базалийский В. И., Зайцев М. А.* и др. Исследование курыканского могильника Харанса I в 1978—1979 гг. // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. — Иркутск, 1980. — С. 120—122.
- ¹¹⁹ *Асеев И. В., Конопацкий А. К., Гричан Ю. В.* Неолитическое погребение в устье р. Анги // Археологический поиск (Северная Азия). — Новосибирск, 1980. — С. 25—31.
- ¹²⁰ *Хлобыстин Л. П.* Древние культуры побережья озера Байкал... — С. 9—10.
- ¹²¹ *Хороших П. П.* По пещерам Прибайкалья... — С. 32.
- ¹²² *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении проблемы происхождения первобытных верований. — М.; Л., 1958. — С. 205.
- ¹²³ *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — Ч. 1—3.
- ¹²⁴ *Окладников А. П.* Шишкинские писаницы. — С. 93—94.
- ¹²⁵ Там же. — С. 97.
- ¹²⁶ *Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. — Табл. III, рис. IV; табл. VI, рис. 1; *Вяткина К. В.* Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // СМАЭ. — 1949. — Т. 12. — Рис. I, VI—1, VI — 15.
- ¹²⁷ *Мартынов А. И.* Лодки — в страну предков. — Кемерово, 1966.
- ¹²⁸ *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря // ТИЭ. Сер. археол. — Л., 1936. — Т. 11, ч. I, II; *Линевский А. М.* Петроглифы Карелии. — Петрозаводск, 1939. — Т. 1.
- ¹²⁹ *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. — С. 3.
- ¹³⁰ Там же. — С. 25.
- ¹³¹ *Окладников А. П.* Петроглифы средней Лены. — Л., 1977. — С. 5, 85, 117 и др.
- ¹³² *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. — С. 4.
- ¹³³ Там же. — С. 111.
- ¹³⁴ Там же. — С. 108, 109, 116, 118 и др.
- ¹³⁵ Там же. — С. 115.
- ¹³⁶ Там же. — С. 118.
- ¹³⁷ Там же. — С. 122.
- ¹³⁸ *Окладников А. П.* Петроглифы верхней Лены. — С. 117.
- ¹³⁹ *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала. — С. 103.
- ¹⁴⁰ *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья. — Ч. 2. — С. 67.
- ¹⁴¹ *Окладников А. П., Мазин А. И.* Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. — Новосибирск, 1976. — С. 90, 119.
- ¹⁴² Там же. — С. 86—88.

- ¹⁴³ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна реки Алдан. — Новосибирск, 1979. — С. 53—57.
- ¹⁴⁴ Там же. — С. 82.
- ¹⁴⁵ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы средней Лены. — С. 72.
- ¹⁴⁶ Там же. — С. 77.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ Окладников А. П. Шинкинские писаницы.
- ¹⁴⁹ Окладников А. П. Древняя тюркская культура в верховьях Лены // КСИМК. — 1948. — Вып. 19. — С. 8.
- ¹⁵⁰ Тиваненко А. В. Древние жертвенные места Восточной Сибири (по археологическим материалам Предбайкалья и Забайкалья). — С. 7; *Он же*. Новые петроглифы побережья оз. Байкал. — С. 157.
- ¹⁵¹ Тиваненко А. В. Древние жертвенные места Восточной Сибири (по археологическим материалам Предбайкалья и Забайкалья): Дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1983. — С. 7.
- ¹⁵² Здесь и далее описание составлено по кн. Окладникова А. П., Мазина А. И.: Писаницы бассейна реки Алдан; Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья.
- ¹⁵³ Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.: Л., 1937. — Т. 1. — С. 526.
- ¹⁵⁴ Мельзеев М. И. Географические названия Восточной Сибири (Иркутская и Читинская области). — Иркутск, 1969. — С. 72; *Он же*. Топонимика Бурятии: История, система и происхождение географических названий. — Улан-Удэ, 1969. — С. 178.
- ¹⁵⁵ Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов (кон. XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1984. — С. 12.
- ¹⁵⁶ Арбатский А. И. Некоторые данные о религиозных пережитках витимских эвенков // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1978. — Вып. 4. — С. 177—180. У бурят «буга» также означает «изюбрь» (священный).
- ¹⁵⁷ Чагдуров С. Ш. Этнические формулы «хэб» и символы культа предков «зураг» // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1983. — С. 57—59.
- ¹⁵⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. — С. 535—536; Радлов В. В. Сибирские древности. — СПб. 1894. — Т. 1, вып. 3. — С. 69—71.
- ¹⁵⁹ Окладников А. П. Шинкинские писаницы. — С. 8.
- ¹⁶⁰ Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. — М., 1980. — С. 65.
- ¹⁶¹ Там же. — С. 65.
- ¹⁶² Кызласов Н. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. — 1982. — № 2. — С. 83—92.
- ¹⁶³ Шекалов А. Словарь географический Российского государства. — М., 1803. — Ч. 6. — С. 179.
- ¹⁶⁴ Окладников А. П. Шинкинские писаницы. — С. 8—9.
- ¹⁶⁵ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы средней Лены. — С. 9.
- ¹⁶⁶ Полевые материалы автора.
- ¹⁶⁷ Арбатский А. И. Некоторые данные о религиозных пережитках витимских эвенков. — С. 177—180.
- ¹⁶⁸ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. — С. 82, 107.
- ¹⁶⁹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы средней Лены. — С. 78—79; Савян А. А. Материалы к изучению ленских надписей. — Якутск, 1940 (рукопись). — ИЯЛИН ЯФ СО АН СССР.
- ¹⁷⁰ Грушко Я. М. Путешествия по Байкалу для отдыха и укрепления здоровья. — Иркутск, 1956. — С. 98—100; Мельзеев М. И. По берегам Байкала. — Иркутск, 1977. — С. 85—86; Тиваненко А. В. Новые петроглифы побережья оз. Байкал. — С. 155.
- ¹⁷¹ Агапитов Н. Н. Прибайкальские древности: Изображения на утесах Байкала // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1881. — Т. 12, № 4/5. — С. 4.
- ¹⁷² Т. С. [Тимофей Савенков]. Байкал // Сибирь. — Новониколаевск, 1925. — С. 16—17.

- ¹⁷³ Там же.
¹⁷⁴ Балдаев С. П. Культ писаниц у западных бурят // Зап. БМНИИ. — Улан-Удэ, 1956. — Вып. 22.
¹⁷⁵ Хангалов М. Н. Дневники. — С. 351. — РО БИОН БФ СО АН СССР.
¹⁷⁶ Там же.
¹⁷⁷ Окладников А. Н. Петроглифы Байкала. — С. 18—19.
¹⁷⁸ Там же. — С. 19.

ГЛАВА IV

- ¹ Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. — М., 1981. — С. 120.
² Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. — Улан-Удэ, 1958. — С. 26; Кириллов Н. П., Ковычев Е. В. Исследования в Читинской области // АО 1970 г. — М., 1971. — С. 187—188.
³ Окладников А. Н. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР // КСИИМК. — 1949. — Т. 26. — С. 9—10.
⁴ Полевые материалы автора.
⁵ Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Тр. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. — 1941. — Вып. 1. — С. 273—300; Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. — С. 27—30; Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. — Улан-Батор, 1967. — С. 41—42; Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. — С. 120—129; Зайцев М. А. Некоторые вопросы изучения плиточных могил // Науч.-теорет. конф.: (Тез. докл.). — Иркутск, 1977. — С. 42—45.
⁶ Асеев И. В. Памятники железного века в бассейне р. Онон // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1973. — Вып. 3, № 11. — С. 105—108.
⁷ Зайцев М. А. Некоторые вопросы изучения плиточных могил. — С. 43.
⁸ Давыдов Д. П. О древних памятниках и могильных остатках абorigine-нов Забайкальской области Верхнеудинского округа // Зап. СОРГО. — 1856. — Кн. 2. — С. 90—91.
⁹ Там же. — С. 97—98.
¹⁰ Устное сообщение Е. А. Хамзиной.
¹¹ Данный жертвенный очаг перевезен и ныне экспонируется в Этнографическом музее народов Забайкалья в г. Улан-Удэ.
¹² Окладников А. Н., Кириллов Н. П. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. — Новосибирск, 1980. — С. 71.
¹³ Там же. — С. 95.
¹⁴ Давыдов Д. П. О древних памятниках и могильных остатках абorigine-нов... — С. 93—94.
¹⁵ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. — С. 30.
¹⁶ Данилов С. В., Коновалов П. Б. Новые материалы о курганах-керексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1987.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Автор благодарит С. В. Данилова и П. Б. Коновалова за любезно предоставленные материалы и разрешение предварительной публикации части полученных сведений.
¹⁹ Коновалов П. Б. Отчет о раскопках у с. Нижний Бургултай Джидинского района Бурятской АССР в 1985 г. — Улан-Удэ, 1986. — С. 18 (рукопись). — БИОН БФ СО АН СССР.
²⁰ Волков В. В. Оленные камни Монголии. — Улан-Батор, 1981. — С. 14.
²¹ Там же. — С. 30.
²² Там же. — С. 35.
²³ Там же. — С. 26.
²⁴ Палладий О. Путевые записки китайца Чжан-дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия // Зап. СОРГО. — 1867. — Кн. 9, 10. — С. 584.
²⁵ Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. — М., 1978. — С. 92.

- ²⁶ *Очирова Г. П.* Шаманский культ Гутайн-Бабая // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 70.
- ²⁷ *Кропоткин П.* Поездка в Окинский караул // Зап. СОРГО.— 1867.— Кн. 9, 10.— С. 56.
- ²⁸ *Риттер К.* Землеведение Азии.— Спб, 1894.— Ч. I.— С. 17.
- ²⁹ *Свинин В. В., Зайцев М. А.* Могильник раннего железного века Хужир II (о. Ольхон на Байкале) // Археология и этнография Восточной Сибири.— Иркутск, 1978.— С. 41.
- ³⁰ *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины.— С. 64—65, 85, 91.
- ³¹ *Герасимова К. М.* Тибетоязычные обрядники ламаизированного культа шаманских предков // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 117—118.
- ³² Там же.— С. 127.
- ³³ *Геденштром М. М.* Орывки о Сибири.— Спб, 1830.— С. 65.
- ³⁴ *Калашников Н. Т.* Дочь купца Жолобова.— Иркутск, 1985.— С. 69—70.
- ³⁵ Там же.— С. 65, примеч.
- ³⁶ *Термен А. И.* Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: Очерки и впечатления.— Спб, 1912.— С. 75.
- ³⁷ *Хороших П. П.* Олений камень из Забайкалья // СА.— 1962.— № 3.— С. 291—292.
- ³⁸ *Позднеев А.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Позднеевым.— Спб, 1896.— Т. 1: Дневник и маршрут 1892 г.— С. 217.
- ³⁹ *Герасимова К. М.* Тибетоязычные обрядники ламаизированного культа шаманских предков.— С. 128.
- ⁴⁰ Там же.— С. 127.
- ⁴¹ Там же.— С. 110.
- ⁴² *Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в.: Структура и социальная роль культовой системы.*— Новосибирск, 1983.— С. 174.
- ⁴³ *Галданова Г. Р.* Эволюция содержания охотничьего культа // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 48.
- ⁴⁴ *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины.— С. 61, 66.
- ⁴⁵ *Хамзина Е. А., Именогов Н. В.* Два шаманских погребения из Кижинги // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 84.
- ⁴⁶ *Владимирова В. П., Пыб С. В.* Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Сев. Азии.— Новосибирск, 1982.— С. 55—57.
- ⁴⁷ Там же.— С. 61—62.
- ⁴⁸ *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени.— Л., 1980.— С. 44—45.
- ⁴⁹ *Комплекс археологических памятников у горы Тепсей.*— Новосибирск, 1980.— С. 89, 134, 140.
- ⁵⁰ *Комплекс археологических памятников...*— С. 114.
- ⁵¹ *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах.— Новосибирск, 1981.— С. 104—105.
- ⁵² *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— Новосибирск, 1979.— С. 35, 131—134.
- ⁵³ *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее.— Л., 1978.
- ⁵⁴ *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура.— С. 132.
- ⁵⁵ *Степанов А.* Енисейская губерния.— Спб, 1835.— С. 129.
- ⁵⁶ *Радлов В. В.* Сибирские древности.— Спб, 1888.— Т. 1, вып. 1.— С. 10.
- ⁵⁷ *Messerschmidt D. Q.* Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727, T. 1: Tagebuchaufzeichnungen. Jahnuer, 1721—1722.— Berlin, 1962.— S. 298—300.
- ⁵⁸ *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах.— С. 62.
- ⁵⁹ *Енисейские губернские ведомости.*— 1859.— № 24.
- ⁶⁰ *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах.— С. 63.
- ⁶¹ *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени.— С. 44—45.

- ⁶² *Кыласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов.— М., 1980.— С. 20, 62, 66.
- ⁶³ *Островский П. Е.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // *Живая старина*.— Спб, 1895.— Ч. 5, вып. 3, 4.— С. 325.
- ⁶⁴ *Адрианов А. В.* Отчет об исследованиях писаниц в Минусинском крае летом 1904 года (рукопись).— Архив музея археологии и этнографии ТГУ, ед. хр. 55, л. 2.
- ⁶⁵ *Рыбдылов Э. Р.* Писаница близ оз. Шира // *СЭ*.— 1959.— Т. 29, 30.— С. 200, табл. XI.
- ⁶⁶ *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. // *ТНЭ*. Нов. сер. — Л., 1954.— Т. 22.— С. 588—589.
- ⁶⁷ *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы.— М., 1975.— С. 31.
- ⁶⁸ *Катанов И. Ф.* О погребальном обряде у тюркских племен Центральной и Восточной Азии.— Казань, 1894.
- ⁶⁹ *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины.
- ⁷⁰ *Дьяконова В. И.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник.— Л., 1975.— С. 59.
- ⁷¹ *Окладников А. И., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы.— С. 168.
- ⁷² *Тиваненко А. В.* Древние культовые святилища — новый тип археологических памятников Забайкалья // *Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна*.— Новосибирск, 1979.— С. 135—144.
- ⁷³ *Окладников А. И., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья.— Л., 1970.— Ч. 2.— С. 31.
- ⁷⁴ Там же.— С. 31—36.
- ⁷⁵ Там же.— С. 66—67.
- ⁷⁶ Устное сообщение Ц. Б. Цыдендамбаева.
- ⁷⁷ *Ленгобоев Г. Л.* Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят // *Зап. БМНИИГ*.— Улан-Удэ, 1955.— Вып. 12.
- ⁷⁸ *Окладников А. И., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.
- ⁷⁹ Определение костей на этом и других жертвенных местах Забайкалья проведено Н. В. Оводовым, за что приношу ему глубокую благодарность.
- ⁸⁰ *Окладников А. И., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 56—58.
- ⁸¹ *Тиваненко А. В.* Древние культовые святилища... — С. 141.
- ⁸² *Хангалов М. И.* Собр. соч.— Улан-Удэ, 1959.— Т. 2.
- ⁸³ *Птицын В. В.* Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края.— Сиб, 1896.— С. 100.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ См. работы А. И. Окладникова по петроглифам Ангары, верхней Лены, Шинкино, оз. Байкал, Забайкалья и др.
- ⁸⁶ См.: *Окладников А. И., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья.— Л., 1969.— Ч. 1; 1970.— Ч. 2.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ *Тиваненко А. В.* Новые петроглифы побережья оз. Байкал // *Древнее Забайкалье и его культурные связи*.— Новосибирск, 1985.— С. 159.
- ⁸⁹ *Тиваненко А. В.* Древние жертвенные места Восточной Сибири (по археологическим материалам Предбайкалья и Забайкалья): Дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1983.— С. 16.
- ⁹⁰ *Окладников А. И., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 91.
- ⁹¹ Там же.— С. 127.
- ⁹² Там же.— С. 126.
- ⁹³ Там же.— С. 92.
- ⁹⁴ Там же.— С. 126—127.
- ⁹⁵ Там же.— С. 91.
- ⁹⁶ Там же.— С. 92.

- ⁹⁷ Окладников А. П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножия горы Богдо-Уула // Монг. археол. сб.— М., 1962.— С. 168.
- ⁹⁸ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 66.
- ⁹⁹ Сборник документов по истории Бурятии XVII в.— Улан-Удэ, 1960.
- ¹⁰⁰ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 241, табл. 70, рис. 2.
- ¹⁰¹ По этому поводу существует большая литература. Соплемеся на одну: Хангалов М. П. Собр. соч.— Улан-Удэ, 1958.— Т. 1.
- ¹⁰² Иянов С. В. К вопросу об изучении стенных росписей горных таджиков // КСИЭ.— 1947.— Т. 11.— С. 83.
- ¹⁰³ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 95.
- ¹⁰⁴ Окладников А. П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки... — С. 68.
- ¹⁰⁵ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 126.
- ¹⁰⁶ Там же.— С. 204, табл. 100.
- ¹⁰⁷ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении проблемы происхождения первобытных верований.— М.; Л., 1958.— С. 32, рис. 2; 33.
- ¹⁰⁸ Аристов П. П. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина.— 1896.— Т. 6, вып. 3. 4.— С. 237.
- ¹⁰⁹ Чернецов В. И. Наскальные изображения Урала.— М., 1971.— С. 95—106.
- ¹¹⁰ Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц.— М., 1972.
- ¹¹¹ Окладников А. П. Петроглифы Ангара.— М.; Л., 1966.
- ¹¹² Хангалов М. П. Дневники.— С. 351.— РО БИОН БФ СО АН СССР.
- ¹¹³ Балдаев С. И. Культ писаниц у западных бурят // Зап. БМНИИГ.— Улан-Удэ, 1956.— Вып. 22.— С. 7.
- ¹¹⁴ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 123.
- ¹¹⁵ Хангалов М. П. Дневники.— С. 351.
- ¹¹⁶ Балдаев С. И. Культ писаниц у западных бурят.— С. 7.
- ¹¹⁷ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 2.— С. 122—123.
- ¹¹⁸ Там же.— С. 123.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство.— М., 1977.— С. 14—15.
- ¹²² См.: Тиваненко А. В. Неисследованные пиктографы Восточных Саян // Историко-культурные связи народов Центральной Азии.— Улан-Удэ, 1983.— С. 48—55.
- ¹²³ См.: Чагдуров С. Ш. Этнические формулы «хэб» и символы культа предков «зураг» // Историко-культурные связи народов Центральной Азии.— Улан-Удэ, 1983.— С. 57—59.
- ¹²⁴ Дамдинсурэн Ц. Древнемонгольские надписи на скале у подножия горы Богдо-Ула // Тр. БКНИИ.— Улан-Удэ, 1962.— Вып. 8.— С. 176—180.
- ¹²⁵ Сумегес (Сумэр) — «мировая гора» по представлениям буддистов.
- ¹²⁶ См.: Дамдинсурэн Ц. Древнемонгольские надписи...
- ¹²⁷ Окладников А. П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки... — С. 74.
- ¹²⁸ Убрятова Е. И. Древнетюркская руническая надпись из Бичикту-Бома // Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск, 1974.— С. 161.
- ¹²⁹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 1.— С. 14—15.
- ¹³⁰ Устное сообщение Ц. Б. Цыдендамбаева.

- ¹³¹ Окладников А. П. История Якутской АССР.— М.; Л., 1955.— Т. 1.— С. 327, 332.
- ¹³² Там же.— С. 336.
- ¹³³ Пекарский Э. К. Образцы народной литературы.— Спб, 1911.— Вып. 5; Барашков Н. И. Среднееленские наскальные надписи // Древняя письменность якутов.— Якутск, 1942.— С. 37—38.
- ¹³⁴ Балдаев С. И. Культовые писаницы у западных бурят; Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 1, 2; Ленхобоев Г. Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят // Зап. БМНИИК.— Улан-Удэ, 1955.— Вып. 12; Окладников А. П. Фольклорные записи Г. Л. Ленхобоева // Там же.
- ¹³⁵ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 1.— С. 19.
- ¹³⁶ Рыгдылов Э. Р. Отчет об археологических исследованиях в Бурятии летом 1936 г.— РО ЛОИА АН СССР, ф. 42, № 397.
- ¹³⁷ См.: Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья.— Ч. 1.
- ¹³⁸ Ленхобоев Г. Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят.— С. 121; Более полный вариант: Ленхобоев Г. Л. Древние памятники, свидетельствующие о прошлом бурят-монгольского народа (рукопись).— Архив автора.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же.— С. 128.
- ¹⁴¹ Castren M. A. Nordische Reisen und Forschungen. Reiseberichte und Brieje.— St.-Ptk.— 1856.— S. 318.
- ¹⁴² Степанов А. И. Енисейская губерния.— Спб, 1835; Попов Н. И. Общ. взгляд на писаницы Минусинского края // Ист. сообщ. отдела РГО.— 1876.— Т. 7, № 1 — 1.— С. 30; Castren M. A. Nordische Reisen... — S. 318.
- ¹⁴³ Клеменц Д. А. Материалы, собранные при экскурсиях в верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. // Зап. ЗСОРГО.— 1891.— Кн. 2.— С. 27.
- ¹⁴⁴ Трояков Н. А. Промысловая и магическая функция сказывания сказок у хакасов // СЭ.— 1969.— № 2.— С. 31.
- ¹⁴⁵ Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов.— С. 65.
- ¹⁴⁶ Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА.— 1965.— № 3.— С. 112; Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов.— С. 65.
- ¹⁴⁷ Appelgren Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmaler. — Helsingfors, 1931.— Fig. 66, 77.
- ¹⁴⁸ Мещанинов Н. И. Загадочные знаки Причерноморья // Исследования ГАНМК.— 1933.— Вып. 62.— С. 19.

ГЛАВА V

- ¹ Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая.— Новосибирск, 1979.— С. 28—29.
- ² Там же.— С. 32.
- ³ Там же.— С. 28—29.
- ⁴ Манс Г. О семантике топонима «Ульген» // Исследования по исторической этнографии монгольских народов.— Улан-Удэ, 1986.
- ⁵ Beasley A. W. Rocks and very early men // Victorian Nature.— 1975.— N 12.— P. 256—257.
- ⁶ Кызласов Н. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ.— 1982.— № 2.— С. 92, примеч.
- ⁷ Токарев С. А. О культе гор у народов Евразии // СЭ.— 1982.— № 3; Кызласов Н. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов.— С. 83—92.
- ⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— М., Л., 1955.— Ч. 3.— С. 228.
- ⁹ Анисимов А. Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства // СМАЭ.— Л., 1951.— Т. 13.— С. 191—192.
- ¹⁰ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья.— Новосибирск, 1976.— С. 105—112.
- ¹¹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— Ч. 3.— С. 316.

- ¹² Потанин Г. Н. Избранное.— Спб, 1910.— С. 26.
- ¹³ Потапов Л. П. Култ гор на Алтае // СЭ.— 1946.— № 2.— С. 156.
- ¹⁴ Кызласов И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов.— С. 82.
- ¹⁵ Уланов А. И. Древний фольклор бурят.— Улан-Удэ, 1974.— С. 9, 13, 22, 29, 46.
- ¹⁶ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.).— Новосибирск, 1980.— С. 166.
- ¹⁷ Банзаров Д. Собр. соч.— М., 1955.— С. 67—69.
- ¹⁸ Дьяконова В. И. Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера.— Л., 1977.— С. 188—189.
- ¹⁹ Радлов В. В. Сибирские древности.— Спб, 1888.— Т. 1, вып. 3.— С. 64.
- ²⁰ Окладников А. П. История и культура Бурятии.— Улан-Удэ. 1976.— С. 176.
- ²¹ Сельский И. Путь от Култука по направлению в Тункинский край // Изв. ВСОРГО.— 1867.— Т. 11.— С. 535.
- ²² Балдаев С. П. Култ писаниц у западных бурят // Зап. БМНИИК.— Улан-Удэ, 1956.
- ²³ Окладников А. П. История Якутской АССР.— М.; Л., 1955.— Т. 1; Он же. Шинкинские писаницы.— Иркутск, 1959.
- ²⁴ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка.— М., 1959.— Стб. 1192.
- ²⁵ Михайлов Т. М. Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа // Ономастика Бурятии.— Улан-Удэ, 1976.— С. 154.— (Тр. БИОН БФ СО АН СССР. Сер. языковед.; Вып. 26).
- ²⁶ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка.— Стб. 1513.
- ²⁷ Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят.— Улан-Удэ, 1970.— С. 61.
- ²⁸ Михайлов Т. М. Заметки о топонимах... — С. 154—155.
- ²⁹ Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Новые рунические надписи и знаки Прибайкалья // Тр. БКНИИ. Сер. ист.-филол.— Улан-Удэ, 1961.— Вып. 6.— С. 202—204; Окладников А. П. История Якутской АССР.— С. 193—194.
- ³⁰ Михайлов Т. М. Заметки о топонимах... — С. 155.
- ³¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка.— Стб. 3847—3848.
- ³² Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий.— Спб, 1888.— Т. 1, ч. 2.— Стб. 1381—1382.
- ³³ Михайлов Т. М. Заметки о топонимах...
- ³⁴ Окладников А. П. Очерки по истории западных бурят-монголов.— Л., 1937.— С. 282—284.
- ³⁵ Михайлов Т. М. Заметки о топонимах... — С. 156—157; См. также: Хороших П. П. Наскальные изображения на горе Байтог // Зап. БМНИИК.— Улан-Удэ, 1957.— Вып. 23.— С. 148.
- ³⁶ Каталог гор и морей (Шань Хай цзин).— М., 1977.— С. 60; Тиванен-хо А. В. Мифические страны Сибири // Сибирь.— Иркутск, 1979.— № 1.— С. 117—121.
- ³⁷ Кожин П. М. К социокультурной характеристике сибирских могильников эпохи неолита // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии.— Иркутск, 1980.— С. 127—129.
- ³⁸ См. список литературы в кн.: Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма... — С. 164.
- ³⁹ Новгородова Э. А. В стране петроглифов и эдельвейсов.— М., 1982.— С. 28.
- ⁴⁰ Сумати-мани-пранджи (Ксилограф).— РО БИОН БФ СО АН СССР, № 5914.
- ⁴¹ Новгородова Э. А. В стране петроглифов и эдельвейсов.— С. 28.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзГУ	— Азербайджанский государственный университет
АО	— Археологические открытия
БИОН	— Бурятский институт общественных наук СО АН СССР
БКНИИ	— Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
БМНИИК	— Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ВСОРГО	— Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ВСОГО	— Восточно-Сибирский отдел Географического общества СССР
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ЗСОРГО	— Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИИФиФ	— Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории Якутского научного центра СО АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
НИИК БМАССР	— Научно-исследовательский институт культуры Бурят-Монгольской АССР
СА	— Советская археология
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
СОРГО	— Сибирский отдел Русского географического общества
СЭ	— Советская этнография
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ТГУ	— Томский государственный университет

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I	
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ	8
ГЛАВА II	
КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ АЗИИ	21
ГЛАВА III	
СВЯТИЛИЩА НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	44
1. Культовые места на поселениях	—
2. Культовые комплексы на могильниках	63
3. Культовые комплексы у петроглифов	82
ГЛАВА IV	
СВЯТИЛИЩА ПЛЕМЕН БРОНЗОВОГО — РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	99
1. Культовые комплексы на некрополях	—
2. Культовые места у петроглифов	128
ГЛАВА V	
РОЛЬ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ В ЖИЗНИ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	181
ПРИМЕЧАНИЯ	184
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	201

Научное издание

Тиваненко Алексей Васильевич

ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ в эпоху камня и бронзы

Редактор издательства Т. В. Куржичанц. Художник А. И. Смирнов
Художественный редактор В. В. Седунов. Технический редактор А. В. Сурганова
Корректоры И. А. Абрамова, Е. Н. Зимица

ИБ № 34916

Сдано в набор 09.09.88. Подписано к печати 21.04.89. Формат 60×
×90 ¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Обыкновенная гарнитура. Высокая
печать. Усл. печ. л. 12,5. Усл. кр.-отт. 12,8. Уч.-изд. л. 15. Тираж 1150 экз.
Заказ № 335. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское
отделение, 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077 Новосибирск,
ул. Станиславского, 25.

